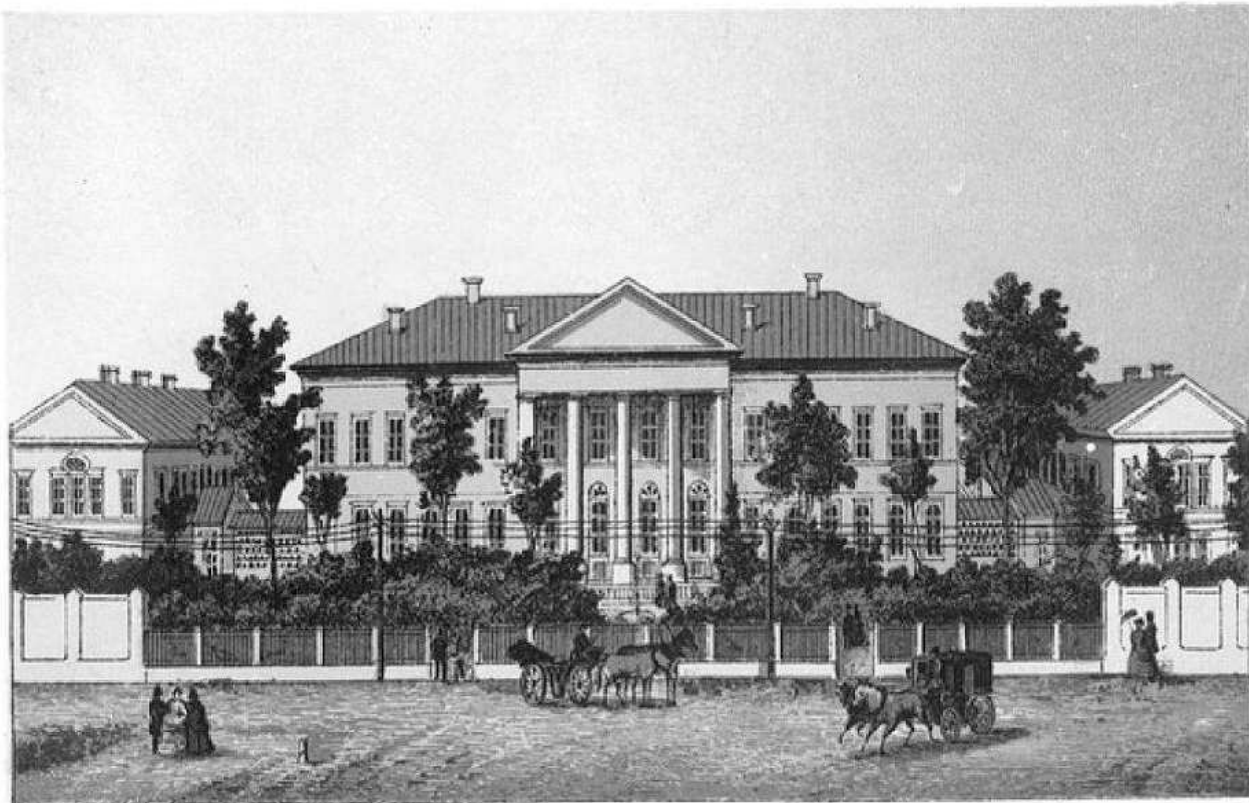

№1-2012

НИКОЛАЕВ

Литературный

МОРСКОЕ СОБРАНИЕ ВЪ НИКОЛАЕВЪ.

Сентябрь-2012

Содержание

Колонка Главного редактора.....	3
Поэзия.....	5
Эмиль Январёв.....	5
Марк Лисянский.....	17
Анатолий Поперечный.....	34
Проза.....	52
Михаил Божаткин.....	52
Адриан Топоров.....	60
Журналистика.....	71
Борис Аров.....	71
Драматургия.....	82
Николай Троянов.....	82
Детская литература.....	103
Лариса Ратич.....	103
Юмор и Сатира.....	116
Михаил Владимов.....	116
Николаевская старина.....	122
Иван Долгоруков. Описание Богоявленского 1810 г.....	123
Николаевский хронограф. Сентябрь.....	129
Книгоиздательство.....	134
Ирина Гудым.....	134
Библиотечное дело.....	137
Советуем почитать.....	140

Теперь мы станем ближе!

Уважаемые земляки-николаевцы!

Сегодня мы презентуем для вас наш новый международный гуманитарный проект – литературно-художественный интернет-журнал «Литературный Николаев». На его страницах вы познакомитесь с творчеством не только современных николаевских поэтов, прозаиков и журналистов, но и с теми нашими земляками-писателями, которые жили и творили в нашем городе в прошлые годы.

Благодатная николаевская земля воспитала (и воспитывает!) немало замечательных поэтов и прозаиков, журналистов и переводчиков, чьё творчество прославляет наш город корабелов далеко за его пределами! Всему миру известны имена Марка Лисянского, Анатолия Поперечного, Эмиля Январёва, Эдуарда Багрицкого, Дмитра Креминя и многих других наших талантливых земляков!

А сколько таких имён, к сожалению, несправедливо забыты и известны лишь узким специалистам-филологам? И ведь вовсе не из-за отсутствия у них таланта, а просто наше время, своими ежедневными проблемами, политическими катаклизмами, и массовой поп-культурой, отодвинуло на второй план имена многих самобытных николаевских поэтов, прозаиков и журналистов.... Именно поэтому, мы убеждены, что рассказывая сегодня современному читателю об этих замечательных людях, мы сможем внести свой посильный вклад в сохранение культурного наследия нашего Николаева – города корабелов, талантливых учёных, адмиралов, деятелей культуры, и, конечно же, поэтов, прозаиков и журналистов.

На страницах нашего журнала вы сможете не только прочесть стихи, повести, рассказы и очерки наших земляков-николаевцев, но и получите возможность значительно ближе узнать о жизни и творчестве ваших любимых литераторов! Вы сможете увидеть уникальные фотографии и видеозаписи с ними, а также послушать и посмотреть «вживую» многих ваших любимых авторов – ведь интернет-журнал предоставляет в этой сфере поистине неограниченные возможности! У нас вы сможете скачать многочисленные файлы и архивы, обсудить понравившиеся произведения на нашем форуме, а также распечатать любой выпуск журнала в виде отредактированного «бумажного» издания в pdf-файле.

В журнале будет множество разнообразных рубрик, рассчитанных на самый широкий и взыскательный вкус наших читателей. Мы постараемся сделать наш журнал интересным для чтения, весёлым и ненавязчивым, но в то же время

привлекательным и глубоким по содержанию. Ну и, конечно же, мы будем рады вашим письмам, творческим работам, архивным материалам и критическим замечаниям, которые помогут сделать журнал интересным и увлекательным!

Редакционная коллегия журнала «Литературный Николаев» поздравляет николаевцев с новым творческим проектом и постарается сделать всё, чтобы о нашем городе узнали как можно больше людей во всех уголках нашей планеты.

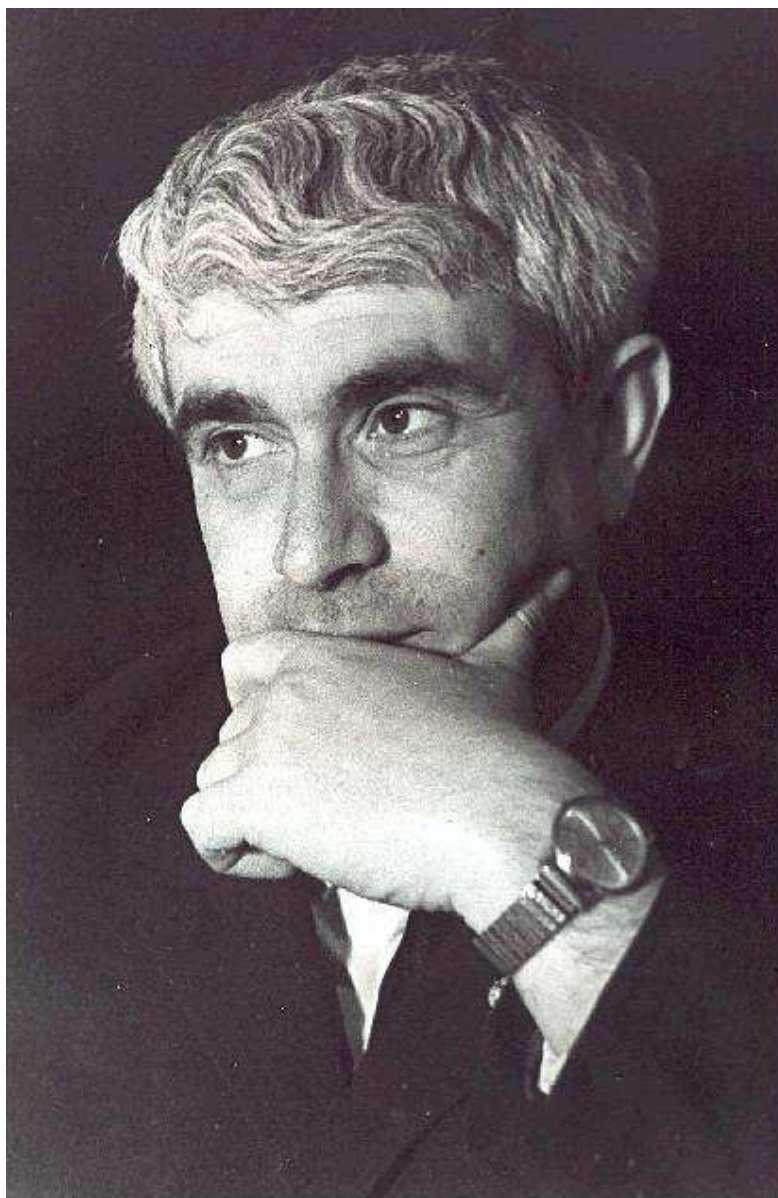
**Главный редактор интернет-журнала
«Литературный Николаев»
поэт Вячеслав Качурин**

П о э з и я

Эмиль Январёв

Эмиль Израилевич Январев (30 января 1931 – 5 октября 2005) – русский поэт, член Союза писателей Украины, почётный гражданин Николаева, лауреат премии имени Н.Ушакова, родился в Николаеве. После окончания средней школы заочно учился в Николаевском педагогическом институте и заочно в Литературном институте имени А. М. Горького. Много лет работал преподавателем русского языка и литературы в школе рабочей молодежи. Первые стихи Эмиля Январева были опубликованы в 1955 году.

Автор поэтических сборников «Действующие лица» (1972), «Корабельные баллады» (1977), «Почерк» (1981), «Эхо на площади» (1987), «Ольвийский причал» (1991), «Документ» (1997). Почётный гражданин г. Николаева.

Эмиль Январев

Итак, отчалил сухогруз...

Итак, отчалил сухогруз
От заводского пирса.
Он вдруг прозрел. Вошел во вкус.
От наших рук отбился.
Простора местного ему
Теперь, конечно, мало.
Скользит он медленно в дыму
Рассветного тумана.
А там морей турбинный гул,
Соленых вод лавина.
И обрывается Ингул,
Как будто пуповина.

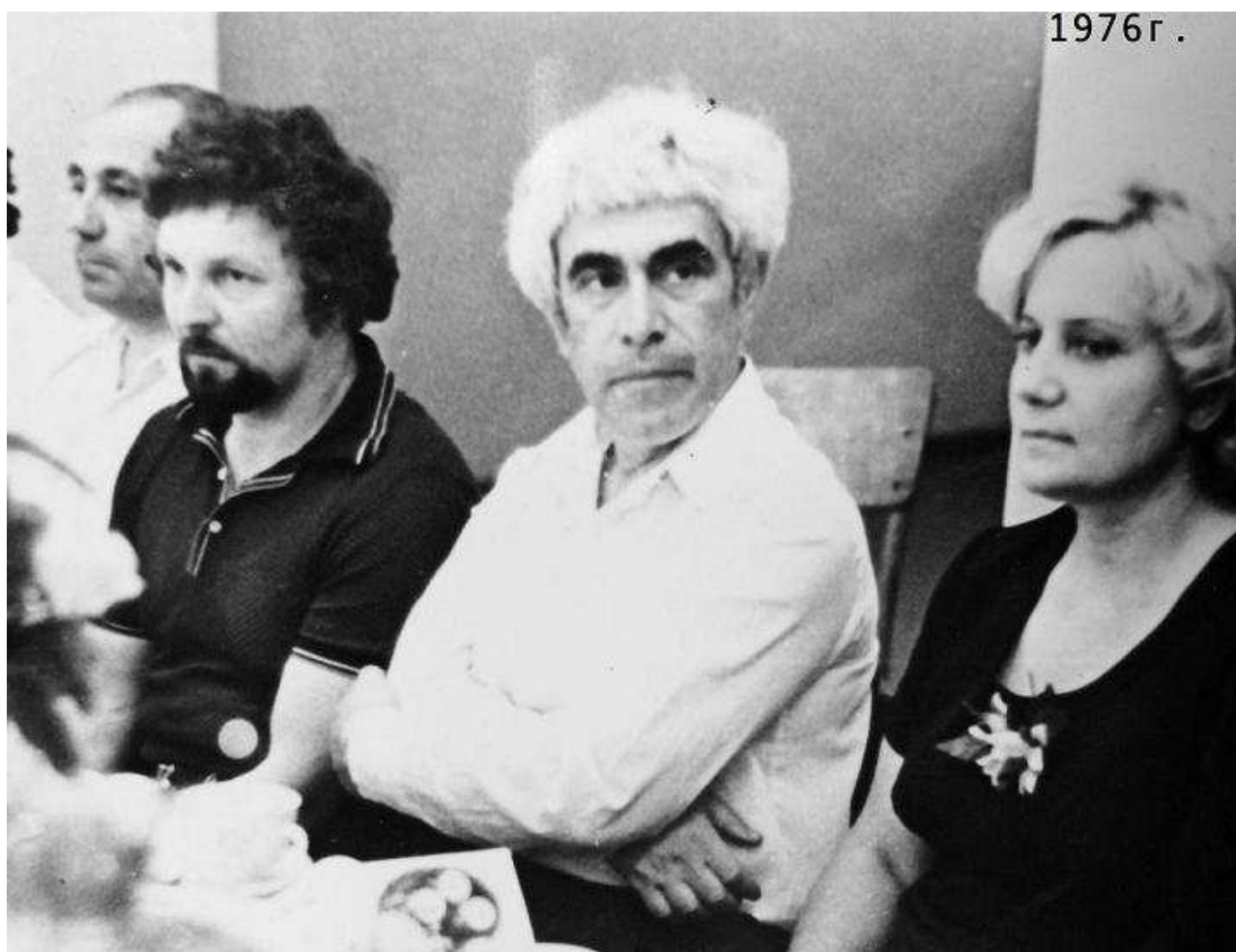
Эмиль Январёв. 1953 год.

Покуда молчат самолеты...

Покуда молчат самолеты,
в ночную дремоту уйдя,
дай бог тебе летной погоды,
а мне – проливного дождя.
Заместо насущного хлеба,
а также семейных оков –
дай бог тебе ясного неба,
А мне – кучевых облаков.
Здесь добрый исход невозможен,
Тут общему благу не быть,
И бог обязательно должен
Кого-то из двух обделить...
И судя по далям погожим,
По синему свету в окне,
К тебе он опять расположен
И неблагоприятен ко мне.

Как Довженко снимал «Землю»

Довженко землю понимал,
И на плечах интеллигентных
Довженко землю поднимал
До эпоса и до легенды.
Такую веру он вселял,
Мне говорил артист Масоха,
Что превращалась вдруг массовка
В заправский митинг у селян.
Текли сады вдоль белых улиц,
И к горизонту – цоб-цобе! –
Волы медлительно тянулись
С травинкой мокрой на губе.
Истайвали ночи зябкие,
И яблоки, стуча, катились.
И груди девичьи, как яблоки,
В руках у парубков светились.
А сам Довженко шел на Псел,
И, ёжась от прохлады резкой,
Он умывался этой речкой,
Перевидавшей столько сел!
В нем чистота, как мед, играла
В руках, в бровях, в изгибе рта,
И доходила до экрана
Довженковская чистота.

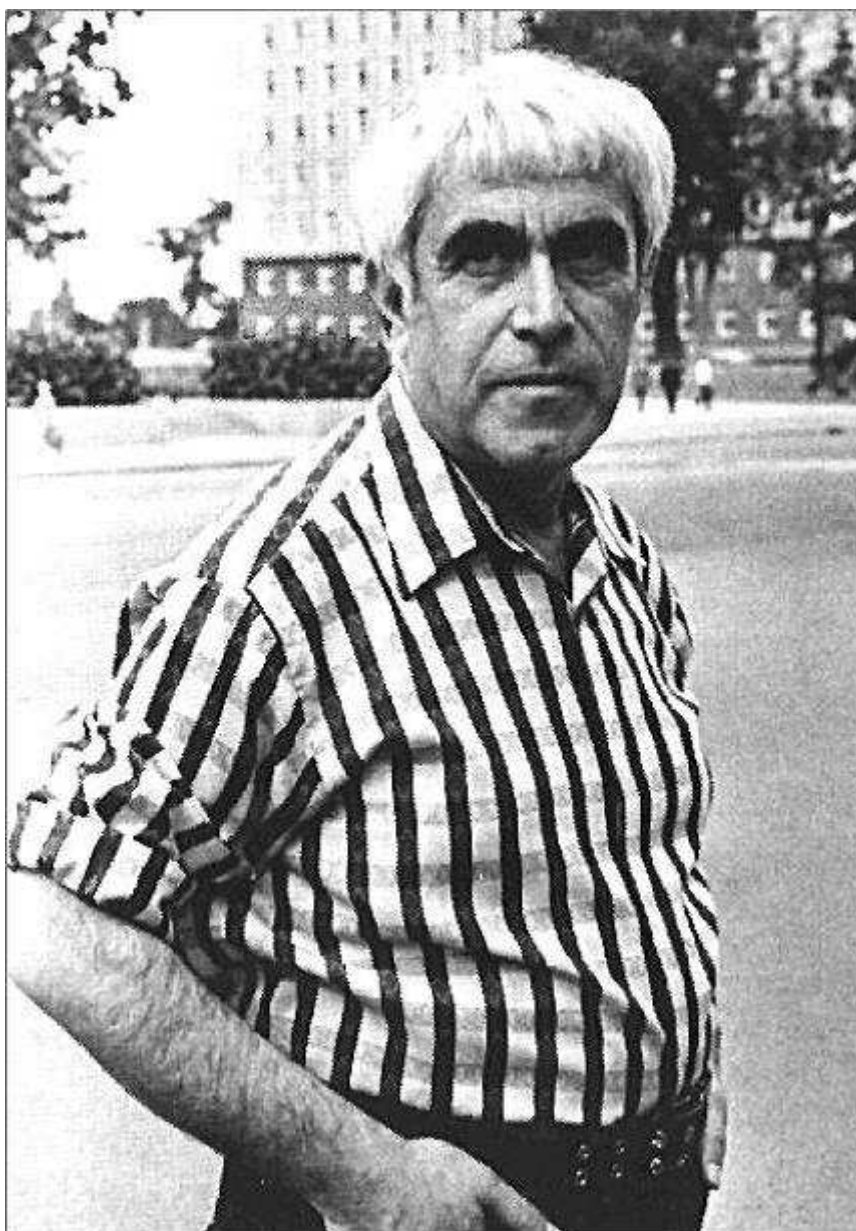

Николаевские поэты В. Качурин и Э. Январёв на встрече с читателями 1976 г.

Над хатой рыбацкой...

Над хатой рыбацкой висит
Дождя серебристая пряжа...
О, буду ль когда-нибудь сыт
Дарами родного пейзажа?
И разве настанет пора,
Когда мне избыточно хватит
Соленой моряны с утра,
Малиновых туч на закате,
Той дали, откуда растёт
Волны искрометная глыба,
Той глубины, откуда вот-вот
Поднимется красная рыба,
Той выси, белесой чуть-чуть,
Над грозным прибоем гривастым?
О, взглядом всё это втянуть!
О, памятью всё заграбастать!

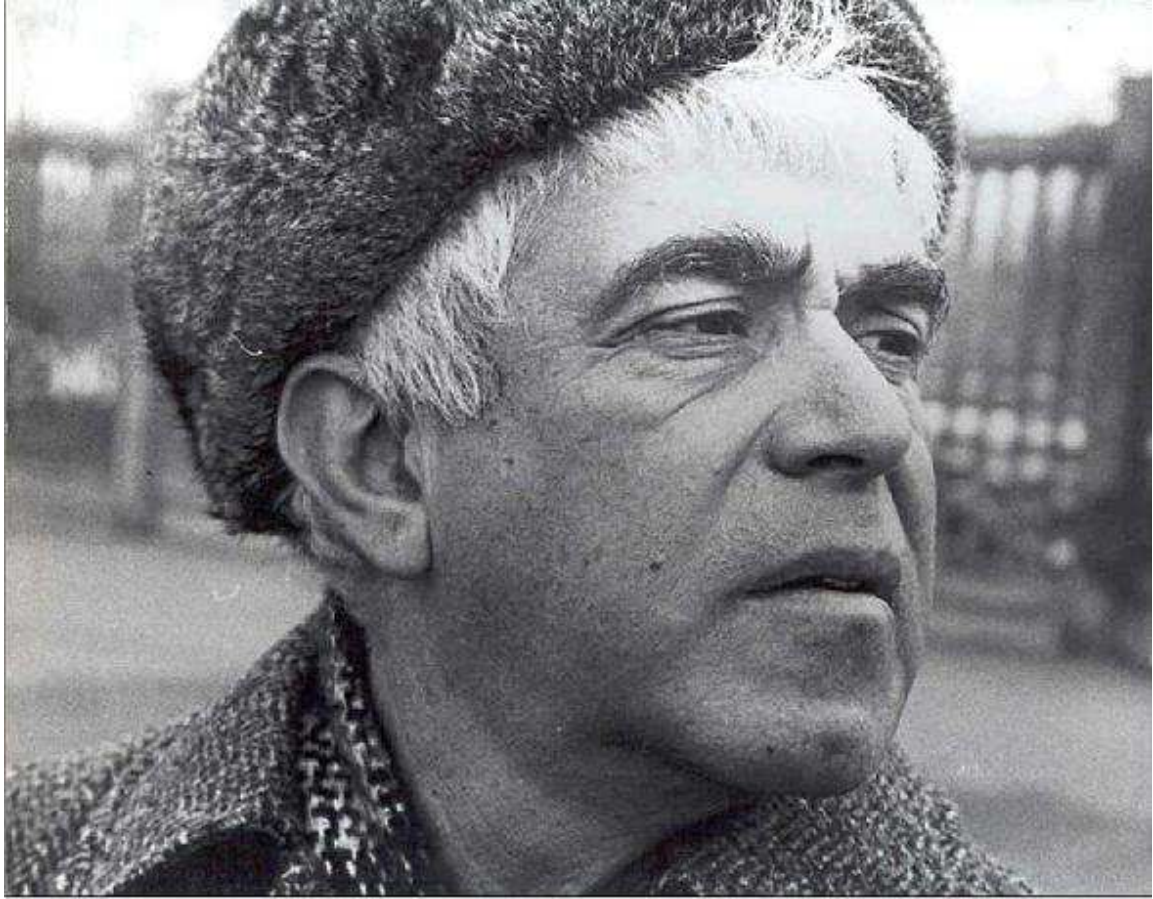

В Николаеве на улице Советской. 1989 г.

Длинные льдины Ингула...

Длинные льдины Ингула
Стали с утра на торец.
Это – начало загула,
это – дремоты конец!
Это с прикола сорвался
Мартовский шквал-дебошир.
Это грачами Саврасов
Рощу уже всполошил.
Это лазурь поднебесья
В душу надежду внесла.
Старая, скажете, песня?
Полноте – снова весна!

Когда баркас трещит, как ящик...

Когда баркас трещит, как ящик,
От берега недалеке,
Доверчив человек, стоящий
На пеной залитом песке.
Сюда, где ветрами отпеты
Маслин кипящие верхи,
Принес он новые обеты
Не множить старые грехи.
Он взглядом море обнимает,
И оком, и облака,
И с новой силой понимает,
Как жизнь свежа и коротка.
Так полны прелести мгновенной
Ее земные рубежи,
Чтоб их марать едучей пеной
Своекорыстия и лжи!

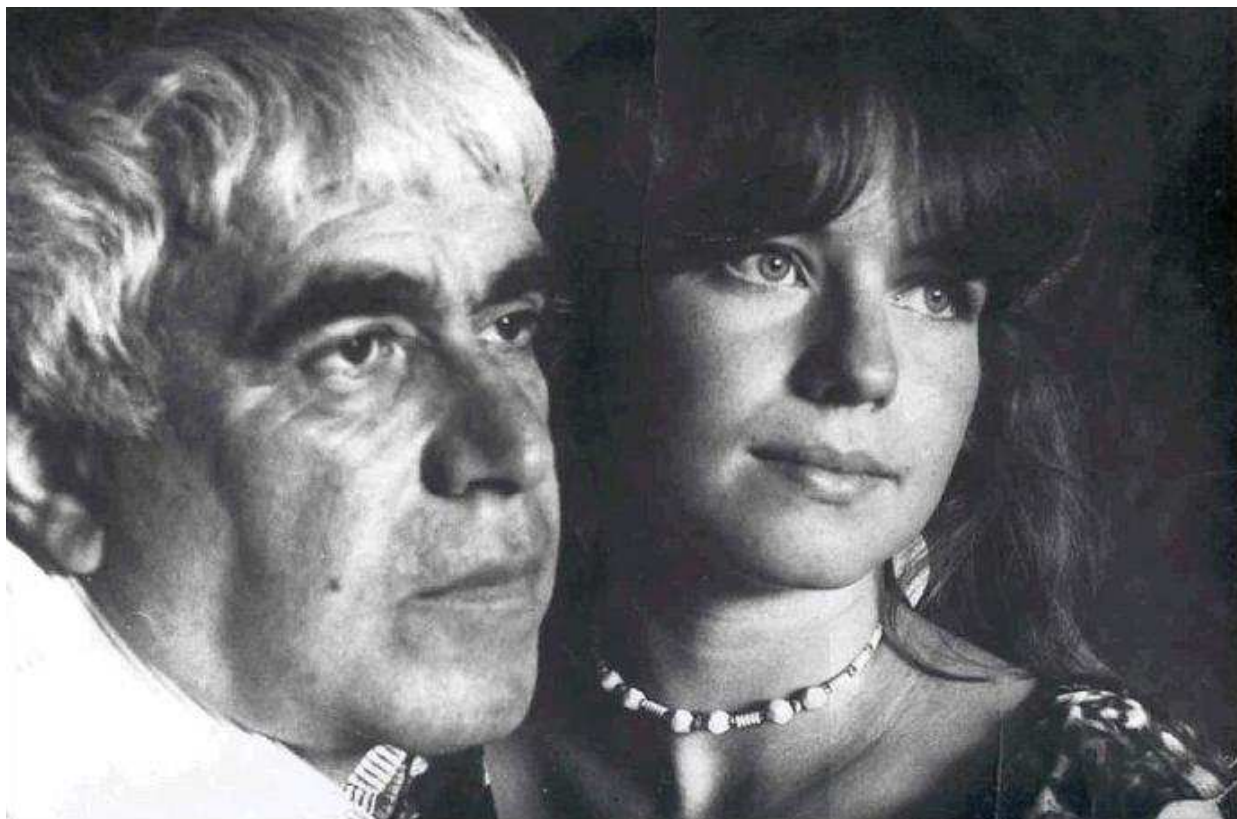

Встреча с читателями в парке

У самого моря

Если б город я оставил
И уехал налегке,
Я бы дом себе поставил
На Кинбурнском на песке...
Чтоб румянилась заря бы,
Как на противне пирог,
Чтоб малюсенькие крабы
Прибегали на порог.
И, конечно, в доме этом,
Где у входа три ветлы,
Николаевским поэтам
Я бы отдал все углы.
Пусть бы каждый в уголке
Душу творчеством томил
И писал такие строчки –
Хоть куда! Хоть в «Новый мир»!
Суета и бредни – мимо!
Бег пера, как скрип весла...
Ну, а под вечер Людмила
Нас бы к ужину звала.

И под наши разговоры
О достоинствах строки
Шли бы только помидоры,
Хлеб, и брынза, и бычки.
Про возвышенное Слово
Тут бы всяк судил-рядил,
И глоток вина сухого
Нам бы вряд ли повредил.

Эмиль Январёв с дочерью Юнной

Подруги дочери моей...

Подруги дочери моей
Рожают сами дочерей...
Все, как положено!
У них, подруг, секретный вид,
И дочь моя на них глядит
Чуть растревожено.
Им поначалу нелегко,
Но что-то шепчут на ушко
Подружке преданной,
Чтоб тыщей тайн ее томил
Подернутый туманом мир,
Пока неведомый.

Поэты Э. Январёв и В. Качурин с николаевскими школьниками. 1970 г.

Открытый урок

Светились медово листья
И пахли до одуренья.
Уроками бескорыстья
Одаривали деревья.
Река в леденистой корке
Спала, ото сна теплея,
И были это уроки
Чаянья и терпенья.
Пологой горы кустистость,
Дороги степной неровность...
Какая во всем открытость,
Распахнутость, сквозняковость!
Открытый урок не в школе,
А прямо в открытом поле,
Ливнями перемытом,
На тысячу верст открытом.

Эмиль Январёв с женой – николаевским журналистом Людмилой Костюк

Пускай посвященья стоят над стихами...

Пускай посвященья стоят над стихами:
Подруге, коллеге, товарищу, маме...
Ведь прежде, чем чувству в тетради излиться,
Сияли нам самые милые лица.
О, кто не мечтал посвятить свою лиру
И маме-старушке, и граду, и миру!

Меморіальна дошка на домі поета в місті Николаєве

Как трудно писать о себе...

Как трудно писать о себе,
Да так, чтоб не врать ни на йоту,
Выискивать в личной судьбе,
Что знать интересно народу.
Тут можно такого напелсть!
Смолчать, приукрасить, прибавить...
Но есть самоценная честь:
Бесстрашно – как было – оставить.
Как было! И помнить одно –
Негладко, а все-таки честно.
Не столько народу оно,
Как, может, тебе интересно.

* * *

Произведения Э.И. Январёва

- Действующие лица: Стихи. – Одесса: Маяк, 1972. – 62 с.
- Документ: Книга стихотворений. – Николаев: Возможности Киммерии, 1997. – 240 с.: ил.
- Корабельные баллады: Книга стихов. – К.: Рад. письменник, 1977. – 59 с.
- Настоящее время: Стихи. – Одесса: Маяк, 1971. – 112 с.
- Новый адрес: Стихи. – Киев: Рад. письменник, 1989. – 95 с.
- Январев Э. Ольвийский причал: Стихотворения. – К.: Дніпро, 1991. – 246 с.: порт.
- Январев Э. Открытый урок: Стихи. – М.: Сов. писатель, 1975. – 104 с.: ил.
- Январев Э. Подлинник: Последние стихи. – Николаев: Изд-во Ирины Гудым, 2006. – 88 с.
- Январев Э. Стечение обстоятельств: Новая книга. – Николаев: МП «Возможности Киммерии», 2001. – 118 с.
- Январев Э. Стихи мои младше меня: Новая книга. – Николаев: МП «Возможности Киммерии», 2000. – 104 с.: ил.
- Январев Э. Школа взрослых: Стихи. – Одесса: Маяк, 1979. – 56 с.
- Январев Э. Эхо на площади: Стихи. – Одесса: Маяк, 1987. – 126 с.
- Владимов М., Январёв Е. Це було в Миколаєві: Героїчна драма. – К.: Держлітвидав, 1960. – 89 с.
- Январев Э. Переправа: Стихи. – М.: Сов. писатель, 1967. – 87 с.
- Январев Э. Настоящее время. – Одесса: Маяк, 1971 – 112 с.
- Январев Э. Действующие лица: Стихи. – Одесса: Маяк, 1972. – 62 с.
- Январев Э. Открытый урок: Стихи. – Одесса: Маяк, 1975. – 104 с.
- Январев Э. Корабельная сторона: Стихи. – Одесса: Маяк, 1977. – 55 с.
- Январев Э. Школа для взрослых: Стихи. – Одесса: Маяк, 1979. – 55 с.
- Январев Э. Почерк: Стихи. – Одесса: Маяк, 1981. – 87 с.
- Январев Э. Мера сил: Стихи. – Одесса: Маяк, 1984. – 80 с.
- Январев Э. Новый адрес: Стихи. – К.: Рад. письменник, 1989. – 95 с.
- Январев Э. Ольвийский причал: Стихи. – К.: Дніпро, 1991. – 247 с.
- Январев Э. Документ: Книга стихотворений. – Николаев: МП «Возможности Киммерии», 1997. – 240 с.
- Январев Э. Другая жизнь: Стихи // В волнах века: Альманах. – Николаев, 1997. – с.84-86.
- Январев Э. Служенье муз // На изломе времени: Николаевская область. 1989-1999. – Николаев, 1999. – с.124-144
- Январев Э. Стихи мои младше меня. – Николаев: МП «Возможности Киммерии», 2000. – 103 с.
- Январев Э. Стечение обстоятельств: Новая книга. – Николаев: МП «Возможности Киммерии», 2001. – 114 с.
- Январев Э. Из цикла «Война и дети» // Николаев. – 2000. – № 3,4.
- Январев Э. Поэзия // Радуга. – 2001. – №7-8. – с.30-36.
- Январев Э. Два николаевских этюда // Новый век. – 2002. – № 3-4. – 69-70.

Марк Лисянский

Марк Самойлович Лисянский (13 января 1913 – 30 августа 1993) – русский поэт, автор многих известных стихов и песен, окончил семилетнее фабрично-заводское училище в городе Николаеве. После школы, с 1929 по 1932 год, он работал в трубомедницком цехе на Николаевском судостроительном заводе им. А.Марти, и, одновременно, занимался в заводском литературном объединении «Шкив». Здесь наставником Лисянского был известный поэт Эдуард Багрицкий.

Марк Лисянский – автор гимна Москвы «Моя Москва», утвержденного решением Правительства Москвы в качестве официального гимна Российской столицы 5 июля 1995 года.

Марк Лисянский

Корабелы

Над лиманом парус белый
И акации в снегу.
Вижу город корабелов
На высоком берегу.

Корабелы, корабелы,
Снова я в семье родной.
Парус белый, белый, белый
Надо мной.

Под мостом Ингул струится,
Корабли качает Буг.
Дай воды твоей напиться –
Я твой сын и я твой друг.

Ты мне был родным порогом,
Первым городом любви.
И по всем морским дорогам
Корабли идут мои.

С каждым годом ты всё ближе,
Мой привал и мой причал.
Я и в городе Париже
Николаев вспоминал.

Я приезжаю в город Николаев

Я приезжаю в город Николаев,
Иду один по улице Сенной.
Со мною шум акаций, звон трамваев,
Но молодости нет уже со мной.

Ах, жизнь, твои пути необратимы,
Но нам они и в смертный час видны.
Я приезжаю к другу-побратиму,
Он не вернулся до сих пор с войны.

Я приезжаю в собственное детство,
Которого по всем приметам нет,
Я приезжаю в милое соседство
Девчонки, чей давно затерян след.

Как медлит поезд пассажирский, скорый!
Как устарели нынче поезда!..
Я приезжаю к матери, которой
Нет и не будет больше никогда.

И все-таки я еду, еду, еду,
И все-таки спешу, спешу, спешу
По вечно зеленеющему следу –
Пока живу, пока дышу!

1968

Марк Лисянский с женой Антониной Копорулиной. Нойштеттин, Польша, 1946 год.

Город над Ингулом и над Бугом

Город над Ингулом и над Бугом,
Отраженный с трех сторон водой,
Ты мне оставался верным другом
Под холодной северной звездой!
Словно в детстве, твой прибой встречаю
И кричу сквозь орудийный гром:
– Здравствуй, здравствуй, город Николаев!
Ты нас ждал, и мы к тебе идем!
Бьет волна. Я вижу, будто в сказке,
За волною первый твой квартал...
Узнаешь ли голос мой солдатский?
Ты его мальчишеским знавал.
Есть у всех незаменимый город,
Есть незаменимые друзья,
Город свой нельзя оставить в горе,

Так с друзьями поступать нельзя.
Николаев, боль моя живая,
Может, день остался, может, час,
Чтобы ты, сквозь слезы улыбаясь,
Встретил под акациями нас.

Марк Лисянский. Фронтовое фото

Моя Москва

Я по свету немало хаживал,
Жил в землянке, в окопах, в тайге,
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.
Но всегда я привык гордиться
И везде повторял я слова:
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Я люблю подмосковные рощи
И мосты над твоею рекой.
Я люблю твою Красную площадь
И кремлёвских курантов бой.
В городах и далёких станицах

О тебе не умолкнет молва,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Мы запомним суровую осень,
Скрежет танков и отблеск штыков,
И в веках будут жить двадцать восемь
Самых храбрых твоих сынов.
И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Молодость

В окопе, глядя в полутьму,
Где рядом гибель рыскала,
Я лейтенанту одному
Читал стихи Багрицкого.
О том, как в сабельный поход
Нас всех водила молодость,
О том, как на кронштадтский лед
Нас всех бросала молодость.
И мчался я сквозь ночь вослед
Мечте – победной вестнице,
И было мне семнадцать лет
В любом году и месяце.
И было мне светло идти
Во тьму любого города.
Прокладывала нам пути
Немеркнущая молодость.
Я шел по взорванным камням
Одессы, Николаева...
Поэт не умер, если к нам
Доносятся слова его.
Мы в город с трех сторон вошли,
Бил ветер с моря близкого
Во все колокола земли...
А я читал Багрицкого.
И мне казалось: он живет
В просторном этом городе,
Где шел он в сабельный поход,
Где начиналась молодость,
Где ветер свищет в парусах
Над волнами, над мысами...
Как мало книг он написал!
Как много в них написано!

Марк Лисянский (крайний справа) с женой А. Копорулиной, сотрудниками газеты «Защитник Отечества» и английскими офицерами. Германия, 3 мая 1945 года.

Мой город

Ни стука, ни скрипа, ни лая,
Утихла ночная листва.
Дышу я тобой, Николаев,
Мне даже не снится Москва.

Шагаю той ночью бессонной, –
Еще мне шестнадцати нет, –
На улице нашей зеленой
Я признанный всеми поэт.

Иду Адмиральской от друга
Сквозь город, который уснул.
И тянет прохладой с Буга,
И плещется рядом Ингул.

Сквозь сумрак акаций по Спасской
Я путь продолжаю к Сенной.
И город мне кажется сказкой,
Недавно придуманной мной.

Теперь-то, конечно, я знаю,

Не знал, оперившись едва:
Признал бы меня Николаев,
Признает тогда и Москва.

Ту ночь не вернуть. Только эхо.
Но, веря былым чудесам,
Я в мой Николаев приехал
К моим уцелевшим друзьям.

Все было: разлуки и встречи.
Душа, не кричи – помолчи!..
Мне город набросил на плечи
Накидку из желтой парчи.

Пылают осенние краски,
Я вижу весь город насквозь.
На то и придуманы сказки,
Чтоб легче на свете жилось.

1975

Марк Лисянский (второй слева) с женой А. Копорулиной и сотрудниками газеты «Защитник Отечества» у Бранденбургских ворот. Берлин, май 1945 года.

На моём судостроительном

На моем судостроительном
Хорошо дела идут.
В Южный Буг скользят стремительно
Сухогрузы там и тут.

Льется с неба луч расплавленный
В глубину рассветных вод.
Знаменитый и прославленный
Черноморский мой завод!

В бликах теплых, в блестках лаковых
Корабли со стапелей,
Как с твоих ладоней ласковых,
Сходят вслед мечте моей.

Для любого шторма прочные –
Все умеет человек –
И, как правило, досрочные,
И, как минимум, навек.

Вот стоят мои товарищи,
Бросив рядом якоря,
Судосборщики и сварщики,
Слесаря и токаря.

По труду – единокровные,
От причальных стен земли
В испытания швартовные
Провожают корабли.

Ветерок, от грусти лечащий,
Обещает благодать...
Тяжело родное детище
Нам от сердца отрывать.

Жизнь уходит – не кончается,
Слышу я далекий зов.
На морской волне качается
«Капитан Лев Соловьев».

Мне легко и трудно дышится
Этим бугским ветерком.
Над землею «майна» слышится,
«Вира» я шепчу тайком.

Жизнь в движении спасительном,
И бессмертен только труд.
На моем судостроительном
Хорошо дела идут!

ДЛЯ ПОДАШИВКИ

№ 36

Все графы заполнять полностью

Шоб

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество ЛИСЯНСКИЙ Марк Самойлович.
2. Звание Старший лейтенант
3. Должность, часть Редактор газеты "В ВОИ ЗА РОДИНУ" 243 стрелковой дивизии.
- Представляется к ордену "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".
4. Год рождения 1913
5. Национальность еврей
6. Партийность Член ВКП(б) в 1938
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) Не участвовал.
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне Не имеет.
9. С какого времени в Красной Армии с 7 июля 1941 г.
10. Каким РВК призван Доброволец - Резинскомбинатовским РВК, г. Ярославля.
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) Не награждался.
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Поэт Ярославской области Марк ЛИСЯНСКИЙ в дивизию в июле 1941 г. прибыл дозором. Сначала работал инструктором, а затем редактором дивизионной газеты "В ВОИ ЗА РОДИНУ", которая во фронте считалась лучшей газетой. За период пребывания в дивизии г. ЛИСЯНСКИЙ написал более двухсот стихотворных посланий и других интересных стихов и книг. Написал книгу по истории дивизии, о которой получил хорошие отзывы от писателя Иды ЗРЕНБУРГА, также написал песню "ГОТОВАЯ ВЕСНА", "ПЕСНЯ МЕНА АГМИ" и ряд других стихов и песен, которые помещались во фронтовой и армейской печати. Кроме работы в редакции г. ЛИСЯНСКИЙ много уделяет времени в воспитании бойцов, свои стихи он читает в землянках и блиндажах на передовой линии фронта.

Тов. ЛИСЯНСКИЙ пользуется большим авторитетом у всех бойцов и командиров.

Тов. ЛИСЯНСКИЙ заслуживает представления к Правительственной награде - ордену "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

Начальник Политотдела 243 Сд
Подполковник *Сорокин* (Сорокин)

Шоб 12 апреля 1943 г.

Командир (начальник) _____ (звание)

Наградной лист старшего лейтенанта М.С. Лисянского. 1943 г.

Борис Бутома

Буг встает как бы с экрана,
Разливается вдали.
Берег весь в порталных кранах,
А под ними – корабли.

Озарился спуск пологий
Над речною синевою,
Луч торжественный и строгий
Лег на пирс береговой.

Все идет, все прибывает
Провожающий народ.
Духовой оркестр играет,
И душа моя поет.

От причального бетона,
Покидая отчий дом,
Рудовоз «Борис Бутома»
Отрывается с трудом.

Покидает, покидает,
Грустью пронятый насквозь,
Славный город Николаев,
Где родиться довелось.

Сын полуденного края,
Он стоит в начале дня,
Всеми рубками сверкая,
Всеми трапами звеня.

Загудел гудок прощальный
Басовитою трубой –
И тревожный, и печальный,
И зовущий за собой.

Ты была не доком – домом,
Корабельная земля!
А теперь Борис Бутома –
Это имя корабля.

Дни от нас уходят быстро,
Дни его уже ушли...
Был рабочим, стал министром,
Строил в доках корабли.

Над широкою рекою
Он идет, в зарю одет...
Я машу ему рукою,
Я гляжу ему вослед.

Мимо памятника-буя,
Вдоль знакомых берегов
Он проходит, салютуя
В честь десантных моряков

Мимо бакенов и мимо
Арки с красною звездой,
И горит живое имя
Над прозрачною водой.

Он идет – долой печали! –
К чужедальним маякам.
Чтоб когда-нибудь причалить
К милым этим берегам.

Марк Лисянский с друзьями-николаевскими литераторами Эмилем Январёвым и
Борисом Аровым

Адмиральская

Николаев и весна.
Снова я на Адмиральской.
Мне из края в край видна
В тополях и в дымке майской
Адмиральская. Она
Ветерок речной вдохнула,
Окна в зелень распахнула
И от Клуба моряков
Протянула вдоль Ингула
Свет незримых маяков.

Я люблю помедлить тут,
У ограды интерната.
Абрикосы цветут,
Поливают сад ребята.
Вся прямая как струна,
Мимо школы музыкальной
Льется улица. Она
Кроною пирамидальной
Выше звезд вознесена.
Кран несет под небосвод
Груз, как будто невесомый,
И на улице знакомой
Незнакомый дом растет.
За кварталом – квартал,
Здесь я дни коротал,
В адмиралы играл...
Я по этой Адмиральской
В пионерский клуб шагал!
Мимо сквера на завод
И на Ленинскую площадь
Адмиральская зовет,
Красным знаменем полощет,
И ведет, ведет меня,
Как вела бойцов когда-то...
Пламя вечного огня
Осняет сон солдата.
Душу я сюда принес,
Я иду по этой майской,
По земле цветущей, райской.
Впереди идет матрос.
Не спеша. По Адмиральской.

Друзья-поэты Эмиль Январёв и Марк Лисянский.

Шествие

Николаев. Цветы и знамена.
По широкой идет мостовой
Пятитысячная колонна –
Ветераны второй мировой.

На груди – ордена и медали,
В горле слезы и слезы из глаз.
Вы такого еще не видали,
Вы увидите это сейчас.

Вот идут они, кончив с войною,
Не одну пересилив беду,
Вот идут они этой весной,
Будто в том, сорок пятом году.

Возглавляет колонну Васляев,
Кто на танке ворвался сюда,
Чтоб свободно вздохнул Николаев
И поплыли по Бугу суда.

Вот идут они лихо и браво,
Стать военная в каждом видна.
С ними рядышком прежняя слава
И великая наша весна.

Вдоль проспекта и малый и старый,
Целый город, волнуясь, затих.
Не вмещают уже тротуары
Всех, кто вышел приветствовать их.

Вот идут они стройно, красиво, –
На своем пошагали веку.
Парень выкрикнул: – Батя, спасибо! –
Незнакомому фронтовику.

Флаг Победы над праздником поднят,
Над нелегкою ношей годов.
Город им преподносит сегодня
Все цветы из окрестных садов.

Вот идут ветераны проспектом,
За солдатом шагает солдат.
Каждый с майским весенним букетом, –
Будто вешний колышется сад.

Будто движется сад белопенный,
За волной посылая волну...

Голос чистый и самозабвенный
Про священную начал войну.

Поднялась эта песня простая,
Без прикрас, как судьба и приказ,
Наши души навывлет пронзая
И слезу вышибая из глаз.

Обнимаются однополчане,
Кто путей не забудет своих,
Кто шагал фронтовыми ночами
В этот день, в этот май, в этот стих.

Эмиль Январёв, Марк Лисянский и николаевский журналист Борис Аров

Поэты «Стапеля»

О словесные бои!
Нету счастья выше,
Чем читать друзьям свои
Молодые вирши.

Рецензент шумит коря:
– Рифма выпирает!
...А в окошке якоря
Судно выбирает.

Мемориальная доска М. Лисянскому в Николаеве на ул. Адмиральской

Утро на Кинбурне

Берег молочной туманностью сжат,
Розовоперстые чайки визжат,
Как на базаре хозяйки.
Крики наносит с морской стороны,
Крики слышны, а они не видны,
Розовоперстые чайки.

Вдоль побережья – медузная слизь,
Море в тумане, а горняя высь
Вся уже глазу отверста.
Розовоперсты верхушки маслин,
Солнце сияет с небесных вершин
Смутно и розовоперсто!

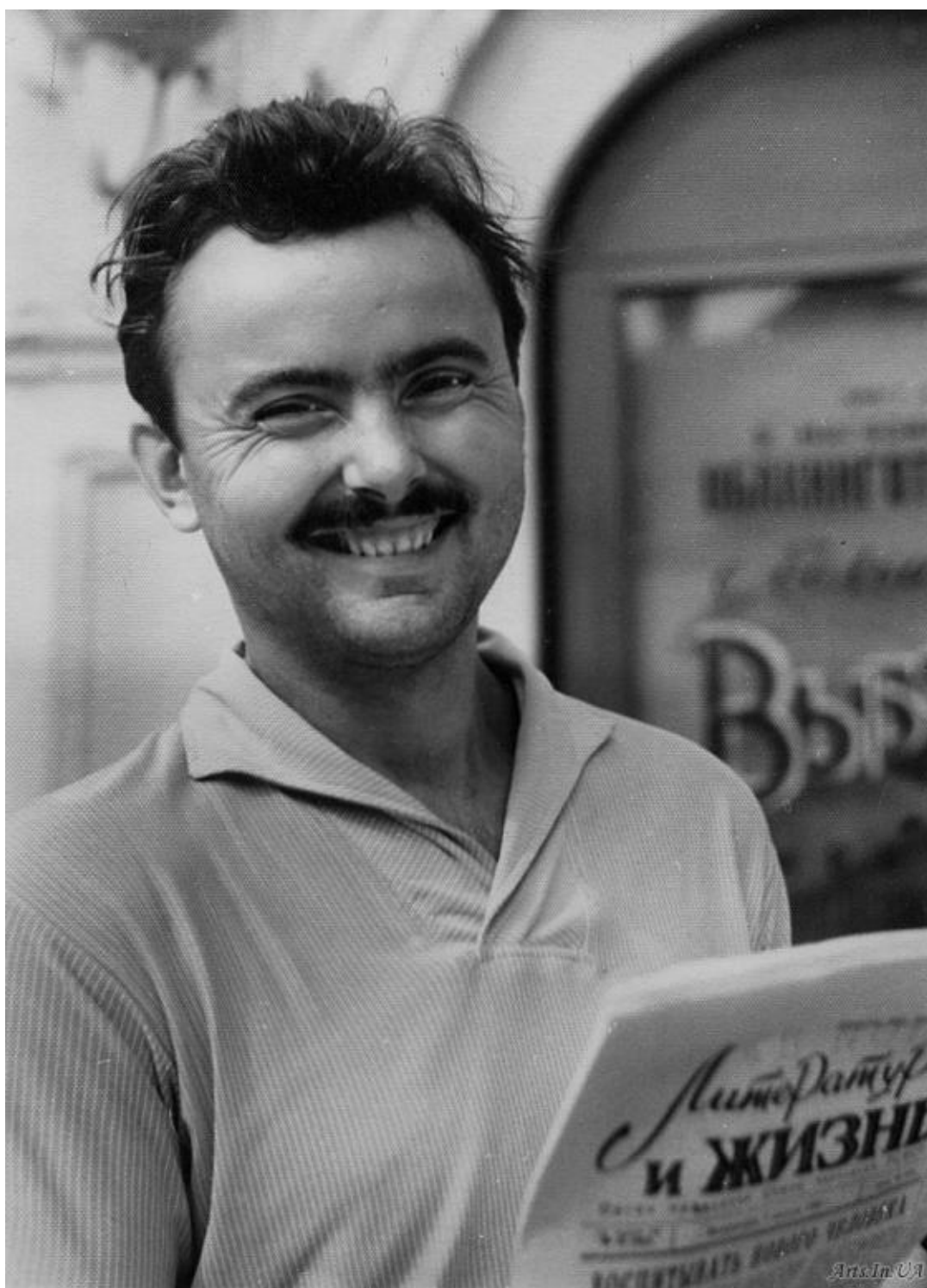
Могила М. Лисянского на Ваганьковском кладбище в Москве

Произведения М.С. Лисянского

- Весеннее стихотворение; Всевышний // Южная правда. – 2000. – 7 июля
Все сначала: Стихи, поэма. – М.: Сов. писатель, 1972. – 223 с.
Города, города...: Новые стихи. – М.: Сов. писатель, 1978. – 144 с.
Диалог: Стихи последних лет. – М.: Московский рабочий, 1996. – 156 с.
Из новых стихов // Южная правда. – 1990. – 4 окт.
Избранное: Стихотворения и поэмы. – М.: Худ. лит., 1975. – 399 с.
Клара Ефимовна: Из кн. “Не только о себе” // Южная правда. – 1993. – 23 – 24 янв.
Лучшие годы мои: Избранная лирика. – М.: Худ. лит., 1971. – 239 с.
Навсегда: Стихи. – М.: Сов. писатель, 1988. – 208 с.
Новые стихи М. Лисянского // Южная правда. – 1981. – 15 янв.
Парус; Память – это государство; Серый цвет; Не забывай меня: [Стихи] // Юность. – 1986. – № 12. – С. 11.
Преодоление: Стихи. – М.: Сов. писатель, 1988. – 208 с.
Сигнальный огонь: Новая книга стихотворений. – М.: Сов. писатель, 1983. – 160 с.
Сквозь ветры беспокойные: Стихотворения и песни, повесть в стихах. – М.: Воениздат, 1974. – 192 с.
Со мною время молодое // Ленінське плем’я. – 1988. – 7 лют.
Спасибо: Новая книга стихотворений. – М.: Сов. писатель, 1981. – 152 с.
Стихи // Южная правда. – 1993. – 23 – 24 янв.
Я приезжаю в город Николаев...: [Стихи: Корабелы; Детство; Я приезжаю в город Николаев] // Веч. Николаев. – 2004. – 14 янв.

Анатолий Поперечный

Анатолий Поперечный. 1960 г.

Соловьиная роща

Там, где месяц сказку сторожит,
Где в зелёных дебрях ветер ропщет,
Роща соловьиная стоит,
Белая, берёзовая роща.
Там на тонких розовых ветвях,
В зарослях черёмухи душистой,
Соловей российский – славный птах
Открывает песнь свою со свистом.

И с полей уносится печаль,
Из души уходит прочь тревога.
Впереди у жизни только даль,
Полная надежд людских дорога!

И земля становится родней,
И сердцам понять друг друга проще.
Ты мне душу тронул, соловей,
Маленький волшебник белой рощи.
И, совсем не ведая о том,
Ты напел заветное мне что-то.
Эту песнь да записать пером,
Что от журавлиного полёта!

Там на тонких розовых ветвях,
В зарослях черёмухи душистой,
Соловей российский – славный птах
Открывает песнь свою со свистом.
С этой песней так тревожно мне,
С этой песней так возможно счастье.
Много было песен на земле,
Только соловьиной не кончатся!

Малиновый звон

Сквозь полудрёму и сон
Слышу малиновый звон.
Это рассвета гонцы –
В травах звенят бубенцы.
Это средь русских равнин
Вспыхнули гроздь рябин.
Это в родимой глуши
Что-то коснулось души.

Малиновый звон на заре,
Скажи моей милой земле,

Что я в неё с детства влюблён,
Как в этот малиновый звон!

Этот малиновый звон –
От материнских окон,
От той высокой звезды,
Да от минувшей беды.
Пыльный затеплится шлях,
Где мы бродили в полях,
Где на заре, как сквозь сон,
Слышен малиновый звон.

Малиновый звон на заре,
Скажи моей милой земле,
Что я в неё с детства влюблён,
Как в этот малиновый звон!

Возвращение

Земля уходит из-под ног,
А может, мне всё это снится.
– Не покидай меня, сынок,
Не улетай, моя зеница!

Не отрешайся так вот, вдруг,
От отчей пажити и дома... –
Земля уходит: милый луг –
Мой космодром, где ждал я грома

И ждал тебя в глухой тиши,
С тобой прощанья и свиданья,
О мать, лечебница души
И поздних мук исповедальня!

Я странно грезить стал тобой,
Как будто вижу в центре лета –
Дом в три окошечка, в три света,
В четыре ветра над трубой.

Мне шепчут боги

Мне шепчут боги: не узнаешь рая,
Познаешь муки ада, сердца дрожь.
Пойдешь за нею – потеряешь радость,
Покой утратишь, счастья не найдешь.
Пойдешь за нею – встретишь неудачу,
Да и врагов в придачу наживешь.
Пойдешь за нею – горечью заплатишь,
Да будет поздно, после сам поймешь...
Мне шепчут люди, вроде бы не злые,
Печально опуская долу взгляд:
Пойдешь за нею – проклянут родные,
Да и чужие не благословят.
Пойдешь за нею, молвит друг-товарищ,
Считай, что дружбы нашей не вернешь.
Пойдешь за нею – каши с ней не сварить,
А просто с голодухи пропадешь...
Пойдешь за ней – жизнь станет безотрадной,
Пойдешь за ней – себе же на беду...
И я пошел за нею безоглядно,
И по сей день, хоть каюсь, а иду...

Домик окнами в сад

Домик окнами в сад
Там, где ждёт меня мама,
Где качала мою по ночам колыбель.
Домик окнами в сад
Заметает упрямо
Золотой листопад,
Голубая метель.
Домик окнами в сад
Заметает упрямо
Золотой листопад,
Голубая метель.

Я сюда возвращусь,
Может быть слишком поздно,
Южный ветер ночной
Запах яблонь принёс.
Домик окнами в сад,
Ты приснился мне просто,
В той стране-стороне,
Где пошло всё на снос.
Домик окнами в сад,
Ты приснился мне просто,
В той стране-стороне,
Где пошло всё на снос.

Всё на снос, дом и сад,
И любовь и печали,
И калитка в саду,
И оградка во мгле.
Домик окнами в сад,
Неужель отзвучали
Эти звуки, что так
Душу ранили мне.
Домик окнами в сад,
Неужель отзвучали
Эти звуки, что так
Душу ранили мне.

Домик окнами в сад
Там, где ждёт меня мама,
Где качала мою по ночам колыбель.
Домик окнами в сад
Заметает упрямо
Золотой листопад,
Голубая метель.
Домик окнами в сад
Заметает упрямо
Золотой листопад,
Голубая метель.

Когда, познав добро и зло

Когда, познав добро и зло,
От суеты большого мира
Придёшь в забытое село,
В ту хату, где тебя вскормила
Она – забота и печаль,
Гнездо, в котором ты лепился...
Ты знаешь, мама, я влюбился
В твою, как бабье лето, шаль,
Что куплена не на гроши,
Не на сыновьи сбереженья, –
А за раскаянье души,
Что я забыл твои лишенья,
Твои негромкие слова,
Твои приспущенные веки...
Что слава – мёртвая слюда,
Что речи – высохшие реки,
Без воспрещенья добрых рук,
Их молчаливого участия!..
Ты знаешь, мама, может, счастье
Растёт за домом, как лопух.
На дне тяжёлого листа
Скопилась влага дождевая.

Умойся, совесть, – ты чиста,
Пригубь – и речь твоя святая!
И в гнёзда падают стрижи,
А мы берёмся за штурвалы
И дарим миру виражи,
Забыв, что здесь нам крылья дали.
Здесь, где мы всходим на порог
Увидеть мир, с тобой проститься...
Земля уходит из-под ног,
А может, мне всё это снится.
И где-то, на окраине света,
Стоит и ждёт меня, рябой,
Дом в три окошечка, в три света,
В четыре ветра над трубой.

Трава у дома

Земля в иллюминаторе,
Земля в иллюминаторе,
Земля в иллюминаторе видна.
Как сын грустит о матери,
Как сын грустит о матери,
Грустим мы о Земле, она одна.

А звёзды тем не менее,
А звёзды тем не менее
Чуть ближе, но всё так же холодны.
И как в часы затмения,
И как в часы затмения,
Ждём света и земные видим сны.

И снится нам не рокот космодрома,
Не эта ледяная синева,
А снится нам трава, трава у дома,
Зелёная, зелёная трава...

А мы летим орбитами,
Пулями неизбежными,
Прошит метеоритами простор.
Оправдан риск и мужество,
Космическая музыка
Вплывает в деловой наш разговор.

В какой-то дымке матовой
Земля в иллюминаторе,
Вечерняя и ранняя заря.
А сын грустит о матери,
А сын грустит о матери,
Ждёт сына мать, а сыновей – Земля...

Ночные поезда

Когда за холм покатится звезда
И дрогнут, что-то вспомнив, виадук,
Далекие ночные поезда,
Я снова слышу ваши перестуки.
Я снова вижу: небо над мостом,
Не сбитые зенитками Стожары...
Багровым осененные крестом,
Шли поезда – ночные санитары.
Шли поезда ночные до утра.
И в белом вся, невысказанно красива,
Над ранами склонялась медсестра,
А раненым казалось, что – Россия...
О, как она была в тот миг светла,
Когда ей пуля сердце обожгла
В шинели серой, гордая славянка –
Она мне словно матерью была,
И я не верил, что она ушла,
И ждал ее на каждом полустанке.
Но лгать не смели раненых глаза.
И ныне, как в те ночи при налете,
Я снова слышу ваши голоса,
Ночные поезда, кого зовете?
Быть может, тех, которых навсегда
В ночах войны мы с вами потеряли...
Последние ночные поезда.
Прошли. Пропели. Скрылись. Отзвучали.

За лиманом

За лиманом, за седым лиманом,
Там, где меркнет неба полоса,
Гнет в оврагах, залитых туманом,
Травы в три погибели роса.
Там кричит, там бьет ночная птица
Оземь краем сильного крыла.
Что ж ты ждешь, усталая орлица,
В степи улетевшего орла,
Если час его последний пробил?
Был совсем не равным этот бой,
Золотой рассыпавшейся дробью
Первые созвездья над тобой.
Не зови, не бей крылом, орлица.
Там, в степи, суглинок, он в крови.
Пусть тебе другая ночь приснится,
А сейчас не надо, не зови.
Видишь месяц над тобою тонкий
Режет тучу лезвием крыла...
На заре орлице и орленку
В небо подниматься без орла.

1959

Хлещет ветер соленый и резкий...

Хлещет ветер соленый и резкий,
Ночь от запахов моря пьяна.
До бровей надвину зюйдвестку,
Чтоб в глаза не била луна.
Заверни мне хлеба и брынзы,
Заведи в тихой хате часы.
Ровно в полночь с попутным бризом
Я уйду от Кинбурнской косы.
Знаю, будешь стоять у причала,
Краем шали сымая слезу.
Не меня ль на руках ты качала,
Приручала к отцову веслу.
Не меня ль на заре ты вспоила
Материнским густым молоком.
Ой, рыбацкая дерзкая сила,
Взмах широкий тяжелым веслом!

1959

Сто птиц надежды...

Сто птиц надежды ты убила разом
Из маленького странного ружья,
О, женщина, поставившая разум
Превыше глупой страсти бытия!
Сто птиц надежды... В пух и прах и в перья.
И на земле, и в небе – пустота.
Но я живу надеждою сто первой,
Что ты считать умеешь лишь до ста.
Сто птиц надежды... Где они? Откуда
Жестокое спокойствие твоё,
Свалившее в бессмысленную грудю
Сто птиц надежды... Страшное ружье.

1964

КОНИ В НОЧНОМ

Чу – ржет жеребенок. Он просит напиться.
Ему ни печаль, ни тоска нипочем...
Мне синяя степь приингульская снится –
И кони в ночном. Только кони в ночном.
И словно я вижу их белые гривы.
И в темных зрачках догорает звезда.
Таким раскудрявым я был и счастливым,
Как больше не буду уже никогда.
Горели костры. А поодаль, в тумане,
Темнели они, непонятны, как дым.
Чтоб их не угнали в ночи марсиане,
Мы спутали ноги веревками им.
А кони как будто нас, глупых, жалели,
Глядели во тьму их большие глаза.
И падала вдруг на мальчишечьи шеи
Тяжелая, нечеловечья слеза.
И слышался хохот – луна хохотала.
Катила свое колесо им под дых...
А мне не хватало. А мне не хватало
Все эти вот годы прощенья их.
Высокие травы нас больше не спрячут.
Растаял туман среди белого дня...
Луна не хохочет. И кони не плачут,
А скачут и скачут уже без меня...

1973

Выступление А. Поперечного на телевидении

Августовское поле

Над Бугом тучи ходят табунами,
В преддверье лета бабьего земля.
Она легла прозрачными полями,
Отдав амбарам кладези зерна.
До крови, что с зарей вечерней схожа,
Мне ноги режет жесткая стерня.
Минула жатва. Сердце, ждешь чего же?
Зачем, тревожа, мучаешь меня
Сомненьями – что отдано, что взято,
Несовершенством замысла, увы,
Или забвеньем прошлого, что свято, –
От восхода до падения травы.
Она, трава, уже забыла буйство,
Когда ее валили косари...
Как в разоренных гнездах, в сердце пусто.
Когда пусты поля в лучах зари.

1976

Я сослан в одиночество свое...

Я сослан в одиночество свое,
Как декабрист, пожизненно, навеки.
Прошедший путь, смежив устало веки,
Припоминаю, впавши в забытье.
Я сослан в одиночество, хотя
Вокруг толпятся люди и события.
Но то, что было, не могу забыть я,
Дни прошлые вкруг памяти крутя...
Мне умершая чудится родня:
Вот дед несет к губам кривую ложку
И с бороды отряхивает крошку
Рукой дрожащей, глядя на меня,
Как будто укоризну затая
И горькую предсмертную усмешку, –
«Зажился, старый, на земле, замешкал,
Уж не работник, а нахлебник я.
Как дуб в степи засохший, окорен,
Корнями насмерть я с землей сцепился...
Я помню, дед тогда перекрестился –
Не на иконы – на кресты окон...
За окнами – разламывалась степь
Дорогой белой к скифскому кургану,
Где, свежую зализывая рану,
Волчицею оскалился рассвет.

1983

Куда уходят кобзари

Куда уходят кобзари,
Певцы народной доли?
Как будто встали до зари
И растворились в поле.
Святые пахари надежд,
С небес окинув пашни,
Глядят сурово из-под вежд
На нас, как на пропащих,
На суету сует живых,
Мирян смешные козни,
Перебирая судьбы их,
Как будто струны кобзы...
Глядят с усмешкой кобзари,
Верша свой суд извечный:
Что ж ты уходишь от земли
Все дальше, Поперечный?
И я молчу. Не смею я

Промолвить даже слова.
Она во мне, моя земля,
Вот, шевельнулась снова.
Она вдруг скрипнет на зубах,
Когда – столбами – буря
Пойдет куражиться в степях,
Прожженных, рыжих, бурых..
И я шепчу себе: умри,
Но верен будь завету,
Что завещали kobзари
Земле и всему свету.

Аист на крыше

Где это было,
Когда это было,
В детстве, а может во сне.
Аист на крыше
Гнездо для любимой
Свил по весне.
Чудился мне он
И в странствиях дальних
Символом верной любви.
Люди, прошу,
Не спугните случайно
Аиста вы.

Люди, прошу я,
Потише, потише,
Войны пусть сгинут во мгле.
Аист на крыше,
Аист на крыше,
Мир на земле.
Аист на крыше,
Аист на крыше,
Мир на земле.

Аист на крыше
Гнездо с аистенком
Ночью и днем стережет.
Но в том доме
Под крышей девчонка
Счастья так ждет.
Люди в Нью-Йорке,
Берлине, Париже,
Верьте друг другу и мне.
Аист на крыше,
Счастье под крышей,
Мир на земле.

Люди, прошу я,
Потише, потише,
Войны пусть сгинут во мгле.
Аист на крыше,
Аист на крыше,
Мир на земле.
Аист на крыше,
Аист на крыше,
Мир на земле.

Песни на стихи А.Г. Поперечного

А где родились (А.Морозов) Эдуард Хиль
А мне покоя нет (А.Мажуков) Ольга Зарубина
А ты себя побереги (А.Морозов) Александр Морозов
Аллилуйя берёзе (А.Морозов) Николай Гнатюк
Аист на крыше (Д.Тухманов) София Ротару
Баллада о соловьях (Л.Гарин) Валентин Никулин
Белая сирень (Е.Мартынов) Евгений Мартынов
Белочка (А.Морозов) Александр Морозов
Белые ставни (А.Морозов) Николай Гнатюк
Белый аист (Э.Ханок) Лев Лещенко
Белый конь (В.Шаинский) Джильда Мажейкайте
Божественная песня (А.Морозов) Лев Лещенко
В лугах (А.Морозов) Николай Гнатюк
Вишнёвая метель (В.Семёнов) Галина Ненашева
Возвращайся ко мне (Е.Стихин) Гюлли Чохели
Время (А.Морозов) Лев Лещенко
Вчера в Саратове (Е.Щекалёв) Валерий Машков
Вчерашняя печаль (Е.Щекалёв) Валентина Толкунова
Гитара (Я.Френкель) Иосиф Кобзон
Года бегут (А.Морозов) Лев Лещенко
Горлица и дятел (А.Морозов) Екатерина Шаврина
Горькие яблоки (Д.Тухманов) Людмила Гурченко
Дали отчие окинув (В.Пикуль) Олег Ухналёв
Дикие розы (А.Морозов) Ядвига Поплавская и Александр Тиханович
Дни любви (О.Иванов) Сергей Захаров
Домик на окраине (В.Мигуля) Валентина Толкунова
Домик окнами в сад (А.Морозов) Николай и Сергей Радченко
Душа болит (А.Морозов) Вадим Мулерман
Дым (А.Морозов) Лев Лещенко
Дымок над крышей (М.Суворова) Галина Невара
Желанная любовь (Р.Винтон) Геннадий Исхаков
Женское сердце (В.Семёнов) Валентина Толкунова
Женщины России (А.Морозов) Иосиф Кобзон
Жёлтая рябина (В.Гамалия) Валентина Толкунова
Живи и верь (А.Морозов) Лев Лещенко
Жу-жу (А.Морозов) Николай и Сергей Радченко
За Дунаем (А.Морозов) Олег Ухналёв
За поворотом (Г.Мовсесян) Ара Бабаджанян
Завалинка (О.Иванов) ВИА "Сябры"

Заочницы (Я.Френкель) Владимир Трошин
Зацветает краснотал (О.Иванов) ВИА "Пламя"
Здравствуй, радость (А.Мажуков) Ирина Понаровская
Исповедь (О.Иванов) Валентина Готовцева
Именем любви (А.Мажуков) Мовсар Минцаев
Как неоконченная повесть (Е.Щекалёв) Валерий Топорков
Какая дивная пора (А.Мажуков) Ирина и Елена Базыкины
Калины куст (А.Морозов) Ярослав Евдокимов
Карусель (В.Хорощанский) Ренат Ибрагимов
Кибитка (Е.Щекалёв) Уральский народный хор
Колокола (чешская народная) Нина Пантелеева и Лев Лещенко
Кони в ночном (Е.Щекалёв) Дмитрий Харатьян
Кукушкина слеза (Е.Мартынов) Евгений Мартынов
Лапушка (Б.Терентьев) Эдуард Хиль
Лето любви (А.Мажуков) Ренат Ибрагимов
Лето любви (А.Мажуков) Роза Рымбаева
Мадонна моя (А.Морозов) Ренат Ибрагимов
Малиновый звон (А.Морозов) Николай Гнатюк
Маменька (А.Морозов) Марина Капура
Мамин сад (А.Морозов) Николай и Сергей Радченко
Медовая ночь (Е.Щекалёв) Валерий Топорков
Между двух огней (А.Морозов) Ярослав Евдокимов
Между мной и тобой (Б.Ривчун) Вадим Мулерман
Мой Севастополь (Н.Богословский) ВИА "Пламя"
Монах (А.Морозов) Ирина Шведова
Москва – Париж (А.Морозов) Ренат Ибрагимов
Москва – Санкт-Петербург (О.Иванов) Анастасия Минцковская
Моя голубка (Дж.Боувенс) Геннадий Исаков
Музыка любви (А.Мажуков) Бируте Петриките
Музыка любви (А.Мажуков) Ирина Понаровская
На Оленьей улице (А.Фатгах) Маргарита Суворова
На пароме (Е.Щекалёв) Екатерина Шаврина
Наедине со всеми (В.Шаинский) Валерий Леонтьев
Наш звёздный дом (В.Мигуля) Владимир Мигуля
Наши дни (А.Мажуков) Роза Рымбаева
Незамужняя (А.Морозов) Надежда Чепрага
Ничего не жалеть для друзей (Б.Киров) Бисер Киров
Одинокый волк (А.Морозов) Михаил Евдокимов
Однажды (Д.Тухманов) Сергей Захаров
Олеся (О.Иванов) ВИА "Сябры"
Осенний багульник (Б.Емельянов) Людмила Белогорцева
От Петербурга до Москвы (А.Морозов) Лев Лещенко
Павловский Пасад (П.Аедоницкий) Павел Бабаков
Падают яблоки (А.Морозов) Иосиф Кобзон
Переклики (А.Морозов) Николай Гнатюк
По ягоды (Б.Емельянов) Ольга Зарубина
Победа навсегда (Г.Мовсесян) Андрей Пархоменко
Под окном смородина (А.Морозов) Александр Морозов
Пожар (А.Морозов) Лев Лещенко
Пропадать так с музыкой (А.Морозов) Александр Морозов
Посвящение Шукшину (Е.Птичкин) Людмила Зыкина
Почему не ведаю (В.Мигуля) Борис Кузнецов и Лев Полосин

Предчувствие любви (А.Мажуков) Владимир Попков
Пропади ты пропадом (А.Морозов) Маргарита Суворова
Прощальная встреча (С.Березин) Валерий Ободзинский
Прядь Есенина (В.Пикуль) Аскольд Беседин
Радуйся (А.Морозов) Надежда Бабкина
Разрыв в любви (Е.Птичкин) Владимир Овчаров
Рано помирать (А.Морозов) Иосиф Кобзон
Расскажи мне сказку (Л.Гарин) Нина Бродская
Реченька туманная (Э.Ханок) Валентина Толкунова
Рязанские мадонны (А.Долуханян) Людмила Зыкина
Рязанская рябина (Е.Стихин) Гюлли Чохели
С первого взгляда (В.Гамалия) Иосиф Кобзон
Садик-палисадик (Е.Щекалёв) Иван Пермяков и Владимир Любушкин
Свадебные кони (Д.Тухманов) Яак Йоала
Свидание при свечах (Е.Мартынов) Мари Карне и Иван Ильичев
Свадебные кони (Д.Тухманов) Лев Лещенко
Севастополь (А.Морозов) Александр Морозов
Сенокос (Е.Щекалёв) Екатерина Шаврина
Сентябрины (В.Шаинский) Аида Ведищева
Скрипочка (А.Морозов) Александр Морозов
Смотрит ночь (И.Матета) Лев Лещенко
Снегириная заря (Б.Терентьев) Зинаида Кириллова
Снегириная заря (Б.Терентьев) Владимир Трошин
Соловьиная роща (Д.Тухманов) Лев Лещенко
Спасибо тебе за любовь (Л.Гарин) Лев Лещенко
100 девчат (О.Иванов) Олег Иванов
Сухие дожди (А.Пляченко) Галина Улетова
Тайны (Ю.Саульский) Людмила Зыкина
Тайны (Ю.Саульский) Мария Лукач
Такая ночь (А.Морозов) Екатерина Шаврина
Талисман (А.Мажуков) группа "Доктор Ватсон"
Там среди русских полей (А.Морозов) Михаил Евдокимов
Танго у полустанка (Е.Жарковский) Клавдия Шульженко
Тёплые сумерки (А.Морозов) Александр Морозов
Территория любви (А.Морозов) Лев Лещенко
Тихая музыка (В.Семёнов) Галина Ненашева
Трава у дома (В.Мигуля) Владимир Мигуля
У криницы (О.Иванов) Олег Иванов и ВИА "Сябры"
Уж отзвенели ливни сенокоса (В.Хорощанский) Валентина Толкунова
Украина нэнько (А.Морозов) Иосиф Кобзон
Чары колдовские (А.Морозов) Лев Лещенко
Часовенка (А.Морозов) Ярослав Евдокимов
Черёмуховый снег (И.Гордеев) Сергей Захаров
Чудотворная (А.Морозов) Ярослав Евдокимов
Шаги (Я.Френкель) Владимир Трошин
Это – жизнь (А.Мажуков) Юрий Богатиков
Я помню день (Ю.Саульский) Юрий Богатиков
Я ревную тебя (Н.Богословский) Валерий Ободзинский
Большое лето (В.Мигуля) Л.Мигуля
Водовороты (А.Морозов) Надежда Чепрага
Глухарина заря (О.Иванов) ВИА "Сябры"
Домик на окраине (В.Мигуля) Владимир Мигуля

Дорога судьбы (С.Краевский) Лев Барашков
Золотена (А.Экимян) Евгений Беляев
Лесная колдунья (О.Иванов) ВИА "Сябры"
Малиновка (Э.Ханок) ВИА "Верасы"
Не зажигай огня (Е.Жарковский) Майя Кристалинская
Обманщица (В.Добрынин) ВИА "Поющие сердца"
Посвящение (Е.Птичкин) Ренат Ибрагимов
Почему – не ведаю (В.Мигуля) Владимир Мигуля
Реченька туманная (Э.Ханок) Анна Герман
Северное сияние (Р.Майоров) Владимир Макаров
Спасибо тебе за любовь (Л.Гарин) Валерий Ободзинский
Трава у дома (В.Мигуля) ВИА "Земляне"
Черёмуховый снег (С.Ухналёв) Олег Ухналёв
Это – жизнь (А.Мажуков) Лев Барашков
Я помню день (Ю.Саульский) Вадим Мулерман

Проза

Михаил Божаткин

(из цикла "Флаг над гафелем")

Михаил Иванович Божаткин (11 ноября 1920 – 22 февраля 2010) родился в деревне Дубровка Тверской губернии. Участник Великой Отечественной войны. Окончил заочно Николаевский педагогический институт, работал в газете. "Южная правда" (Николаев), собкором ТАСС-РАТАУ по Николаевской области и ответственным секретарем Николаевской организации Союза писателей Украины (1976–1986).

Печатался с 1948 года. Автор многочисленных произведений на морскую тематику: "Краб" уходит в море», «Взрыв в бухте Тихой», «Батальон принимает бой», «Поручение военмора Недоли», «Флаг на гафеле», «Крепость у моря» и др. Член Союза журналистов СССР и Союза писателей СССР. Награжден орденами и медалями за участие в Великой Отечественной войне.

Корабли на горизонте

В знойной фиолетовой дымке показались искаженные рефракцией домики Очакова. И вдруг там, прямо в центре города, огромными развесистыми деревьями взметнулись черные фонтаны. И тут же тяжело вздохнула земля, а через несколько секунд донесся грохот взрывов.

– Опять «Кагул» начал! – сжал кулаки Сладков,

– Нет, это... это не «Кагул», – возразил Бакай. – От шестидюймовых не такие взрывы...

– Он прав, – поддержал Федора Римский-Корсаков. – Бьет «Воля». Стало быть, отремонтировали ее...

– Ну что ж, товарищи, обстрел обстрелом, а дело делом. По местам! – распорядился Сладков.

...Тайна, как распространяются слухи, так, наверное, никогда и не будет раскрытой. Во всяком случае, не успел Федор ступить на борт своей плавбатареи «Защитник трудящихся», как сигнальщик Василий Потылица спросил с плохо скрываемой насмешкой:

– Ну что, проворонил свою княжну?

Федор сначала не знал, что и сказать, а потом огрызнулся:

– Проворонил, проворонил!.. Вон княжна стоит, любуйся, если хочешь, – кивнул он на дредноут.

– Это тебе надо любоваться, ты на нем больше служил, а я что? Я на «Воле» без году неделю побыл, а то все на «лаптях» плавал, чуть лучших, чем теперь!..

– Лаптях, лаптях... Гордость нужно иметь за свой корабль!

– Товарищ Бакай, а вы в самом деле служили на этом линкоре? – спросил оказавшийся поблизости комиссар батареи.

– Довелось немного.

– Расскажите товарищам о нем!
– Что ж тут рассказывать? Вон он сам за себя говорит: одним залпом может больше шестисот пудов металла выбросить!
Дредноут как раз окутался огнем и дымом, затем над головой проскрежетали снаряды, и почти сразу же в городе выросла черная стена.
– Вот гад! Вдарить бы по нему тоже! – воскликнул Потылица.
– Не достанем...
– Так хоть попугать!
– Снаряды небось не из Англии получаем, беречь их надо, – заметил комиссар.
И к Федору.
– Так расскажите о корабле, товарищ Бакай.
Федор и слова вымолвить не успел – неожиданно чудовищный взрыв потряс все окрест. Темная шапка закрыла город, обломки бетона, камней, глыбы земли разлетелись на сотни сажен.
– В минный склад угодило!.. – вздохнул кто-то.
И сразу же, еще не успели рассеяться пыль и дым, поступило сообщение: группа кораблей движется к Очакову.

– Идут на прорыв, – сказал командир батареи Яков Петрович Чернышев и распорядился: – Боевая тревога.
А из штаба уже поступило приказание: выйти на позицию и при входе кораблей в зону обстрела открыть огонь.

Позиция плавбатарей у Кинбурнской косы. Хотя коса и считается владением белых, но фактически это ничейная территория. Белые пытались установить здесь корректировочный пост, но огнем плавучей батареи он был просто сметен в море. Не отважились высаживаться на эту узкую песчаную насыпь и красные.

Когда плавбатарей приблизились к косе, вражеские корабли уже подходили к острову Березань. Каждый понимал: они намерены прорваться мимо крепости в лиман, к Николаеву и Херсону, высадить там десант, поднять кулацкие восстания, дезорганизовать оборону и облегчить наступление войск Врангеля в Северной Таврии и белополяков на западе. Бельмом на глазу – да еще каким! – сидит красный Очаков у белых.

– Впереди эсминец «Жаркий», – докладывает сигнальщик Потылица; он из старых, еще дореволюционных моряков, служил сигнальщиком на брандвахте и силуэты черноморских кораблей знает отлично. – За ним еще такой же. «Живой» или «Жуткий» – определить не могу... Вспомогательный крейсер «Георгий»... Два тральщика... Морской буксир... Моторная шхуна... У нее на буксире два дубка...

– Целая армада! – заключил комиссар.

А краском Чернышев уже дает вводную:

– По белогвардейскому эминцу «Жаркий»... Прицел... Дистанция... Огонь!

Рывнуло орудие. Пенистый столб воды поднялся перед носом корабля.

– Прицел... Дистанция... – дает поправки командир. – Огонь!

Федор, находясь у прицела, строго выполняет указание. Снова выстрел.

Открыла огонь и плавучая батарея № 2, потом заговорили гаубицы с берега. В гуще судов закипели пенистые столбы. Вот из кормы «Жаркого» повалил черный дым, и он сразу же лег на обратный курс. Потом крейсер «Георгий» начал описывать циркуляцию. По-видимому, близким взрывом у него заклинило руль. И армада повернула назад, к Тендре. Прорыв не удался и на этот раз.

* * *

Михаил Божаткин с детской писательницей Верой Марушак

Возвращение военмора Бакая

Обыкновенная плоскодонная самоходная баржа, называемая по типу одноцилиндрового мотора просто «болиндером», вооруженная шестидюймовым орудием и возведенная в ранг канонерских лодок, имела низкие борта. Не очень-то далеко с нее увидишь, и сигнальщик Потылица сначала стал забираться на крышу рубки, а потом вообще оборудовал себе местечко на рее сигнальной мачты.

– Отсюда обзор что надо. Весь Тендровский залив как на ладони. Будь бинокль посильнее, я и на Тендре беляков разглядел бы, – говорил он.

Это, конечно, было преувеличением. Если бы даже у Потылицы вместо шестикратного бинокль был бы вдвое сильнее, вряд ли он смог бы что увидеть: все-таки от Кинбурнской косы до Тендры двенадцать миль, чуть ли не предел видимости.

Зато не только большие корабли, но и катера, обычно жавшиеся к бортам затопленного броненосца «Чесма», он видел преотлично и докладывал о передвижении их таким зычным голосом, словно в штормовую погоду командовал постановкой парусов на клипере и хотел перекрычать рев волн и ветра.

О появлении дредноута он доложил, когда еще за Тендровской косой появились его хорошо знакомые мачты и трубы. А потом доклады поступали один за другим:

– Обогнул косу!

– Вошел в залив!

– Развернулся кормой к нам!

– Отдал якорь!

– Ну, теперь жди обстрела, – прокомментировали моряки сообщение своего сигнальщика.

И верно.

– Выстрел из одного орудия кормовой башни! – воскликнул Потылица.

И тут же:

– Смотрите, снаряд пошел рикошетом по воде! Зарылся в песок на косе!

– Да что они, с ума сошли, что ли? – сказал один военмор.

– Ну, это нам не хуже... – добавил другой.

И вдруг всех всполошил восторженный крик Потылицы:

– Братцы, на «Воле» красный флаг!

– Да неужели?

– Привиделось человеку!..

– Ей-богу, красный!

– А ну, дай бинокль!

Да у Потылицы и в обычное время бинокль не выпросишь, а тут такое. Моряки достали командирский, разглядывают по очереди. На таком расстоянии трудно определить цвет флага, но то, что не андреевский, это ясно.

«Что-то там серьезное происходит», – решил командир батареи Яков Петрович Чернышев и приказал:

– Усилить наблюдение, докладывать обо всем увиденном!

Да Потылица и так вглядывался до боли в глазах.

– На правом борту какая-то масса... Похоже, что люди, – несколько неуверенно говорит он.

Несколько минут длилось тягостное молчание.

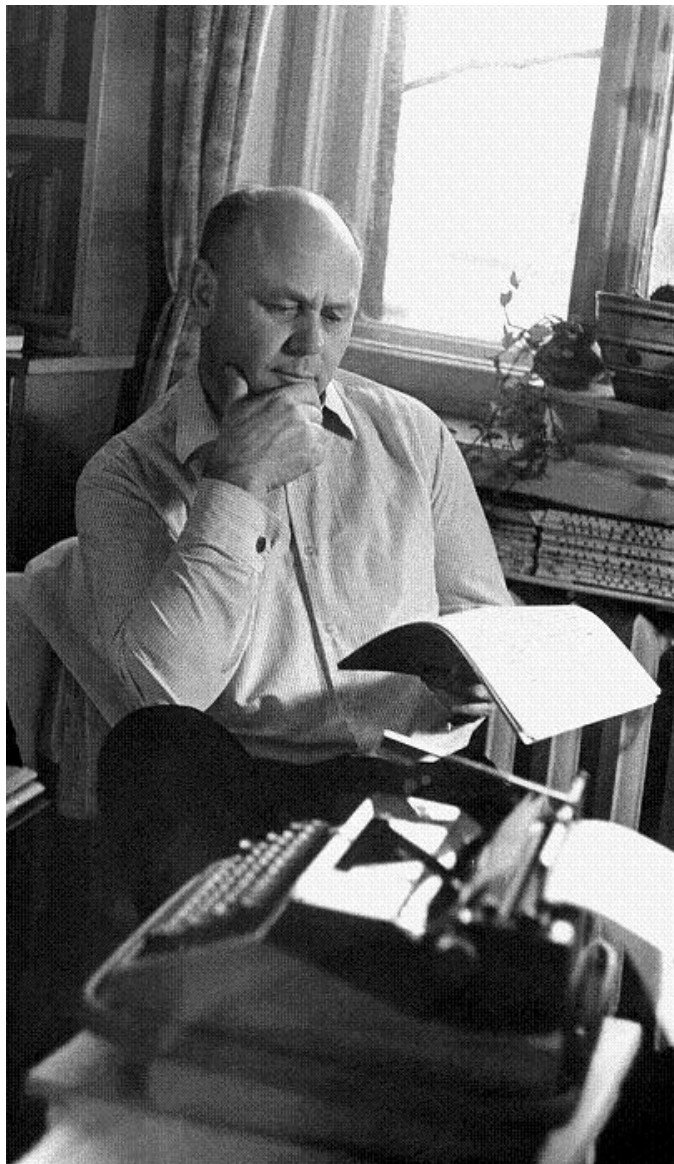
– Ну, что там? – спросил Чернышев.

– Никаких изменений, на гафеле андреевский флаг, у правого борта какая-то темная

масса... Люди это, больше некому... Митинг, что ли, они там устроили? – не то докладывал, не то рассуждал Потылица и уже совсем не по инструкции добавил: – Да вы не беспокойтесь, я сей же момент сообщу!..

И «сей момент» не заставил себя долго ждать.

– От дредноута отошел катер... У него на буксире три баркаса... Все с людьми... Курс сюда, к Кинбурнской косе... – говорил Потылица.

Обо всем сразу было доложено в штаб. В крепости объявили тревогу. Трудно сказать, с какой целью катер и три баркаса направлялись к косе, предположили самое худшее – высадка десанта. Канонерская лодка «Защитник трудящихся» получила задание встать в диспозицию у самой косы и почапала туда своим двухузловым ходом. А от Очакова вскоре отвалил буксир «Дельфин» с отрядом моряков и, дымя, как целая эскадра, тоже направился к косе...

...Прикладами сгоняли матросов по крутому трапу в баркасы. Каждый знал, куда и зачем их сейчас повезут, а что можно сделать? Руки связаны, охрана из самых преданных людей – юнкеров военного Алексеевского училища; у них даже эмблема корниловского полка – череп и скрещенные кости под трехцветным шевроном. И только один моряк с криком: «Чем от бандитской пули!..» – сумел прорваться сквозь вооруженный строй и броситься в море.

Савва сел в баркасе рядом с Федором. Он опустил голову, боясь взглянуть в лица товарищам, – все уже знали, как и почему произошел выстрел. А они понимали его и не осуждали – каждый, наверное, сделал бы так же. Разве он думал, что его выстрел приведет к такому?

А Савва винил во всем себя и только себя. И тут, в последние минуты жизни, когда все чувства и мысли напряжены до предела, он вдруг понял, как глупо все время вел себя, пытаясь отгородиться от товарищей, найти какой-то свой путь.

Казнил себя и Федор. И прежде всего за то, что раньше не нашел ключа к душе Саввы, отложил разговор с ним на последний момент. Ведь свой же человек, значит, должен был бы понять, если бы... Если бы Федор сумел убедить. А убедить – не только еще один человек был бы с ними, но и не получилось бы вот такого.

Одно утешало Бакая – среди арестованных нет кочегара Лысенко. И вообще никого, кто должен был действовать внизу. А список... Список там же, где и радиограмма, вместе со штабс-капитаном с его шестиэтажной фамилией.

А как хочется жить, как тянет этот искрящийся простор! Но и на носу, и на корме каждого баркаса алексеевцы с винтовками на взводе. Да не только они, есть и добровольцы – Жежора, Олейников, еще какие-то люди, которых Федор за свое короткое пребывание на корабле видел мельком. Знать, душа Ставраки в каждом холуе гнездится.

Ткнулись баркасы носом в песок. Каждый понимал, что вот это мгновение – последнее, что уже больше никогда не видеть ни солнца, ни белесого, словно выцветшего от зноя, неба, ни блеска моря, ни тающего в далекой мгле горизонта, никогда не слышать больше плеска волн, пронзительного крика чаек... И чтобы отвлечься от этих дум, от мысли о смерти, кто-то затянул песню об отряде коммунаров, который сражался под частым разрывом гремучих гранат. И песню подхватили сразу же все.

– В воду! – прозвучала команда.

Матросы побрели по воде, а пели про землю, и не только потому, что как бы ни был привязан моряк к морю, но всегда его тянет к какому-то уголку земли, как к пристани, но и потому, что еще не сложили песню вот о такой казни:

...Мы сами копали могилу себе,
Готова глубокая яма, –
Пред нею стоим мы на самом краю –
Стреляйте вернее и прямо, –

торжественно и грустно лилась песня над морем и над песчаной косой.

И вдруг крик Федора:

– Жора Обжора!

Жежора даже вздрогнул от неожиданности.

– Вернешься – приготовь потолще веревку, чтобы не оборвалась, когда твою тушу будут вешать!

Не выдержал такого Жежора, нажал на спусковой крючок. За этим выстрелом последовали другие, и вместо стройного залпа раздался беспорядочный треск.

И падали сраженные матросы в ласковые и теплые волны родного Черного моря.

– Проверить надо, не остался ли кто в живых, они, черти, такие, – начал было Жежора, но его прервал истошный крик:

– Корабли красных подходят!

Михаил Божаткин и николаевский поэт Леонид Воронин

У страха глаза велики, а тут «Дельфин» столько дыму напустил – Очакова не видно. Попробуй догадайся, что идет суденышко с одной пушчонкой и с одним пулеметом! Да еще канлодка из-за Первомайского острова показалась. И тогда раздалась команда:

– По баркасам!

...Потылица и на ходу плавбатареи находился на мачте, и время от времени оттуда доносился его голос:

– Подходят к кесе!

– Высаживаются!

– Часть людей зашла в воду.

И вдруг истошный крик:

– Расстреливают! Матросов расстреливают!..

– Верно! Не зря, значит, там красный флаг был поднят... – сквозь стиснутые зубы процедил краснокомбат Чернышев. – Ну ладно, пусть они в баркасы сядут!..

И скомандовал:

– Стоп, мотор! Отдать якорь!

Как и тогда, в мае, когда французская канонерская лодка «Ла Скарп», не снижая скорости, пыталась прорваться мимо Очакова, командир батареи сам встал к прицелу. Вот он подправил визир и махнул рукой. Дернулось орудие, вылетел снап пламени, и фонтан воды, выброшенный взрывом снаряда, закрыл передний катер. Когда столб опал, катера на поверхности моря не было»

После пятого выстрела от баркасов остались только обломки да плавали в бурлящей воде несколько офицерских фуражек.

– Жалко снарядов, – пробормотал Чернышев, – но что же сделаешь...

И расстрел матросов, и взрывы снарядов среди баркасов видели и с «Дельфина», но, как ни шурували в топках, как ни держали пар на пределе, к косе буксир приткнулся, когда все уже было кончено. И у берега, и чуть дальше среди волн плавали тела расстрелянных.

– За что же их все-таки? – спросил кто-то.

– Узнаем!.. – пообещал уполномоченный особого отдела Лопатнев. – Во всяком случае, не за то, что верно служили Врангелю...

Тут же на песке вырыли братскую могилу. Один к одному складывали трупы матросов.

– Товарищи, да он еще дышит! – воскликнул кто-то.

Сразу сбежались люди.

– Да это... Это же комендор с плавбатареи!

Торопливо, со свистом вбирая, воздух остатками легких, подошел Лопатнев. И он узнал Федора Бакая.

– Трудное, брат, у тебя возвращение получилось, трудное... – прошептал он и приказал: – На «Дельфин» и немедленно в госпиталь!

* * *

ЮГРОСТА (Российское телеграфное агентство Юга) сообщает:

«В последние дни у берегов Очакова курсировали белогвардейские военные суда, которые имели своей задачей проникнуть в Днепровско-Бугский лиман. Действия белогвардейских судов явились результатом категорического приказа Врангеля. Этот замысел не удался по следующим причинам. На одном крупном судне – дредноуте «Воля» – матросы подняли восстание. В результате было расстреляно 100 моряков, и суда ушли обратно в море. В настоящее время в Очакове совершенно спокойно. Неприятельских судов не видно.

Одесса, август, 1920 года».

* * *

Произведения М.И. Божаткина

В море: Рассказы. – Одесса: Облиздат, 1957. – 57 с.

Взрыв в бухте Тихой: Повести и рассказы. – Херсон: Кн. – газ. изд., 1960. – 275 с.

Взрыв в бухте Караташ: Повесть, рассказы. – М.: Воениздат, 1967. – 248 с.

Десант принимает бой. – Николаев: Возможности Киммерии, 1998. – 379 с.: ил.

Її щаслива доля: (Нарис). – Одеса: Маяк, 1976. – 72 с.: іл.

Кладоискатели: Повести. – Одесса: Маяк, 1983. – 206 с.: ил.

“Краб” уходит в море: Ист. роман. – К.: Дніпро, 1985. – 558 с.

Крепость у моря: Роман / Предисл. А. Сизоненко. – К.: Дніпро, 1980. – 509 с.: іл., порт.

Крылья крепнут в полете: Документ. повесть. – Херсон: Кн. – газ. изд., 1963. – 191 с.

Легенда старого Чеколтана: Повести. – К.: Рад. письменник, 1965. – 318 с.: іл.

Мирный атом: Докум. повесть. – К.: Дніпро, 1983. – 126 с. – (Наш современник).

Огненная полоса: Повести. – Одесса: Маяк, 1986. – 286 с.: ил.

По старым фарватерам: Роман. – К.: Укр. письменник, 1995. – 271 с.

Подчасок с поста “Старик”: Повесть. – М.: Молодая гвардия, 1973. – 160 с.

Поручение военмора Недоли: Повесть. – Одесса: Маяк, 1971. – 288 с.

Треугольник Денеба: Роман. – Одесса: Маяк, 1980. – 231 с.: ил.

Адриан Топоров

Адриан Митрофанович Топоров родился 24 августа (5 сентября) 1891 г. в с. Стойло под Старым Осолом в семье крестьянина-бедняка. В 1908 г. в с. Каплино Старооскольского уезда окончил церковно-приходскую школу. Учителем служил на Алтае, был одним из организаторов коммуны «Майское утро». Учениками Топорова в «Майском утре» были отец и мать, а также дед и бабушка космонавта Г. С. Титова.

Печататься Топоров начал с 1910 г. В периодических изданиях им опубликовано большое число очерков, рассказов и статей. Широкую известность в стране и за рубежом получила книга «Крестьяне о писателях», которую высоко оценил М. Горький. В 1937 г. Топоров был обвинен в контрреволюционной деятельности и репрессирован. Пройдя два лагеря и шесть тюрем, в 1958 г. был полностью реабилитирован. Долгое время жил и работал в Николаеве, где и умер в августе 1984 г.

Адриан Топоров

А. Топоров «Я снова "вышел в люди"»

Из неопубликованных воспоминаний (помещается с сокращениями)

13 июля 1961 года я получил неожиданное письмо, написанное на бланке редакции «Известий»:

«Уважаемый Адриан Митрофанович!

Журналистская судьба привела меня и нашего алтайского корреспондента А.И. Волкова в хорошо знакомое Вам село Верх-Жилинское. Там, собирая материал о культурной работе в колхозной деревне, мы впервые услышали Ваше имя. А затем – имя Вашего ученика – одного из самых уважаемых людей в районе, чудесного, разносторонне одарённого человека, который и до сих пор продолжает дело, начатое Вами. Это – Степан Павлович Титов. Вместе с ним и его женой мы побывали в «Майском утре», прошли по Тропе Коммунаров (она не заросла и сейчас, эта легендарная тропа!), побеседовали со многими людьми. Потом раздобыли Вашу уникальную книжку, порылись в архивах, в музее. И перед нами встала удивительная история коммуны и Вашей деятельности в ней. То, что Вы сделали, – колоссально! Мы гордились тем, что наша газета в свое время поняла это и сказала свое слово. Сейчас мы пишем документальную повесть (она, по-видимому, будет печататься в «Известиях») о Степане Павловиче Титове. Как Вы догадываетесь, первая её часть (не глава – часть) будет называться «Тропа Коммунаров», и одним из главных героев в ней будете Вы... Очень бы Вы нам помогли, если бы смогли сообщить всё, что вспомните о самом Степане Павловиче, о его жене Александре Михайловне. Может быть, о его детях – Германе и Земфире. Интересуют нас и родители их (Ваши «критики»!) Михаил Алексеевич Носов и Павел Иванович Титов. Очень хотелось бы залучить Вас в свой авторский коллектив. Напишите, какие проблемы волнуют Вас сейчас, о чём Вы хотели бы рассказать нашим читателям.

С приветом. Зам. ответственного секретаря Н. ШТАНЬКО».

«Что за оказия?! – подумал я, прочитав это письмо. – Тут что-то не так. Какая-то загадка». Желая посылить помощь журналистам, сел за написание воспоминаний о коммунарах Титовых и Носовых. Работа разбухла. Я приготовил её в двух экземплярах: для Н.Штанько и Степана Павловича Титова. Второго хотел поставить в известность, что я ничего дурного не сказал о своих друзьях – коммунарах, о нём и о Саше Носовой. Срочно отослал экземпляр Н. Штанько, понимая, что журналистам подавай материал с пылу, с жару. У них работа молниеносная, иначе она теряет цену на литературном рынке.

А.М. Топоров – рисунок С.П. Титова 1968 г.

С отправкой бандероли Степану Павловичу я не спешил. Понёс пакет на почтамт утром в воскресенье 6-го августа 1961 года. Было тепло, солнечно. Иду обратно. Из раскрытого окна одного дома до меня донёсся четкий голос радиодиктора Левитана: в космос полетел корабль «Восток-2» на борту с лётчиком-космонавтом Германом Степановичем Титовым... Я остолбенел: имя, фамилия и возраст нового космонавта были мне знакомы. Я и все члены моей семьи с волнением спрашивали друг друга:
– Неужели это – сын наших Стёпы и Саши Титовых?! Может быть, в СССР есть второй Герман Степанович Титов?!

Сидя у репродуктора, мы сгорали от нетерпения, ожидали сообщения краткой биографии героя. Минуты тянулись мучительно долго. Наконец мы услышали: это – он, да, он, наш Герман!!! Сын моих славных воспитанников из «Майского утра» Стёпы и Саши Титовых! Волна неизъяснимой радости облила моё сердце. Ликовала и семья. Так вот в чём разгадка таинственного письма Н. Штанько ко мне!

В №№ 187, 188, 189 и 190 «Известий» была опубликована документальная повесть А. Волкова и Н. Штанько «Отчий дом», в которой мне отведена изрядная жилплощадь. С этого момента моё незаметное имя прочно прилипло к космонавту-2 Герману

Степановичу Титову. На 70-м году жизни я сразу стал «умным», нужным человеком. Началось паломничество ко мне, точно и я летал в Космос. Меня нарасхват таскали на встречи, чтобы поделиться опытом культработы и рассказать о «Майском утре», о династии Титовых и т.д. Где и перед кем только я не выступал тогда! И так меня заездили, что я совершенно потерял голос. Лечился два месяца. За мной присылали машины из соседних областей, приезжали из Ленинграда студенты-северяне. Они часами сидели, озирая меня с ног до головы и... молчали (?!).

Проведали обо мне многие друзья, ученики, сверстники и соратники, с которыми была порвана всякая связь 30, 40, 50 и более лет! Разыскала меня и Софья Ерофеевна Шельдяева-Серпуховитина из Курска. С нею я сидел на одной парте в Бродчанской церковно-приходской школе (Старооскольского уезда) в 1900–1903 годах! Через 60 с лишком лет нашла меня!! Не диво ли?! Из Сиднея (Австралия) отозвался и мой учитель по языку Эсперанто Иннокентий Николаевич Серышев, с которым я познакомился в селе Верх-Жилинском ещё осенью 1915 года.

Добрался до меня и чехословацкий педагог-эсперантист И.Килиан, который в первую империалистическую войну, будучи пленным, проживал в Томске и потому знал меня как одного из пропагандистов международного вспомогательного языка. Не имея точного моего адреса, тов. Килиан на конверте написал: «Украина, город Николаев, А.Топорову. Он – старый эсперантист, автор книги «Крестьяне о писателях». Ему около 70 лет». Признаки верные. По ним почтальон и доставил мне письмо чехословацкого друга.

Сейчас не перечесть всех «давно забытых лиц», чьи жизненные пути-дороги надолго разошлись с моими, но пересеклись вновь благодаря полету в космос моего «духовного внука» Германа Степановича Титова...

Я уехал из Сибири в мае 1932 года. Мои ученики – Саша Носова и Степан Титов поженились через два года. Их первенец, будущий космонавт, родился в 1935 году. Ему обо мне дали знать родители, деды, бабки. А я представлял его по их письмам. Лелеял мечту о личной встрече с ним. С этой целью я и приехал в Москву в октябре 1961 года, перед открытием XXII съезда КПСС. Остановился у писателя-друга Анатолия Абрамовича Аграновского. Утром 14-го октября он поговорил по телефону с Николаем Ивановичем Штанько. Тот немедленно прислал машину. И через несколько минут мы были в его кабинете. Н.И. Штанько – душевный человек, с которым в первую же минуту знакомства чувствуешь себя, как с близким родным. Друзья стали думать и гадать, как связать меня с Германом Степановичем. Нужно было преодолеть немалую трудность – испросить разрешение на свидание с космонавтом у тех, кто ведёт наблюдение за состоянием его здоровья... В редакции всё-таки узнали квартиру космонавта, но и это не успокоило меня. Герман Степанович должен был лететь в Румынию и вернуться оттуда только 16-го октября в 7 часов вечера. Значит, мне нечего было и помышлять о свидании с ним. Захожу в квартиру А. Аграновского. Слышу: он говорит по телефону с Н. Штанько, который придумал умный ход - написал записку космонавту, что я в Москве и желаю с ним встретиться. Записку эту передал с редакционным фотографом Сметаниным, работавшим на съезде КПСС.

Космонавт прочитал записку Н. Штанько, немедленно позвонил ему из Кремля и просил передать, чтобы я сегодня же в 2 часа дня был в редакции «Известий», куда приедут он и Степан Павлович. Мы с А.А. Аграновским прибыли к Н.И. Штанько. Сюда собралось много сотрудников редакции. Все спустились к парадному подъезду. И точно в 2 часа подкатила машина, из которой вышли отец и сын. Ну, понятно, пошли объятия,

поцелуи, сопровождаемые междометиями, которые трудно теперь воспроизвести. Поздоровавшись со всеми общим поклоном, космонавт и Стёпа повернулись ко мне. Я подхватил их под руки, и мы зашагали по широким лестницам редакции к лифту. Тут уж я не сдержался и воскликнул:

– Так вот какие орлы поднебесные вылетели из «Майского утра»!

– Нет, Адриан Митрофанович, - сказал космонавт, - теперь в нашей стране из любого села такие орлы могут вылететь. И они уже стаями готовы вспорхнуть в небесные просторы.

Зашли в кабинет Н. Штанько. И мне пришлось признаться:

– Ах, черт возьми! Ведь у меня раньше язык был не плохо подвешен, а сейчас завязался узлом и ничего не может сказать путного. Думал: огневую речь закачу при первой встрече, а вот всё выскочило из головы.

Все засмеялись, а космонавт:

– Адриан Митрофанович, не надо речей. Наслушались мы их досыта. Хватит. Уши от них трещат. Давайте без речей, поговорим, попросту, как у себя дома.

Я схватил космонавта за руки и, глядя в его чудесные, светлые глаза, бессвязно затараторил:

– Так вот как, Герочка вышло! Один луч твоей славы озарил и мою фигурку на восьмом десятке лет. День шестого августа 1961 года был днём моего второго рождения...

Я чувствовал, что несую сентиментальную околёсицу, но солидные слова не садились на язык. И, очевидно, понимая моё состояние, Герман Степанович ободрил меня:

– Э, Адриан Митрофанович, что касается «лучей», то это ещё вопрос: то ли мои вас озарили, то ли ваши меня? Я считаю, что если бы не «Майское утро», да не вы с моими родителями, то не летать бы мне в просторах Вселенной... Корни всего идут в «Майское утро»...

В кабинете Н. Штанько мы расселись на диване: я – посредине, космонавт налево, Стёпа направо от меня. Нас окружили журналисты. Как всегда в подобных положениях, завязалась беспорядочная словесная перепалка с нескладными вопросами и ответами. Я «разрывался» на два фронта: говорил и с космонавтом и со Стёпой.

– Герочка, голубчик, жалуюсь тебе на папашу твоего. Тридцать с лишком лет он не слушался меня.

– Как?!

– Я ему часто твердил в письмах: ты – литератор с «искрой», у тебя талант, который я заметил давно, растил, ожидая его проявления в творчестве. А папаша твой ничего не писал. Мне не верил. Всё время отговаривался: какой я литератор? Куда уж мне! А что вышло? И читатели, и писатели в один голос поют: всё лучшее, душевное и художественное из напечатанного о «Майском утре» принадлежит перу Степана Павловича Титова!

Стёпа мой сидит. Краснеет и стыдливо опускает глаза. Герман похлопал его по плечу:

– Ну, батя, терпи! Похвалы тоже не легко бывает переносить, но ничего не поделаешь. Знаю по себе... Перегрузка!

С трудно скрываемой радостью Степан Павлович начал вспоминать письма, которыми засыпали его:

– Среди писем есть и курьёзные. Так, одна девица пишет мне с Гавайских островов... Называет себя Титовой, сводной сестрой Геры. Уверяет, что она – моя дочь от первой жены и что космонавт-2 – сводный брат её! И поскольку признает себя бесспорно моей дочерью, то на этом основании просит выслать ей 600 долларов. Как видите, моя гавайская «дочка» - практичная, деловая. Берёт быка за рога!

Смеялись долго.

Был накрыт стол. Колбасу, яичницу и прочую снедь Герман Степанович оплетал добросовестно, вполне по-земному. Кто-то шутя бросил:

- Герман Степанович, наверное, от космических питательных тюбиков у вас в желудке при полете чувствовалась некая «невесомость»?
- Да как сказать? Сила в моём организме была вполне земная. Но вот это (он кивнул на стол) всё же основательнее чувствуется, чем тюбики...

А.М. Топоров и отец космонавта №2 – С.П. Титов (слева)

Я вспомнил, как застыл на месте, когда радио сообщило имя второго летчика-космонавта. А Стёпа продолжил этот разговор:

– Да и мы с Сашей были оглоушены и все спрашивали себя: «Неужели это наш Гера?! Не верили, что наш. Думали: это другой. Разве мало Титовых Германов в нашей стране?

Один журналист спросил Степу:

– Неужели родители не знали заранее, что сын полетит к звездам?

– Ничего не знали. Правда, нас удивило то, что еще 12-го июня в села Полковниково стали съезжаться корреспонденты, но мы предполагали, что причиной этого была деятельность Адриана Митрофановича в Сибири. Мы беседовали с корреспондентами о своём учителе, ездили с ними по следам его работы в Косихинском районе, посетили «Майское утро» и т.д. Но даже не подумали о полете Германа. И лишь 5-го августа, когда в Полковниково нагрянуло множество машин с журналистами и фотографами; когда меня и Сашу подвергли детальным допросам о сыне, мы догадались, что с Германом должно произойти что-то важное. И 6-го августа оно произошло...

Меня предупредили, что космонавт не любит расспросов о полете, потому что про это он уже много раз говорил на официальных собраниях, заседаниях, пресс-конференциях и в печати. Я старался избегать космических тем. Н.Н. Штанько между прочим упомянул о намерении издательства «Советская Россия» переиздать книгу «Крестьяне о писателях», написанную в «Майском утре». Герман Степанович очень оживился при этом упоминании:

– Так, так... Это действительно редкая книга. В ней я вижу и чувствую всю ту благотворную культурную атмосферу, которая была в «Майском утре»; вижу моих предков, их духовный рост. Эта атмосфера, безусловно, сказалась и на моём умственном развитии... Я обязательно напишу, если позволят, предисловие к переизданию книги.

Я поблагодарил «внука» за эту любезность.

Его позвали к телефону. Вернувшись к столу, он сказал отцу и мне:

– Художник Анатолий Никифорович Яр-Кравченко просит нас приехать к нему в

мастерскую. Поедете?

– С превеликим удовольствием!

Попрошавшись с радушными известинцами, космонавт, Степан Павлович и я поехали к художнику. Дорогой Герман Степанович говорил:

– Я уже несколько сеансов позировал Анатолию Никифоровичу. Он написал мой портрет, который находится на выставке в Доме журналистов. Анатолий Никифорович – крупнейший живописец и обворожительный человек. Вот увидите.

На пороге мастерской нас встретил высокий, полный, краснощекий человек с ласковыми глазами. Познакомились. Художник прежде всего подробно осведомил нас о своей новой громадной картине, над которой трудился. Картина изображала собрание советских писателей на квартире у Алексея Максимовича Горького.

Анатолий Никифорович пояснил:

– На картине я уловил тот момент, когда Алексей Максимович произносит знаменитую фразу «На вас лежит ответственность». Этой фразой я и назову картину.

Захватываяще интересно художник ознакомил нас и с другими его работами и творческими планами. Впившись надолго глазами в космонавта, спросил его:

– Герман Степанович, читаю в газетах и журналах, что вы любите поэзию, живопись, музыку, читаете стихи, поёте... Откуда все это у вас?

– Да все оттуда же, из «Майского утра».

И, взглянув на часы, космонавт заторопился:

– Ну, извините меня: пора на заседание партсъезда. До свидания.

И уехал в Кремль. А мы со Стёпой еще долго слушали повесть Анатолия Никифоровича о его большом и плодотворном пути, каждый этап которого был проиллюстрирован изумительными рисунками во многих альбомах.

Художник подарил нам на память репродукции с его картин. Под конец беседы он обратился к Стёпе:

– Вы непременно пришлите мне ваши работы. Я посмотрю их.

Степа смутился:

– Да что вы, Анатолий Никифорович?! У меня же детская мазня. Стыдно показывать простым людям, а не то, что вам.

– А я говорю: пришлите. Охотно помогу вам.

Поздно вечером расстались мы с одним из крупнейших мастеров кисти.

Членский билет А.М. Топорова в Союзе писателей СССР

Утром следующего дня в редакции «Известий» я встретился со своей ученицей Сашей Носовой-Титовой, матерью космонавта. Она прибыла со Степаном Павловичем. Более тридцати лет мы не виделись. Время изменило нас обоих до неузнаваемости. Встреча была полной слёз радости и горя при воспоминании о старых коммунарах, положивших первые камни в строительство коммунизма в Сибири. Трогательный рассказ Сашеньки

оживил незабываемые картины нашей жизни и культурно-просветительной работы в славной коммуне, где выросли и воспитались многие советские врачи, агрономы, инженеры, педагоги, лётчики, кандидаты наук и прославленный космонавт Герман Степанович Титов. Нестерпимо терзала сердце мысль о том, что из тридцати моих учеников-коммунаров, защищавших Родину в минувшую Отечественную войну, живыми остались только двое...

...Отец и сын Титовы любят преподносить приятные неожиданности.

И при личном свидании в Москве, и в печати Герман Степанович обещал посетить «духовного» деда в Николаеве. Приезд его был – как снег на голову. Летом 1963 года космонавт проводил отпуск с семьёй на киевском курорте Пуца-Водица. Под вечер 20 августа он на своей автомашине и подкатил ко мне. Один, без шофёра. Без всяких регалий, без фуражки, в рубашке-безрукавке и в расхоженьких штанишках. В то время я сидел у соседа на втором этаже дома. Поэтому я не видел первого появления космонавта в нашей квартире. Передаю слово очевидице – невестке Марии Михайловне:

– Юрий (муж – А.Т.) пришёл с работы и лежал на кровати, читая книгу. Стук в дверь. Юрий крикнул «да»! Кто-то вошёл в комнату. Я тоже вошла туда. На краешке стула сидит небольшого роста человек и поигрывает ключиком от автомашины. Спрашивает Адриана Митрофановича. Говорю: Адриан Митрофанович наверху, у соседа. Позвать? – Позовите. – А как сказать, кто спрашивает? – Герман. – Какой Герман? – Титов... Батюшки!! Я – брык на стул. Юрий спрыгнул с кровати и заорал: - Гера!! И давай тискать его, обнимать-целовать! Я – на верх за дедом...

Да, Марья Михайловна ворвалась к соседу и, как угорелая, завопила:

- Дед! Домой! Скорей! Космонавт приехал!!

Я опрометью кинулся вниз – и в коридоре обнял долгожданного внука. Как полагается, пропустили его через «санобработку», а дальше пошла суматоха подготовки к «приёму».

Когда космонавт въезжал во двор и выходил из автомашины, детвора узнала его в лицо. И через несколько минут по городу полетело:

– Космонавт Герман Титов приехал к Топорову!

Первый звонок был из обкома партии. Просили выступить. Но космонавт ответил:

– Простите: не могу. Я неофициально приехал к своему деду и на публичное выступление разрешения не имею...

Его поняли и больше не тревожили. А вскоре весь наш двор, весь квартал улицы Свердлова (ныне улица Обсерваторная. – А.Т.), вся наша квартира были запружены толпой.

Герман Степанович не хотел никаких фото- и телесъёмок: они ему надоели. Но я упрямил его «потерпеть». Он сдался, и телестудийцы, и фотографы «Южной правды» засняли некоторые моменты его приезда...

Как вероятно, всюду, в Николаеве о космонавтах почему-то ходили всякие домыслы, порой нелепые. Скажу только о самом чудовищном. Мой приятель и партнёр по игре в симфоническом оркестре, инженер В.И. Шенфельд как-то на репетиции шептал мне:

– Адриан Митрофанович! Ведь Герман Титов давно уже умер от космической радиации, но об этом молчат, чтобы не огорчать народ, не сеять паники. А вы-то уж, конечно, знаете всё. Скажите по строжайшему секрету – умер или жив? Клянусь здоровьем: никому не передам!

Я расхохотался:

– Вот что, Витя: космонавт намеревался навестить меня в Николаеве. Если, в самом деле, он приедет, я тебе сейчас же позвоню, позову.

И позвонил, и позвал. Нарочно посадил Фому неверующего рядом с космонавтом:

– Садись, Витя, пей с «покойником» шампанское и жуй жареных бычков!

Чья-то злоумышленная брехня была убита.

Во время последнего обеда к открытому окну подошли дети из детского садика. Они читали стихи и кидали космонавту цветы. Герман Степанович много и увлекательно рассказывал о своих зарубежных путешествиях, типах, нравах и обычаях иноземцев. 21 августа, на закате солнца, написав сотни автографов и выдержав атаки фотографов и телеоператоров, он отбыл в Одессу...

...Руководящие органы Николаева запланировали на 20-21 октября 1967 года слёт комсомольцев трех поколений. Это дело было обставлено особенно пышно. Для пущего эффекта пригласили космонавта Германа Степановича Титова. Заключительную фазу торжества наметили провести в Парке Победы 21 октября.

Зная, что космонавты строго экономят время, я ожидал прилета «духовного внука» в Николаев не раньше 20 октября. Накануне вечером я направился на очередное собрание литературного объединения при редакции «Южной правды». Мокрый от дождя асфальт на широкой Адмиральской улице сверкал под светом фонарей. Движение в городе стихло. Я спокойно шлёпал посередине

улицы. Внезапно за спиной я услышал шипенье и хлопанье автомобильных шин и крик:
– Стой!
«Неужели грабители?!» – подумал я.

Мемориальная доска на доме в Николаеве, где жил А.М. Топоров

Машина остановилась. Из нее вынырнул наш вездесущий и всеведущий журналист Борис Лазаревич Аров.

– Я за вами. Садитесь, едем.

– Куда? Зачем?

– Герман Степанович уже прилетел. Меня послали за вами. Был у вас на квартире. Сказали, что ушёл на литобъединение. Я и настиг вас. Садитесь.

– Где же космонавт?

– В Лесках, на даче обкома.

Приехали туда. Эта дача – резиденция для приезжающих в Николаев высоких должностных лиц и гостей.

Я вступил в ярко освещённую большую роскошную комнату. Вокруг длинного, обильно сервированного стола уже сидели многие высокопоставленные лица. «Ассамблею» остроумно вёл секретарь обкома В.А. Васильев.

Герман Степанович пошёл ко мне навстречу. Обнялись. Мне отвели место рядом с «первоприсутствующим». Вот куда залетела «белая ворона»! Думал ли, гадал ли я когда-либо попасть в «высшую областную сферу»?! Всё шло чинно, благородно. Шутки, остроты, смех и тосты, тосты, тосты! Ужин был лукулловский. И во сне я такого не едал! В интервалах между яствами гости поднимались на второй этаж, смотрели по телевизору футбольный матч, спускались вниз, играли на бильярде. Но своей музыки не было. К пианино никто не притронулся.

Во втором часу ночи меня на автомашине доставили домой. Космонавт на этот раз был гостем города и ночевал в отведенных ему апартаментах. Наутро он выступал по местному телевидению. Затянули в телестудию и меня. Я сидел возле космонавта в качестве живой мебели. И только для того, чтобы «внук», отвечая на вопрос о цели его приезда в Николаев, мог бросить взгляд на меня и сказать:

– После празднества хотелось проведать и своего духовного деда.
...По окончании собрания представителей трёх поколений комсомольцев первый секретарь обкома партии Т.Т. Поплёвкин завёз Германа Степановича на нашу квартиру и пошутил:
– Оставляю вам гостя на один час. Потом заеду за ним и заберу.
Мы просили Трофима Трофимовича оставить у нас космонавта подольше.
– Не могу! Прошлый раз он был вашим гостем, а ныне – нашим.
Набавил только 15 минут. А потом приехал и увёз...

Такой мимолётной была моя вторая встреча с «духовным внуком» в Николаеве.

1970 г.

Журналистика

АРОВ Борис Лазаревич (1919, с. Аджамка Кировоградской обл.), журналист. Окончил филологическое отделение НГПИ. С 1937 – литературный сотрудник, затем заведующий отделом Николаевской областной газ. "Южная правда". Участник ВОВ: Сталинградский, 3-й и 4-й Украинские, Карельский, 1-й Дальневосточный фронты. Основные журналистские темы: судьбы людей, культура, спорт. Печатался в журналах: "Юность", "Огонек", "Молодежная эстрада", "Украина", "Старт". Составитель ряда фотоальбомов о г.

Николаеве, один из авторов пьесы "Партизанская искра" и сценариев нескольких документальных фильмов, снятых на Киевской киностудии. Автор книги очерков "Дорогие мои земляки". В издательстве "Музична Україна" вышли песни о нашем городе. Был аккредитован на Олимпийских играх, чемпионатах мира и Европы в ряде зарубежных стран. Член Союза журналистов Украины. Награжден орденами Отечественной войны 1-й ст. и Красной Звезды и многими медалями.

Борис Аров

Когда готовилась к изданию моя книга «Журналисты города Святого Николая. История и судьбы», я встретился с журналистами, работавшими в газете «Южная правда», и попросил рассказать их о себе, о редакции, о коллегах по перу и, конечно, об истории газеты. Это были незабываемые встречи. Передаю для литературно-художественного интернет-журнала «Литературный Николаев» некоторые из этих воспоминаний.

Валерий Бабич

Борис Аров: «Я родился 1 мая 1919 года. Окончил семилетнюю школу и в 1933 году, когда мне было 14 лет, поступил на кораблестроительный факультет Николаевского судостроительного техникума. Два моих старших брата, окончившие ФЗУ, работали уже на заводе им. Андре Марти (ЧСЗ), один – бригадиром-сборщиком в корпусном цехе, а второй, который потом стал военным летчиком, – в котельном цехе. И потому на семейном совете решили, что и я стану судостроителем. Во время учебы в техникуме вместе с товарищами проходил практику на заводе им. А.Марти.

Хорошо помню Леонида Пляскова, будущего заместителя главного технолога и автора книг о Черноморском заводе. Он тогда только окончил тот же техникум и начинал свою работу в корпусно-стапельном цехе. А Игнат Чумаков, будущий директор завода «Океан», был бригадиром-судосборщиком, работая рядом с моим братом. Мы проходили практику на сборке секций, и я помню корпуса эсминцев, сделанных из оцинкованной стали. Из-за блеска цинка их называли «серебряными». Эсминцы собирались на стапельных местах, которые имели боковой спуск. В техникуме я участвовал в комсомольской жизни, писал

какие-то стишки. А когда в 1937 году была создана Николаевская область и николаевская городская газета превращалась в областную, сюда стали приглашать новых сотрудников. Получилось так, что по рекомендации горкома комсомола меня направили в редакцию, где решили:

– Давайте этого техникумовского парня пригласим в промышленный отдел.

В 1937 году я не имел никакого понятия о газете. Это уже потом, после войны, я окончил филологический факультет Николаевского пединститута. Григорий Лазаревич Лазарев, который был в то время ответственным секретарем газеты «Більшовицький шлях», сказал мне:

– Все добре. Тільки давайте спробуємо провести диктант з української мови.

Я окончил украинскую школу. В судостроительном техникуме многие предметы, в том числе математика и сопромат, читались на украинском языке. Получилось, что диктант я написал. Так и был зачислен в штат редакции.

Вы спрашиваете о предшественниках «Южной правды», газетах, которые выходили в Николаеве до нее. Сначала, с 1917 года, издавалась газета «Известия рабочих и крестьянских депутатов». Потом, примерно в 1923, она была преобразована в «Красный Николаев». А потом в «Шлях індустріалізації». Это были городские газеты. А в 1937 году, когда создавалась Николаевская область, стала выходить газета «Більшовицький шлях». Она издавалась вплоть до начала войны как украинская областная. С 1939 года в Николаеве издавалась и русскоязычная областная газета «Южная правда», редактором был Илларион Владимирович Буров. После войны эта газета начала выходить на несколько месяцев позже, чем украинская, сотрудники которой успели взять для нее название «Південна правда». Поэтому журналистам русской газеты пришлось искать новое название, и они решили, что это будет «Бугская заря». В 1959 году обе газеты объединились в единую украинско-русскую газету «Південна правда» – «Южная правда», выходящую дублированным текстом на двух языках.

Но вернемся к 1937 году. Вначале я работал учеником, а потом сотрудником отдела внутренней и международной информации. Вскоре надо мной взял шефство и заведующий отделом культуры Касьян Михайлович Федулов. Помню первую свою заметку в газете. В то время в помещении Дома техники (он находился на углу улиц Спасской и Советской) открылась выставка работ начинающих художников. По редакции пошел слух, будто там будут и рисунки хорошо нам знакомого Миши Божия. Он в те годы работал в типографии помощником цинкографа.

– Вот и пошлем тебя написать свою первую информацию, – сказал мне Касьян Михайлович. И, сам увлеченный своей идеей, добавил:

– А что, первая информация начинающего газетчика о первой выставке начинающего художника. Даже интересно.

Заметка была напечатана. А спустя многие годы мы встретились с Михаилом Михайловичем Божиим в Киеве, в главном выставочном зале столицы, где экспонировались работы уже народного художника СССР, действительного члена Академии наук СССР, который дважды избирался в депутаты Верховного Совета СССР.

Так начались мои журналистские университеты. Будто сейчас вижу перед собой заведующего отделом сельского хозяйства Семена Михайловича Казанли, опытного земледельца, взявшего под свое крыло бывших селькоров Федю Мисюру, Федора Базиленко и Савву Половенко, который вырос в главного редакционного аграрника,

авторитетного автора по вопросам сельского хозяйства. Пришли с заводов Григорий Яшутин и Семен Саксонов. Он стал заведующим отделом промышленности и экономики. Саксонов, так же, как и я, потом окончил заочное отделение филфака Николаевского педагогического института. Нам повезло, что некоторое время перед войной в редакции работал приехавший из Москвы известинец Семен Григорьевич Буранов – эрудит, классный журналист, блестящий лектор. А беседы с ним заменяли любые семинары о журналистском мастерстве.

Борис Аров в годы Великой Отечественной войны

Началась Великая Отечественная война. Один за другим уходили на фронт мои старшие коллеги-журналисты. Теперь мы знаем, что все они воевали достойно. Федор Базиленко, Мирон Бондарь, Яков Маркус, Давид Смилянский, Виктор Гавилевский погибли в боях за Родину. Мне и нескольким сотрудникам довелось работать в редакции до выхода последнего довоенного номера газеты. Я тогда исполнял обязанности ответственного секретаря редакции. Когда немцы в середине августа 1941 года подходили к Николаеву, мы, как было предписано, уничтожили всю редакционную радиоаппаратуру и пишущие машинки, написали на стене огромными буквами «Мы еще вернемся!» и вынуждены были накануне захвата немцами Николаева 16 августа пешком идти на Херсон. Оттуда, как и многие николаевцы, добирались до Астрахани. Там я некоторое время работал в окружной газете, а с декабря 1941 года – уже был в армии. А дальше – Юго-западный фронт, Сталинградский фронт, 4-й и 3-й Украинские фронты, Южный фронт. И тут такой случай: в апреле 1944 года наша часть оказалась на реформировании

под Мелитополем. А месяцем раньше, 28 марта 1944 года, был освобожден Николаев. Иду я по улице Мелитополя и вдруг встречаю Петра Ивановича Гурова (который стал после войны одним из первых мэров города Николаева), довоенного секретаря Николаевского обкома комсомола. Он говорит:

– Мы направляемся в Николаев. Будем восстанавливать советскую власть в городе. Кстати, в нашей группе есть и работники редакции, Касьян Михайлович Федулов и Дмитрий Александрович Охотников.

В редакции «Южной правды»

Расстались мы с ним, а на следующий день я обратился к своему комиссару, Василию Ивановичу Березину:

– Товарищ комиссар, освобожден мой родной город. Мы будем, возможно, здесь стоять еще несколько дней. Разрешите мотануться туда и обратно.

– А если мы двинемся, где я тебя буду искать? Так ты и под трибунал попадешь.

Проходит еще день. Пока стоим на месте. Я снова к нему:

– Разрешите, я рискну.

– Ну смотри, под твою ответственность.

И я по платформам, на площадках, цистернах, перепрыгивая с одного поезда на другой, добираюсь до Николаева. Зашел к себе домой, родители были еще в эвакуации. Встретил соседей. Они очень любили мою маму, сохранили наш дом, ничего не было разграблено. Здание редакции было разрушено, оно находилось на Советской улице, где сейчас Каштановый сквер пенсионеров. Повидался с сотрудниками редакции, был в Николаеве одни сутки. В Мелитополь успел. Только на третий день нас отправили не на Запад, а на Север, в Карелию, а дальше, с августа 1944 по май 1945 мы были в составе Карельского фронта, а с мая по август 1945 – Первого Дальневосточного фронта, находясь, в частности, в Уссурийском крае. Только в октябре 1945 года я вернулся в родной город, в родную редакцию на ту же должность заведующего отделом газеты «Південна правда».

Борис Аров и легендарный «Штирлиц» – народный артист СССР Вячеслав Тихонов

Первая послевоенная командировка была в село Крымка, где уже собирались и изучались данные о деятельности подпольной молодежной партизанской организации «Партизанская искра». Здесь я задержался, вникая в события минувших грозных дней. Вернувшись, написал большой очерк о «Партизанской искре», который поместила «Південна правда». В результате вначале Николаевский театр русской драмы, а затем Театр юного зрителя пожелали иметь пьесу о юных героях.

Вот тогда я вместе с нашей сотрудницей М.И.Саенко стали над этим работать. Как известно, пьеса была написана. Хотелось бы вспомнить о первых наших шефах в работе над пьесой – главного режиссера ТЮЗа Б.Л.Осеledчика и режиссера В.В.Канано. А потом она ставилась еще в двух новых редакциях режиссерами А.Я.Литко и В.Ю.Карпенко. Это было событием в культурной жизни нашего города и области! Зрители на автобусах и машинах приезжали со всех районов, возлагали цветы у Вечного огня у мемориала ольшанцам, а затем с транспарантами, на которых было написано «Идем на «Партизанскую искру», направлялись через всю улицу Советскую ко Дворцу судостроителей, где ставилась пьеса. Проходили встречи с родственниками героев «Партизанской искры». Приезжала и мать Парфентия Гречаного. Этот спектакль был удостоен республиканской премии имени Николая Островского.

В то время уже работали обе областные газеты – «Південна правда» и «Бугская заря». Они размещались в особняке, на углу улиц Никольской и Фалеевской. Вход в «Південну правду» был с Никольской, в «Бугскую зарю» – с Фалеевской. Из редакционных окон открывался вид на редакционный дворик с фонтаном, где журналисты двух газет по четвергам проводили творческие встречи с актерами, музыкантами, писателями. Приходили сюда и зрители из соседних дворов, и друзья редакции газеты. Между двумя редакциями было горячее творческое соревнование.

Есть такое выражение у газетчиков «поставить фитиль». Это значит опередить соперников, раньше узнать, опубликовать, удивить читателей. В то же время мы дружили и очень хорошо друг к другу относились. Обе газеты жили по соседству под одной

крышей почти 15 послевоенных лет. Вы говорите, что слышали, что моя жена тоже была журналисткой. Да, именно в редакции я встретил свою любовь, тогдашнюю журналистку «Бугской зари», а потом неугомонную школьную учительницу русского языка и литературы Фаину Натановну Марьянчик, с которой мы вместе уже более 60-ти лет.

С николаевскими поэтами Э. Январёвым и В. Качуриным

После войны влились в коллектив бывшие фронтовики уже с жизненным опытом Михаил Доброниченко, Петро Кийло, Иосиф Физдель, Сергей Жадан, Михаил Кравченко, Николай Григорьев, Исаак Зельцер, Виктор Подольский, Михаил Божаткин, Александр Бондарь, Маргарита Саенко, Александр Ягупольский, Владимир Чунихин, Иван Лебеденко, Владимир Охримюк, Георгий Ежелов, Александр Маяцкий, художник Соломон Бродский и другие. Вскоре высадился целый своеобразный «десант» выпускников журналистских факультетов – Том Гаман, Людмила Костюк, Виталий Карпенко, Нина Шепель, Александр Умеренков, Николай Зякун, Любомира Лакотий, Павел Куляс, Александр Глушко, Эллианд Гоцуенко, Анатолий Колесник.

Думаю, что в этой книге будет немало рассказано о сотрудниках редакции. Но мне хочется рассказать Вам, хотя бы коротко, как сыну Татьяны Захаровны Трескуновой, о самых теплых воспоминаниях о ней. Татьяна Захаровна была энергичной женщиной, яркой личностью. У нее всегда было свое мнение, свое видение жизни, и она его отстаивала. Она была заметной фигурой в городе, дружила со многими работниками культуры, умела расположить к себе собеседника, быстро сходилась с людьми, находила с ними общий язык. А когда люди проникаются уважением к журналисту – то нет необходимости выуживать факты, они сами расскажут тебе о своем сокровенном. Именно поэтому ей и удавались интересные интервью. Кроме того, она была мастерица на броские заголовки. Еще одна очень важная ее черта – принципиальность. Ведь это она придумала и ввела в 1980-х годах в «Южной правде» рубрики «Так работать нельзя» и «Так жить нельзя». Эти рубрики не сходили со страниц несколько лет. А главное, Татьяна Захаровна добивалась реакции городских советских и партийных властей на свои критические выступления в газете.

Борис Аров и профессор Илья Стариков

Из дальних краев к нам приехали Агнесса Виноградова, Геннадий Селин, Инна Максименко и обогатили газету своим неординарным творческим почерком. Завоевали своих читателей Юрий Агеев, Виталий Олейник, Владимир Пучков, Алла Северновская, Валентина Пруткевич, Анатолий Белоножко, Алла Чуприна, Вячеслав Козлов, Валентина и Анатолий Романюк, Наталия Бабенко, Ева Майданович, Светлана Чепурненко, Марина Островская, Людмила Фуга, Валентина Игнатчук, Руслан Подгорный, Вадим Раскопов...

Рядом с пишущей братией были литредактор Галина Выборная, переводчица Клавдия Крутова, уже много лет совмещает эти две должности Зинаида Коструба. Наши первые критики – машинистки, теперь работающие на компьютерах. Среди них в прежние годы были Елена Калмыкова, Наташа Кривко, Евгения Головки, а ныне здесь – Мария Костюк и Тамара Чернова. А как нас выручала стенографистка Людмила Дегтярь!

Всегда было «жарко» в секретариате, где долгие годы поддерживали нужную творческую «температуру» Виктор Подольский, Том Гаман, Анатолий Колесник, Виталий Олейник, Александр Петраш и их бригады. Теперь здесь несет эту нелегкую вахту Елена Журавецкая.

А разве можно забыть неутомимую работу наших фотокорреспондентов Виктора Акимова, Василия Беляева, Константина Дудченко, Бориса Рыбакова, Ильи Кальницкого, Дмитрия Ласкина, Александра Кремко. А сколько бессонных ночей было проведено рядом с тудягами-полиграфистами в типографии на дежурствах по выпуску газеты. Сейчас, при новой технике, наши зоркие часовые грамотности – корректоры Лариса Мартиросова и Наташа Глушкова все вычитывают в стенах редакции.

Нам повезло и на главных редакторов газеты – Григория Лазарева, Александра Бабенко, Михаила Лукьянова, Николая Яркина, Николая Шарафанова, Анатолия Самойленко и нынешнего, Николая Стеценко. У всех – уважительное отношение к сотрудникам, забота о них, настрой на творчество.

Годы идут. Возраст солидный. Советуют, дескать, пора закругляться. А порой передо мной на столе лежит чистый лист бумаги, касаюсь его шариковой ручкой – и, оказывается, паста в ней еще есть...

Хочется поклониться тем, кто когда-то меня принял в редакционную семью, окружил вниманием, учил, доверял, требовал, воспитал, сделал газетчиком, с кем работал рядом, с кем делил хлеб и соль этой нелегкой профессии.

Позади 73 года моего пребывания в этой семье. И сейчас продолжаю приходить сюда, писать в свою родную газету. Здесь мой второй дом. Ведь здесь осталась частичка моего сердца...».

Борис Аров

* * *

Б. Аров. Космонавт и его незримый пассажир

После возвращения из полета космонавт-2 Герман Титов в одном из первых своих интервью сказал, что в полете с ним был незримый пассажир – мудрый школьный учитель, учивший его родителей в Сибири, повлиявший и на его, Германа, воспитание. Звали его Адриан Митрофанович Топоров. Эта фраза космонавта натолкнула меня и Эмиля Январева снять документальный фильм "Незримый пассажир" об этом неординарном «деде», как в Николаеве уже успели уважительно окрестить Адриана Митрофановича. Это предложение одобрительно встретили на Киевской студии документальных фильмов, с которой у нас и до этого было творческое содружество.

В Николаев Топоров приехал в 1949 году. До этого, еще с 20-х годов, был хорошо известен в литературных кругах страны как автор уникальной книги «Крестьяне о писателях». В Николаеве продолжал активную литературно-общественную деятельность. Были написаны и изданы его новые книги "Воспоминания", "Я учитель", "Мозаика" – о своей жизни, о людях, с которыми встречался. Он часто приходил в редакцию, посещал занятия литературного объединения. Общение с ним, как правило, обогащало окружающих. Мы с Январевым лично хорошо были с ним знакомы.

И, тем не менее, съемки фильма давались непросто. Адриан Митрофанович к ним относился без особого подъема. Считал, что лучше всего изложить события в литературной форме, верил в неиссякаемую силу и чародейство слова. И надо сказать, он имел на то право. Его устная речь лилась, словно ручей из чистого источника, предельно грамотная. Он категорически осуждал сквернословие, но при этом любил называть вещи своими именами, иногда давал испепеляющие оценки. К нашему сценарию подходил требовательно: чтобы никаких домыслов и вольностей. Правда, будучи человеком бескорыстным, иногда позволял себе шутки с намеками, вроде: "И доколе эти журналисты будут на мне зарабатывать", "Вот по сценарию нужно приготовить целый котел пельменей. А за чей счет?". И тут же превращал свои реплики в шутки.

**Космонавт-2 Герман Титов и его «космический дед» Адриан Топоров.
Николаев. 1963.**

Но одну съемку он встретил с нескрываемым одобрением. Был в то время в Николаеве полупрофессиональный симфонический оркестр, в котором играло немало преподавателей музыкального училища, музыкальных школ и других музыкантов, в том числе и на скрипках, Адриан Митрофанович и его внук Вова. Концерт оркестра снимали в огромном цехе завода "Дормашина". В присутствии многих слушателей под сводами цеха звучала IV симфония Чайковского. Крупным планом снимаем сидящих и играющих в оркестре деда и внука Топоровых. Он ведь и в сибирской коммуне "Майское утро" прививал местным крестьянам любовь к классической музыке, ее понимание. Концерт в цехе радовал душу старика. В фильме снимались и Герман Титов, и его отец, и другие. Эта двухчастевка вышла на экраны страны большим тиражом.

Вот еще некоторые фрагменты моего общения с космонавтом-2 и его незримым пассажиром:

– Приходите. У меня гость. Догадываетесь? То-то же. Ну, валяй...

Это звонил Адриан Митрофанович Топоров. Как-то космонавт Герман Титов ему обещал, что при малейшей возможности навестит. И вот прибыл. Инкогнито. А Топоров посчитал нужным пригласить и меня.

– Был по делам в Киеве, – объяснил космонавт. – Отпросился у Каманина на один день.

Мы сидели за скромным столом в квартире у Адриана Митрофановича. Наскоро собранный обед. Обыкновенный, семейный. Это придавало общению собравшихся ту непринужденность, которая раскрепощает, располагает к искренности и доверительности беседующих. А космонавт выглядел и впрямь по-домашнему. Без военной формы, в трикотажной тенниске. Но он светился как бы изнутри. Особенно, когда начинал рассказывать.

А.М. Топоров с космонавтом Г.С. Титовым и его отцом С.П. Титовым

А дед сидит и смотрит на Германа влюбленными глазами. Да и когда говорит Адриан Митрофанович, по-особому теплеет взгляд и космонавта.

О своем полете Титов рассказывает сдержанно и скромно.

– Все в газетах было написано. Ясно, кое-что пришлось и пережить. В дальнейшем полеты будут более длительными. За космонавтику взялись основательно.

Говорит и о том, что хотелось бы познакомиться с Николаевом и николаевцами, но на этот раз не выйдет.

– Я ведь неожиданный гость, – шутит он, – точнее, не официальный.

Но вот пришло время прощаться. Прошу разрешения на короткое интервью.

– Нет, не нужно. Не тот случай, – отвечает.

– А если написать просто и коротко о том, что космонавт отдал дань уважения своему учителю.

– Дань уважения учителю? А ведь это правда. Никуда не денешься. Уговорили. Только коротко и скромно.

Под таким заголовком на следующий день и вышла короткая корреспонденция в газете. А через некоторое время он прибыл в Николаев по официальному приглашению для участия во встрече трех поколений. Мы его встречали на одном из загородных аэродромов. Оттуда сразу же отправились на гостевую дачу. Не успели приглашенные занять свои места за столом, как космонавт обратился ко мне с вопросом:

– А где дед?

Я об этом рассказал секретарю обкома партии Владимиру Александровичу Васильеву.

– Немедленно поезжайте за ним, – услышал я в ответ. – Машина внизу.

Дома Топорова не оказалось. Был четверг. Значит, на занятиях литературного объединения. Ну и здесь я его не застал. И вот – как в детективном фильме. В свете фар появилась фигура человека, медленно переходящего улицу. Слегка надвинутая на затылок шляпа. Длинный плащ. Папка в руках. Топоров? Точно. Выхожу из машины, кладу руку на его плечо.

– Следуйте за мной!

Повернулся, увидел меня, улыбаясь, ответил:

– Такое со мной уже было...

Здесь требуется небольшое отступление. Когда у уже 90-летнего Адриана

Митрофановича Топорова спросили, в чем секрет его долголетия, он отшутился так:

– Что советуют врачи для сохранения доброго здоровья? Ограниченное питание, физический труд и свежий воздух. У меня все это было в годы лагерного заключения.

Объясняю ему цель "погони". Через несколько минут мы на месте. Герман по-сыновьи обнимает старика и усаживает его на почетном, отведенном для космонавта, месте. Все внимательно слушают Титова. И вот после короткого перерыва Адриан Митрофанович вдруг озадачивает присутствующих такой тирадой:

– Уважаемые судари, объясните мне, непутевому старику, вот такую ситуацию. Обращался я с просьбой установить мне персональную пенсию – местную, республиканскую, все равно. Отказали. И вот идет Гоша, как депутат Верховного Совета СССР, в Министерство социального обеспечения, рассказывает сложившуюся ситуацию, и мне назначили персональную пенсию союзного значения. Вот я и думаю: за что? За то, что я долгие годы работал учителем, вел какую-то общественно-полезную работу или потому, что Гоша в космос полетел?

Пауза. Общий смех. Герман обнимает Топорова:

– Вот за такую прямоту я вас еще больше люблю.

А.М. Топоров и космонавт Г. Титов

Веду интервью с космонавтом Германом Титовым по телевидению в прямом эфире. Вначале наш разговор о Николаеве, Черноморском заводе, который на гостя произвел огромное впечатление, о людях, с которыми гость перед этим встречался. И вдруг, неожиданно для самого себя, спрашиваю:

– Герман Степанович! Вот вы, можно сказать, добились в жизни всего: осуществили мечту – полетели в космос, завоевали всенародное признание, удостоены самых высоких наград. Скажите, что нужно для счастья?

Мой собеседник насторожился. Мне кажется, что был даже недоволен таким всеобъемлющим вопросом. И все же после короткой паузы, не спеша, обдумывая каждую фразу, сказал:

– Во-первых, у человека должна быть Родина. Без Родины нет счастья. Во-вторых, должна быть профессия, такая, чтобы по душе – и приносила добро людям. Разумеется, нет счастья без любви, друзей, доброго здоровья. Принимается?

Да и кто знает, что нужно для полного счастья и бывает ли оно всеобъемлющим или только иногда посещает нас.

Борис Аров

Драматургия

Николай Троянов

Николай Алексеевич Троянов – публицист, общественный деятель, актер, драматург, режиссер, заслуженный артист Грузии (1957), Почетный гражданин г. Николаева. Участник Великой Отечественной войны – воевал под Киевом, Ленинградом, в Польше, где был тяжело ранен. Награжден многими орденами и медалями.

После войны с отличием окончил Театральное училище им. М.С. Щепкина при Малом театре в Москве (1950), ученик В. Пашенной, И. Ильинского, К. Зубова, Е. Турчаниновой и Н. Анненкова. В 1950–1960 гг. – актер Тбилисского русского театра им. А.С. Грибоедова. С 1960 г. – актер Русского драмтеатра им. В.П. Чкалова в Николаеве. В 1963 г. создает театральную студию, которой в 1969 г. присвоен статус Народного Драмтеатра. Театральную школу Н. Троянова прошло около 300 человек и некоторые из них добились значительных успехов на профессиональной сцене. Им создано 20 пьес, издано три книги и опубликовано около 50 статей в газетах и журналах.

Н. Троянов "В.И. Даль. 1801–1872 гг."

*200-летию со дня рождения
Владимира Ивановича Даля посвящается!*

Действующие лица:

ДАЛЬ Владимир Иванович;
СИЛЬВА Федор Александрович;
ДАЛЬ Катя, внучка, 14 лет;
ЯЗЫКОВ Николай Львович, вице-адмирал в отставке;
ЯЗЫКОВА Гликерия Николаевна, его супруга;
ЯЗЫКОВА Мария, их дочь, 18 лет.

Пролог

Москва. Собственный дом В.И.Даля на Пресне. Кабинет-гостиная. Большой письменный стол. На столе: четыре тома «Словаря Даля»... с закладками, с «рубчиками»... Гусиные перья в вазе.

Из глубины идет старик Даль – таков, каким его написал художник Василий Перов.

Даль заглянул через открытое окно во дворик, в сад, прислушался к гомону птиц... идет к столу... Он аккуратен, и приступает к работе обычным образом: не спеша, выверено и строго. Садится в кресло, кладет по правую руку красный фуляровый платок и табакерку. Высокие напольные часы отбивают минуты. Даль приступает к работе...

А в это время в глубине появляется старик Сильва – он в штатском одеяньи и плаще.

Сильва – моряк российского флота, итальянец по происхождению. Какое-то время он стоит не шелохнувшись, в охотничьей стойке, и как будто в нерешительности... затем, почти крадучись, идет по поправленью к окну.

Даль слышит шаги и мало удивлен этому – по-своему, он рад, когда к нему заглядывают домочадцы.

ДАЛЬ (*шутливо*). Кто там крадется за моей спиной?.. Противник? Друг?... Ты, Павел?..
Пауза.

Павлуша... что молчишь? Чем хочешь удивить?..

Пауза.

Бадейка, ты?..

СИЛЬВА (*охрипшим голосом*). Да нет, я не Бадейка.

ДАЛЬ (*встревожен, он не узнал голоса пришельца*). А голос-то надтреснутый, и с хрипотцой... скрипит, как несмазанная телега... Знакомый будто, с хрипотцой... Из Крыма родом? Таврический? Из Балаклавы? Грек Абидос со шхуны «Таврия»?

СИЛЬВА. Да нет... хоть и ходил на многих шхунах...

ДАЛЬ (*порывисто*). Так ты моряк? Тебя шестом и не достанешь!

СИЛЬВА. Чего ж ты поздно спохватился?

ДАЛЬ (*азартно*). Вот-вот... разгадка сейчас последует... Голос простуженный на всех ветрах-широтах...

И снова пауза. Молчание. Теперь они, два старика, начинают играть в своеобразные свои игры, в кошки-мышки, и ждут друг от друга уступок и пардона. Даль удивлен и раздосадован тому, что он не может узнать голос своего знакомого, а Сильва со своим надтреснутым голосом смеется и чему-то радуется... Так они и смеются – два старика.

СИЛЬВА. Я думаю, простужен от другого... много выпито малаги! Да всякой дряни столько же по всем тавернам, включая сивуху русскую...

ДАЛЬ. Знаю! Лакировали элем аглицким, шотландским виски. А что, не так? (*кричит*) Лукерья! Кувшин малаги и расстегайчиков с капустой. Да живо!

СИЛЬВА. Лучше бы – наперсток рома.

ДАЛЬ (*кричит*). Бутылку капитанского! Я не уверен, что в доме есть ром... но можно в соседней лавочке достать. Тут их расплодилось на Пресне.

СИЛЬВА (*проскрипел*). Плохой хозяин...

ДАЛЬ. Хозяин никуда... Да что с него возьмешь, коль сам не пьет. Зарылся по уши в бумагу и шуршит. Бумага терпит, а он все налегает – пишет. И всё без толку.

СИЛЬВА. Звон по Москве идет: четыре тома вышло словаря Толкового... И автор будто бы Владимир Даль.

ДАЛЬ (*искренне удивлен*). Не может быть! Значит, толк некий есть?

СИЛЬВА. Выходит, некий.

ДАЛЬ. Смотри-ка, удивительство какое... Ты где остановился?

СИЛЬВА. Да нигде. В гостинице, как Хлестаков.

ДАЛЬ. Переезжай ко мне. В доме тридцать четыре комнаты, и все мои. Переезжай... заставлю прочесть все четыре тома – ты станешь шелковым тогда... И тут Ваганьково недалеко, рукой подать. (*смеется*)

СИЛЬВА. Облюбовал местечко и на кладбище?

ДАЛЬ. Угу. Ведь я предусмотрителен во всем. Считаюсь: немец. Расчетлив и умен Владимир Даль...

СИЛЬВА. Ты молодец!

ДАЛЬ. Еще бы! Орел, синица и журавль. Летаю, как орел... и жду синицу... Авось, да прилетит синица-птица...

Идет его внучка Катя, с подносом в руках.

КАТЯ. День добрый, дедушка! День добрый, господин!..

ДАЛЬ. А-а, Катерина, внучка... кстати очень...

КАТЯ. Лукерья посылает бутылку капитанского. И расстегаи, как ты просил. *(все ставит на стол)*

ДАЛЬ. Спасибо. Там за моей спиной некий... джентльмен... Точнее, волк морской. Скажи Лукерье: пусть приготовит комнату для волка. Да ты не испугай ее. Он только с виду серый, поскольку зубы у него...

СИЛЬВА *(добавил)*. ... давно не волчьи.

КАТЯ. Зовут меня Катюша... Катя Даль.

СИЛЬВА *(возвышенно)*. Склоняю голову пред Катей Даль. Желаю долго жить и быть счастливой.

КАТЯ *(подняв носик)*. Да, я тоже Даль... Даль! А что такое Даль? Это когда видно далеко.

Прощайте... Рада была познакомиться с вами. *(игриво кланяется и уходит)*

СИЛЬВА. Прекрасный будет экземпляр породы женской.

ДАЛЬ. Шалунья, это видно сразу... Я вспомнил! Был такой хонробандист в Одессе – Егорий Пуп. Он был приписан к одесскому Привозу. Ты, часом, не Егорий Пуп?

СИЛЬВА. Польщен! Когда-то командовал Одесским портом, но...

Даль В.И.

Даль задет за живое – трет пальцами виски...

ДАЛЬ. Однако, на всякую загадку должна же быть отгадка. Мой джентельмен, иди и встань сюда... вот в эту точку, недалеко от кресла. Я глаза себе платком закрою, не буду видеть. *(делает то, что говорит)* Я обязан тебя узнать! Мне надобно тебя узнать по голосу, по гласным звукам...

СИЛЬВА. А согласные – что, не годятся?

ДАЛЬ. По хрипу твоему, негодник этакий! Кто тебя просил так много пить? Вот и хрипишь теперь, как та старуха, что на бульваре семечками торгует...

СИЛЬВА. Не ворчи.

ДАЛЬ. Я не ворчу...

СИЛЬВА. Нет, ты ворчишь... я не старуха. Я еще мужчина будь здоров!

ДАЛЬ. Он будь здоров... *(смеется)*

СИЛЬВА. А вот с твоею бородой не знаю, что и делать. Совсем старик глубокий...

ДАЛЬ *(кратко)*. Ты беден?

СИЛЬВА. Нет. В отставку вышел – слава государю – в чине контр-адмирала...

ДАЛЬ. Молодец! Контр-адмирал – высокий чин... Не виделись мы сколько?

СИЛЬВА. Да пустяки, лет сорок. А если точно – тридцать восемь. За эти годы ты трижды делал развороты... да такие, что на палубе трещало...

ДАЛЬ. Четырежды!

СИЛЬВА. Был мичманом и лейтенантом. Затем, оставил флот и стал врачом-хирургом...

ДАЛЬ. В Дерите учился вместе с Пироговым. И преуспел. Был послан на войну, и дважды... В Кадетском корпусе портрет мой появился рядом с Павлом Нахимовым...

СИЛЬВА. И вдруг...

ДАЛЬ. Что вдруг? Ах, да... вдруг Даль стал чиновником особых поручений. В Санкт-Петербурге, в Оренбурге, в Нижнем. Теперь вот академиком слышу. Встречался с Пушкиным – святое имя в моей судьбе. Так богу было угодно. Так случилось: он скончался на моих руках...

Пауза.

Сильва наливает в рюмки себе и Далю по несколько капель.

Они пьют молча, ритуально.

СИЛЬВА. Пушкин... Я его знал в Одессе. Я его любил... а он любил графиню Воронцову... Он вел себя по-рыцарски всегда. В том клятвенно сужу...

ДАЛЬ. Я знаю, знаю... и про Воронцову знаю... Трагедия... знакомый голос... крупички не хватает... и как будто вот-вот... нет, не вспомню, хоть убей!

Сильва снова смеется. Даль ему вторит.

СИЛЬВА. Во как состарились, приятель. Два корабля, два брига, с полною оснасткой... а толку?

ДАЛЬ. Годимся лишь на слом?

СИЛЬВА. Не узнаем друг друга... проходим мимо... один в карете едет, другой пешком по тротуару... в дождь, в холод, в грязь... А ведь когда-то... ты Николаев помнишь?

ДАЛЬ. Отлично помню. Там умер мой отец...

СИЛЬВА. Тогда вы оба проиграли. Отец и сын. И с крупным счетом.

ДАЛЬ. Теперь не худо бы задать вопрос потомству. Так что же надо человеку, что б жизнь прожить достойно?

СИЛЬВА. А ничего не надо... Идем по кругу. И возвращаемся на круги... Ничто не пособляет! Как будто мы все еще в пеленках...

ДАЛЬ. Ты не стесняйся... булькай-булькай. Пей, коль душа велит.

СИЛЬВА. Придется мне придти к тебе на помощь. По-братски. Две строчки из Шекспира я прочту. Авось, ты вспомнишь, где, когда, при обстоятельствах каких – услышал их

впервые... Там еще девица была на выданыи... но был суровым ее отец. Он с губернатором, как будто, был на дружеской ноге...

ДАЛЬ. Нет, нет! Губернатор был сам по себе... а Языков сам по себе... (*трет виски*) Смешно, но это так...

СИЛЬВА. Смешного в жизни много. Бывает так смешно, что слезы сами катятся...

ДАЛЬ. Не мешкай! Приглашай Шекспира, пусть войдет...

СИЛЬВА (*декламирует с горячим чувством*). «Камыш приставьте вы к груди Отелло – отступит он... Венеции я послужил... довольно!»

ДАЛЬ (*вскричал*). Сильва! Венецианец! (*срывает с глаз повязку*) Я узнаю... ты Сильва! Федор Александрыч! Порадовал, пришел. Во сне, иль наяву, но ты пришел... явился, мой благодетель... Ну, здравствуй, здравствуй, здравствуй... Обнимаю Сильву, не верю сам себе. С тех пор, как Пушкин написал портрет твой в «Выстреле». Надеюсь, ты читал? Ты Пушкина читал?

СИЛЬВА. Но он назвал меня не Сильва, а Сильвио.

ДАЛЬ. На испанский лад. Быть может убоился тебя обидеть?

СИЛЬВА. В чем?

ДАЛЬ. Да ни в чем... Причуды гения, и только. Вы оба – рыцари.

СИЛЬВА. Не было меня в тот злополучный час... в той северной столице. Я бы этого барона-наглеца пристрелил не глядя, по его усмешке... Короне русской многие служили иностранцы. Витольд Беринг, Барклай де Толли, и многие другие. Преданно, по совести служили.

ДАЛЬ. И Федор Сильва, в том числе?

СИЛЬВА. Да, Федор Сильва, в том числе. И батюшка твой, Иоганнес Даль, рожденный в Датском королевстве. И все мы – в том числе... (*смотрит в окно*). Но ты не замышляй пустое, старик. Свои останки я свезу в Венецию. Там успокоюсь я, на родине.

ДАЛЬ. Тебе виднее, не обессудь... Давай-ка, вспомним Николаев, двадцать третий год. Как это было?

СИЛЬВА. Отлично помню! (*в нем просыпается задор моряка*) С приездом на Черноморский флот, на службу! В заштатный провинциальный город на Ингуле и на Южном Буге. Мичман Даль! (*пьет*)

Затемнение.

Николаев. Частный дом вице-адмирала Н.Л. Языкова. Гостиная. Камин, кресла. Стол накрыт красивой скатертью. Мебель и пейзажи на стенах в золоченых рамах – на английский манер. Альбомы в бархате, с красивыми застешками.

Летний погожий день. Идет Языков, ему под семьдесят, но он еще крепок и деловит.

ЯЗЫКОВ (*тоном приказа*). Мундир со звездами!..

Слышны голоса: – Мундир адмирала!.. Мундир со звездами!..

Идет Языкова. Она на четверть века моложе своего супруга, и продолжает молодиться. С изыском прибрана и причесана, на ней декольтированное платье, а женская походка ее – вышколенная и притягательная.

ЯЗЫКОВА. Мой друг!..

ЯЗЫКОВ. Я вызван во дворец... в штаб... к его превосходительству.

ЯЗЫКОВА. Ты вызван во дворец один... и без супруги? Зачем? Там будет, значит, не обед, не ужин... не бал, не маскарад... А что там будет? Гости из блистательного Петербурга? Сановники?..

Пауза.

ЯЗЫКОВ. Посоветуй, как себя вести?

ЯЗЫКОВА. Молчи – за умного сойдешь.

ЯЗЫКОВ. А если спросит Наш, мне заглянув в глаза? Одной улыбки будет мало...

ЯЗЫКОВА. Думаю, что мало. А ты скажи, да так, чтобы услышали все в штабе... чтобы содрогнулись...

ЯЗЫКОВ. Хриплю. Не в голосе.

ЯЗЫКОВА. Выпей.

ЯЗЫКОВ. Кагору?..

ЯЗЫКОВА. Нет. Пару сырых яичек, и сразу покрепчает... Скажи, да так, чтобы мурашки побежали по членам у господ чиновников. Грейг правит хорошо! Уверенно и твердо! Самобытно! Он адмирал с прекрасными манерами, умен, расчетлив, не завистлив, образован, красив, владеет четырьмя языками, умеет быть дипломатом. И в нашем захолустье нет больше европейца, чем он... Открыл обсерваторию!..

ЯЗЫКОВ. Герой сраженья в Дарданеллах!

ЯЗЫКОВА. Не только. Герой шестнадцати баталий. Хотите, чтобы я вам перечислила?

ЯЗЫКОВ. Не надо!

ЯЗЫКОВА. Могу и перечислить. Чего же вам еще? Влюбился он в еврейку молодую... Так что же? У деда моего женой была лезгинка. И что? От этого он стал глупее? Нет!.. Мне говорят, что я похожа на ассирийку и даже в профиль на Клеопатру Египетскую. Взгляни, похожа в профиль?

ЯЗЫКОВ. Похожа! Очень!

В глубине Мария – с мундиром в руках.

ЯЗЫКОВА. Я ассирийка. Ты это знал?

ЯЗЫКОВ. Впервые слышу...

ЯЗЫКОВА. Попробуй докажи, что я не ассирийка...

ЯЗЫКОВ. Зачем доказывать... я верю, верю. Ты ассирийка от головы до пят, и это у тебя в крови. Я тридцать лет ходил вокруг и думал: а что если моя жена да ассирийка?..

МАРИЯ. Bravo!.. Мундир с иголки... и пахнет морем...

ЯЗЫКОВ. А вот и «тихий омут» появился... проказница моя...

МАРИЯ. Что случилось?..

ЯЗЫКОВ. Ночью ты была бог знает где.

МАРИЯ. В саду гуляла... и бог, конечно, знает, где я была.

ЯЗЫКОВ. Там были офицеры?

МАРИЯ. Да... Мичман Даль читал свои стихи.

ЯЗЫКОВ. И снова мичман Даль. Что он за человек? Чего он хочет от тебя? Зачем он в нашем доме?

МАРИЯ (пожала плечами). Ему со мною весело...

ЯЗЫКОВА. Мне кажется, он... Вам интересно мнение мое?

ЯЗЫКОВ. Да, да... скажи-ка... бухни всю правду, мать.

ЯЗЫКОВА. Нос у него очень хорош! Не велик, но и не мал.

ЯЗЫКОВ. Нос? Превосходно... А кроме носа что там?

ЯЗЫКОВА. А там, мне кажется, он... комически робкий и стыдливый юноша, хотя и был кадетом... задиристый, отчасти.

МАРИЯ. И этим привлекателен весьма! Он из хорошей благовоспитанной семьи. Его маман и братья живут здесь в городе. Любитель музыки, играет на гитаре, поет... и сочиняет стихи и сказки...

ЯЗЫКОВ. Ребенку сказки нравятся? А в доме помнят о том, что...

ЯЗЫКОВА. В доме помнят обо всем, мой друг!

ЯЗЫКОВ. О том, что дочь моя Наталья Николаевна Языкова вышла замуж за Черниговского вице-губернатора?

Даль В.И.

МАРИЯ. Папа, ты намекаешь... Я что-то не кумекаю...

ЯЗЫКОВ (*весело треплет дочь за кудри*). А ты кумекай... научись кумекать... Ты же, как говорится, наливное яблочко... что падает недалеко от яблони... фрак? Подайте мне фрак!..

ЯЗЫКОВА. Прости, но ты просил мундир...

МАРИЯ. Со звездами! (*Языков, отвернувшись, вышел из гостиной*) Что с ним? Он как будто не в своей тарелке. Что случилось?

ЯЗЫКОВА. Вызван во дворец.

МАРИЯ. А что случилось во дворце?..

ЯЗЫКОВ (*возвращается*). Тут ходит анекдот о Грейте и о его возлюбленной... о Юлии... Мария, ты что-то слышала об этом?

МАРИЯ. Я анекдоты не люблю, папа.

ЯЗЫКОВ. Будто по вечерам вдоль стен... крадутся люди, одетые во все черное... и наклеивают на стены... пасквили... стихи-афишки. Об адмирале Грейге, и о ней... о Юлии...

ЯЗЫКОВА. Шалость, идущая от молодых людей! Бравада мальчиков!

ЯЗЫКОВ. Но шалость шалости бывает разнь. С огнем шалить на корабле не следует!

МАРИЯ (*довольно весело*). Я шалости люблю. Вот, например... вас, мама, кто-то из офицеров окрестил Наполеоном.

ЯЗЫКОВА. Меня... Наполеоном? Какая прелесть! Но здесь какая-то ошибка. Супруг, ты как считаешь?

ЯЗЫКОВ. Ошибка крупная. Наполеон тебе в подметки не годится. Особенно, в вопросах тактики. Он проиграл сражение при Ватерлоо, но ты же ни одного сражения не проиграла.

МАРИЯ. О, мама! Ты участвовала в сраженьях? Мне весело! Ты, значит, леди Гамильтон?

ЯЗЫКОВА. И это не так смешно, как кажется на первый взгляд. Да, я леди... во всяком случае, хочу быть леди... И советую тебе стать леди. Да, мне бы хотелось у камина распивать чай... и говорить подолгу о погоде... и даже думать по-английски. И это не зазорно. Запомни, душенька. Мы англичанам многому обязаны. Наш флот учился воевать у англичан... Скажите, ваше высокопревосходительство, я ошибаюсь? Я не права?

ЯЗЫКОВ (*одевает мундир*). Могу лишь подтвердить. В девяносто первом... в сражении при Калиакрии... Я тогда командовал фрегатом «Святой Александр Невский». Мы шли нос-в-нос с врагом, с турецким бригам... Тут я скомандовал: «На абордаж!». Ты как считаешь, где стояла мама?

МАРИЯ. А где она могла стоять? В своей усадьбе. Гуляла по тропинкам сада и щелкала орешки...

ЯЗЫКОВ. Так я тебе скажу: она стояла рядом. Ее душа и сердце были рядом. Со мною. На капитанском мостике.

ЯЗЫКОВА. Вот так, сударыня! Так было в наше время...

ЯЗЫКОВ. В бою у Голой пристани и на Лимане... в проливе у Керчи, у Гаджибея... Где находилась наша ассирийка? (*целует супругу*)

ЯЗЫКОВА. Всегда с тобою, на капитанском мостике! Ты все же выпей, умоляю, парочку яичек... чтоб голос у тебя крепчал.

Языков небрежно отдает честь и уходит.

МАРИЯ (*весела и вальсирует*). Вальтер Скотт, вы где? Иль, на худой конец, Дюма – тот, что написал «Трех мушкетеров»... вы где? Я приглашаю вас, как летописцев, в наш дом... целуйте ручки, кавалеры. (*кружится у зеркала, куражится, играет*)

ЯЗЫКОВА (*проводив мужа, идет*). Ребенок, что с тобою?

МАРИЯ. Так... сюжет один пригрезился... романс или роман... И в стиле рококо!

ЯЗЫКОВА. Что значит рококо?

МАРИЯ. А это значит рококо... Это, когда курица рокочет, кудахчет, рококочет... и мусор под себя гребет, (*кружится*)

ЯЗЫКОВА. У нас в семействе рококо не значит. И в табели о рангах его как будто тоже нет.

МАРИЯ. Но я заметила изъян у нас в семействе!

ЯЗЫКОВА. Когда заметила?

МАРИЯ. Сейчас... вот только что...

ЯЗЫКОВА (*властно*). В семействе адмирала Языкова изъяна нет и быть не может!

МАРИЯ. Но я заметила... О, нет! Тут нужен гобелен, в глубоких сочных красках! Сюжет из жизни офицеров флота. В центре в величественной позе, с подзорною трубой в руках, сам губернатор – адмирал. Красив, как бог! И неприступен, как скала... А рядом Юлия – нежнейшее и хрупкое создание, с надломленной фигуркой. Миледи, с лицом мадонны. Сейчас ей двадцать лет. Она приехала к нам в Николаев так... как будто по делам торговли. Продавала лес мачтовый для кораблей. И свиделись! И приглянулась дева адмиралу!

ЯЗЫКОВА (*ей в тон*). И колокол ударил, возвестив о том, что губернатор наш влюбился. Чем плохо?

МАРИЯ. Очень хорошо! Морские офицеры наперебой в тревоге кинулись служить и угождать. Подносчики букетов из алых роз и незабудок – на коленях ползают... А дни идут, жизнь не стоит на месте. И наша кошечка берет в свои кошачьи лапки все судьбы в городе.

ЯЗЫКОВА (*резко*). А ну-ка, помолчи! Эх, кудахватила! Не клевети на Юлию... и не

завидууй!

МАРИЯ. Я не завижду...

ЯЗЫКОВА. Завидуешь! (*задергивает оконные портьеры*)

МАРИЯ. Молчу. (*идет*) А верно ли, что Наполеон Европу всю держал под каблуком?

ЯЗЫКОВА. Да, верно.

МАРИЯ. А верно ли...

ЯЗЫКОВА (*перебивая*). Нет, не верно! Все, что ты думаешь сейчас – не верно... А кстати, о чем ты думаешь сейчас?

МАРИЯ (*молитвенно сложила руки*). Про женский монастырь. Про келью. Хочу уйти от жизни в монастырь. (*уходит в свою комнату*)

ЯЗЫКОВА (*одна*). Какая прелесть! Она безумно любит мичмана, но хочет скрыть. А скрыть ей не удастся... (*у зеркала*) Вот так, ваше величество Наполеон! Но при чем здесь Наполеон, хотела бы я знать? (*прислушалась к голосам у крыльца*) А вот и гости... Ну, хорошо, сударыня, сейчас мы выясним, кто здесь Наполеон, и с кем ему сражаться предстоит.

Входят командор Сильва и мичман Даль. Они с цветами и гитарой.

СИЛЬВА. Позвольте, на почин? (*играет и поет*):

«Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.
Когда легковерен и молод я был –
Младую гречанку я страстно любил...»

ЯЗЫКОВА. Слова звучат так обольстительно.. Кто написал их?

СИЛЬВА. Пушкин, Александр Сергеевич...

ЯЗЫКОВА. И так опасно воспаляют...

СИЛЬВА. Вас, сударыня?

ЯЗЫКОВА. Нет, кровь мою... Ах, кавалеры, вы точно с облаков свалились. Подать вам трубки?

СИЛЬВА. Не откажусь! (*напевает*) Не откажусь, не откажусь...

ЯЗЫКОВА. Как благоразумная и чадолюбивая мать, я не стесняю дочь, но... женщина в корсете должна быть обязательно!

СИЛЬВА. Мне лично корсеты не помеха...

ЯЗЫКОВА. Но вы же исключенье... итальянец. Повеса и сердцеед!

СИЛЬВА. Я понял. Правь по компасу и не сбивайся с румба!

ЯЗЫКОВА. Мой долг: принять гостей, и накормить... и приманить. И, если нужно, станцевать мазурку... Владимир Даль?

ДАЛЬ. Ась?

ЯЗЫКОВА. Чем потчевать прикажете, мой государь?

ДАЛЬ. Хотел бы Машеньку увидеть.

ЯЗЫКОВА. Сейчас я позову... (*зовет*) Мария, вас ждут!.. Ах, она еще так молода и так невинна... Про вас смешное говорят, мой государь!

ДАЛЬ. Смешное? Вот как?

ЯЗЫКОВА. Будто поцеловав девушку, вы убегаете... и пишете стихи.

Даль, смутившись, взял в руки альбом

Цензуры в доме нет! В альбоме можете писать любую гадость... Командор, вы как сегодня?

СИЛЬВА. Так же, как вчера.

ЯЗЫКОВА. Хотите рюмочку муската пропустить? Из подвала графа Воронцова. (*и тут же вытывает сама*) Не яд.

СИЛЬВА. С прискорбием, я графа не люблю. Он желчен и пузырь. Но рюмку...
ЯЗЫКОВА. Я так и думала. Берите сыр, изюм, печенье. Теперь вы видите, как дороги у нас сегодня женихи.
СИЛЬВА. А что, неурожай на них?
ЯЗЫКОВА. Естественно. Вы что там пишете, Володичка?
ДАЛЬ. Да так... вы слово вкусное произнесли.
СИЛЬВА. Скажу вам по секрету... Наш мичман похудел и заболел. Он собирает пословицы и поговорки, и складывает в кучу. Но я не верю! На самом деле он крупички золота в коробочку кладет и прячет.
ЯЗЫКОВА. Он что же, скопидом?
СИЛЬВА. И часто врет... так врет, как будто правду говорит.
ЯЗЫКОВА. Да он безумец! Володичка, а что такое пословица?
ДАЛЬ. Коротенькая притча.
ЯЗЫКОВА. Например?
ДАЛЬ. Муж пьет – полдома горит, жена пьет – весь дом горит.
ЯЗЫКОВА. Какая прелесть! А еще?
ДАЛЬ. Искал коня, а сам на нем сидит.
ЯЗЫКОВА. Еще?
ДАЛЬ. Не узнавай друга в три дня – узнавай в три года.
ЯЗЫКОВА. То-то вы ходите вокруг Машеньки второй год... А если без пословиц, напрямик? Правда ли, сударь, что вы любите мою дочь?
СИЛЬВА. Соврет! Ну, мичман... вы на эшафоте. Пред вами будущая теща. И врать нельзя.
ДАЛЬ. Искренняя правда, сударыня.
ЯЗЫКОВА. И вы этого не стыдитесь?
ДАЛЬ. Я этим горжусь!
СИЛЬВА. Он этим гордится. Придется выпить. (*пьет*)
ЯЗЫКОВА. И как вы ее находите, мою дочь? Суха и монотонна? Слезлива? Звонкий ветерок?
ДАЛЬ. Божественна! Машенька – это шедевр, сделанный из живой плоти по античным образцам.
МАРИЯ (*слышен ее голос*). Эй, сплетники! А ну-ка, прикусите языки!
ДАЛЬ (*шепчет*). Я не стою и мизинца ее.
СИЛЬВА. Представьте, он даже мизинца ее не стоит. Романтик. Спасибо, мичман, ты не подвел меня. За это надо выпить. (*пьет*)

Вышла Мария – она в костюме гусарского офицера и ведет себя по-гусарски.

МАРИЯ (*с напускным гневом*). Эй, выпивохи! Кто из вас здесь старший?
СИЛЬВА. Гусар? Какая встреча! Какое счастье! Я должен вас облобызать?
МАРИЯ. Не торопитесь, сударь... Здесь сердце занято!
СИЛЬВА. О, ваше благородие. Под чьей командою изволите служить?
МАРИЯ (*приложив руку*). Поручик Языковский Феофан! Девятый гродненский гусарский полк. Идем без поражений.
СИЛЬВА. Позвольте вам представить друга. Мичман Даль. Он плавает на «Флоре». Вы не знакомы?
ДАЛЬ. Где-то с улыбкой этой я встречался.
МАРИЯ. Не в Зимнем ли дворце у государя?
ДАЛЬ. У государя? Наверяд.
МАРИЯ. Да, господа... вы слышали? Вчера в усадьбе князя... на жеребце... поднялся я на второй этаж... по лестнице... Там в зале были танцы. Бал. Именины чьи-то... Услышав музыку, мой конь затанцевал. А дамы и кавалеры все в испуге стали выпрыгивать из окон. Веселая история, не правда ли?

ЯЗЫКОВА. А главное, правдивая...

МАРИЯ. Вы, мичман, как в седле? Не упадете? Вас не тошнит? Я, признаться, хочу вас пригласить на randevu.

ДАЛЬ. С великим удовольствием! Я счастлив!

МАРИЯ. Сударыня, позвольте на мазурку. Два-три колена. Уж очень вы годитесь для мазурки.

ЯЗЫКОВА. О, сударь. Боюсь я оконфузиться.

МАРИЯ. О, леди, не надо бояться! Вы слишком опытны для этого. Смелее действуйте, и тверже, неподкупней!

Мария и Языкова танцуют мазурку.

СИЛЬВА. Блестяще! Шик! Варшава и Париж вам бурно аплодируют! За это надо выпить? *(пьет. Даль и Мария убегают. Языкова опасно поглядывает на подвыпившего Сильву)*

Гликерия Николаевна, вот я... смотрю на вас... Я должен вам сказать, Гликерия Николаевна... Я хочу вам сказать, я должен вам сказать...

ЯЗЫКОВА. Федичка, не надо! Не надо полыхать... У меня взрослые дочери...

СИЛЬВА. Я тоже... взрослый мужчина...

ЯЗЫКОВА. У нас, у женщин светского общества, все сводится к одному: упасть или не упасть.

СИЛЬВА. Упасть!

ЯЗЫКОВА. Не надо! Ведь есть же сад души...

СИЛЬВА. В саду... удобнее всего упасть. Там земляникой пахнет.

ЯЗЫКОВА. Федичка, ты перебрал сегодня... милый...

СИЛЬВА. Не имеет значения... Гликерия Николаевна, я видел вас в белом, в кружевном!

ЯЗЫКОВА. Где?

СИЛЬВА. В дворянском собрании. Ах, как вы танцевали тогда... О, Магдалина, как ты прелестно хороша! Вы были в белом!..

ЯЗЫКОВА. Успокойтесь, дайте мне вздохнуть... Вы выпили? Я тоже выпью. *(пьет)*

СИЛЬВА. Я боялся вас запачкать... потому что вы были в белом. Неотразимы! А я был в черном! *(обнимает)*

ЯЗЫКОВА. Это не мужчина, а смерч какой-то! Везувий огнедышащий! Растрепал мне волосы... Вы плохо гребете, потому что гребете в одиночку. Дайте-ка, я сяду на весла!

СИЛЬВА. Сударыня, окажите честь! Вот здесь корма, здесь носовая часть... Пльвем, сударыня?

ЯЗЫКОВА. Ну, хорошо... я поцелую вас... но только тише, тише.

СИЛЬВА. Клянусь полночной звездой... я буду петь неаполитанские песни под вашим белым балконом... потому что вы были в белом, а я...

В глубине появился адмирал Языков. Он бесстрастно наблюдает за тем, как Сильва обольщает его супругу. Сильва не сразу, но тоже замечает его.

...Вы были в белом, но... появился он...

ЯЗЫКОВА. Кто?

СИЛЬВА. Ваш муж... Ледник с Северного полюса... Теперь начнется великое оледенение... белое безмолвие...

ЯЗЫКОВ *(он подходит ближе)*. Что это значит?..

ЯЗЫКОВА *(не моргнув глазом)*. Репетиция. Шекспир. У них на корабле хор певчих образован по приказу адмирала Грейга... а это... вот это...

СИЛЬВА. «Отелло». Четвертый акт. Позвольте продолжать, ваше превосходительство?

ЯЗЫКОВ. Нельзя ли сразу перейти к финалу?

ГЛАВНЫЙ КОМАНДИРЪ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА
И ПОРТОВЪ, ВИЦЕ-АДМИРАЛЪ
Н. Л. ЯЗЫКОВЪ.

СИЛЬВА. Финал ужасен! Дездемона задушена... лежит, не дышит. Безысходность. Траур. Отелло узнает, что он обманут, что он глупец... и женщину убил по наущенью Яго...
Вернулись Даль и Мария.

И тогда Отелло судит сам себя. *(он «вынимает» воображаемый меч)*

«Венеции я послужил... довольно! Я прошу вас: в донесеньи, когда напишете об этих бедах – сказать кто я... ничто не ослабляя, не множа злобно. Вы должны сказать о том, кто не умно любил, но сильно. Кто к ревности не склонен был, но, вспыхнув, шел до предела... Все скажите. Прибавьте только это... Раз в Алеппо в чалме злой турок бил венецианца и поносил республику. Схватил за горло я обрезанного пса, и поразил его... Вот так! *(он «убивает» себя)*

Даль и Мария, и Языкова – горячо аплодируют незаурядному актерскому дарованию Сильвы. Адмирал молчит. Он долго не двигается, затем, идет к окну, и снова молчит.

ЯЗЫКОВ. Русский человек на трех сваях стоит: авось, небось, да как-нибудь. Похоже, мичман, вы также рассудили. Авось, проскочит. Мы посмеемся над Грейгом – и проскочит. Ан не проскочило. (*молчит*) Адмирал Грейг столь велик, что рядом с ним вас трудно разглядеть. (*молчит, но и Владимир Даль тоже молчит. Языков подходит к нему почти вплотную*) Ты захлестнул узел, да не затянул. А у его превосходительства, у Алексея Самуиловича, руки опытные, крепкие. Он и морской узел турецкий развязывал, а иногда разрубал. Он этот ваш узелок легко развязал. Так что отвертеться вам от своего пасквиля, тем более спрятаться за спиной старого служаки, каковым я представляюсь вам – никак не придется.

ДАЛЬ. Ваше превосходительство, я не могу отвечать на вашу ярость и ненависть с такой же яростью и ненавистью. Не знаю, может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, надо любить людей намного больше, чем вы любите... и немного меньше себя...

ЯЗЫКОВ (*снова помолчал*). Когда-то я командовал отнюдь не худшими кораблями Черноморского флота. Чем вы недовольны? Администрация флота состоит из мошенников и казнокрадов... но об этом известно государю... И что за гибельная страсть: сочинять фиоритуры... шарады, эпиграммы, эпистолы-пасквили, и всякие двусмыслицы... Зачем вам это, офицер русского флота?

ДАЛЬ. Я не сочинял. Сочиняли другие...

ЯЗЫКОВ. Кто?

ДАЛЬ (*не ответил*). Сегодня часто добросовестность и справедливость идут в ссылку, а беззаконие торжествует.

ЯЗЫКОВ. Хорошая мысль! Так ведь это люди... а люди они люди. И государственные мужи, и чины, и чиновники – тоже все люди. С какого конца посмотреть. Взгляните на людей с одного конца, с известной точки: все негодяи, все животные, все подлецы... а посмотрите на них с другого конца: люди как люди, а иные даже очень порядочные... Наши девицы все ундины: все милы, все любезны, потому что они девицы. Распутными женщинами они становятся позже...

ЯЗЫКОВА. Так что же там произошло, мой друг?

ЯЗЫКОВ. Где?

ЯЗЫКОВА. В штабе... Я так люблю ее...

ЯЗЫКОВ. Кого?

ЯЗЫКОВА. Юлию... Такая видна я особа... и судьба такая... Ну, буквально страдания молодой княжны... Куда не сядет – ровно в свои сани села. Ровно в княжестве и родилась. Воображение у нее такое живое, пылкое... взгляд искрометный, до иступления. А груди такие маленькие, буквально крошечные, как чашечки...

МАРИЯ (*с иронией*). Так и хочется на них смотреть, и чаю выкушать.

ЯЗЫКОВА. Вам бы, молодым, только смеяться! В гусары она вырядилась. Что хочешь ты сказать своим гусаром?

МАРИЯ. Только одно: я счастлива, потому что меня обожает мичман Даль.

ЯЗЫКОВА (*краснеет и бледнеет*). О таких вещах можно думать, но не говорить, девушка!

ЯЗЫКОВ (*помолчав*). Когда я прочел пасквиль на Грейга, и на его любовницу-жену... то был смущен... У господ офицеров лицо вытянулось аж по шестую пуговицу.

МАРИЯ. Как это... по шестую пуговицу?

ЯЗЫКОВ. Вытянулось... от негодования. Хотя прямых улик как будто нет, но мичман Даль в серьезном подозрении. Ваша судьба сейчас висит на волоске...

МАРИЯ. Так что же делать, папа? Надо что-то предпринять?

ЯЗЫКОВ. Сильва, до сих пор я знал вас отчетисто – как опытного и дельного офицера. Претензий к вам не имею. Можете брэнчать на гитаре...

ДАЛЬ. Маша, до свиданья... прости... К несчастью, все оказалось слишком просто...

ЯЗЫКОВ. Иная простота...

ДАЛЬ. ...хуже воровства? Я знаю... С моим отцом был случай в Гатчине. Он служил там доктором у великого князя Павла, будущего императора. Однажды Павел в ярости накричал на одного майора, да так, что тот снопом свалился с лошади. Назавтра отец зарядил два пистолета и с ними пошел к Павлу во дворец, на службу. Если бы на него так накричали, то он пустил бы пистолеты в дело. Честь имею!

ЯЗЫКОВ. Желаю здравствовать!

СИЛЬВА. Я тоже пойду... честь имею!

Даль и Сильва уходят.

ЯЗЫКОВ (немного помолчал). Молодец!..

ЯЗЫКОВА. Кто?

ЯЗЫКОВ. Мичман Даль. Удивительно светел юноша. Мне впервые понравился.

МАРИЯ. Но вы же прогнали его, отец?

ЯЗЫКОВ. Прогнал... за дело. Он получил взбучку от меня. Урок. Поелику ему предстоит взбучка от самого Грейга... Я был таким же в молодые годы. Бывало, эх... встал, встряхнулся, умылся, помолился, оделся – и вот тебе моряк для службы царю и отечеству. И стоит он перед тобой, перед службой, как лист перед травой!

МАРИЯ. Теперь посоветуй, что мне делать?

ЯЗЫКОВ. Не знаю. А может, и знаю, да не скажу... Поступай, как сердце тебе подсказывает. Во всяком случае, ты делай хорошо... а плохо само получится. (*уходит в покои*)

Затемнение.

Прошло несколько дней. Мария – с книгой в руках. Идет Языков.

ЯЗЫКОВ. Дочь, здравствуй?

МАРИЯ. Здравствуй, папа!..

ЯЗЫКОВ. Сегодня ужинаем кистью винограда...

МАРИЯ. Не надо виноградом меня подслащивать. Я в комнате моей, как в осажденной крепости, сижу... и принимаю вести с поля боя. Что в городе?

ЯЗЫКОВ. Как прежде. Улицы прямые. Небо, вода, воздух, ласточки, и чайки... да пыли много. Пыли очень много...

МАРИЯ. Сегодня в городе на гауптвахте был суд. Судили... вызнаете кого... Владимира Ивановича Даля. Расскажи мне все, о чем ты знаешь.

ЯЗЫКОВ (*немного помолчал*). Ты почему не снимешь свой мундир?

МАРИЯ. В нем удобнее кому-то влечь пощечину. Уж больно руки чешутся.

ЯЗЫКОВ. Кому?

МАРИЯ. Еще не знаю... полицмейстеру, исправнику... Во мне проснулась такая энергия, которую я даже не подозревала в себе. Душа взрывается, горит и протестует.

ЯЗЫКОВ. Я полагаю, Машенька, что женщина – невеста, девушка, молодка – должна остаться женственной. Ее краса и сила в этом. А мундиры пусть носят мужики.

МАРИЯ. Ты полагаешь, потому что сам старик.

ЯЗЫКОВ (*задетый*). Ошибаешься, мой друг, думая, что в старости всё идет на убыль. Наоборот, я поднимаюсь в гору... кое в чем.

МАРИЯ. Ты – в гору? Рассмешил... А ну-ка, подойди к окну... мой милый добрый папа. Что видишь там?

ЯЗЫКОВ (*смотрит*). А кто там на качелях развлекается? Какой-то озорник с соседней улицы? Племянница приехала с Херсона? Ты почему молчишь? Кто там в саду? Я плохо вижу... лиловое пятно, и все. Ты видишь лучше, посмотри...

МАРИЯ. Не надо мне смотреть – я знаю кто там...

ЯЗЫКОВ. Кто?

МАРИЯ. И ты великолепно знаешь. Там наша мама. Она на четверть века тебя моложе. Теперь взлетает на качелях. Молодится. Визжит, беснуется. С тех пор, как Сильва стал бывать у нас – она не ходит, а летает. Четыре платья поменяла за день... По видимости, сегодня будет гость. Сам дон Жуан.

ЯЗЫКОВ (*без особого расстройтва*). В каком часу?

МАРИЯ. Не знаю... может, в полночь.

ЯЗЫКОВ. Я не гожусь для роли Командора.

МАРИЯ. Вот видишь... ты не годишься. Очень жаль!

ЯЗЫКОВ (*с иронией*). Он монолог Шекспира прочитал, теперь Мольера прочитает. Комедию. Я не гожусь для роли Командора!

МАРИЯ. Я знаю, папа, в жизни есть только одно счастье: любить и быть любимой! Я бы хотела на свиданье к нему, к Володе, пойти, как на премьеру... на праздник...

ЯЗЫКОВ. Да я не спорю... вот только неба романтического нет на земле. На земле есть земля. И это тоже правда. Все относительно, мой друг.

МАРИЯ. Рассказывай!

ЯЗЫКОВ. Четыре дня тому назад Грейг отдал приказанье во время захода брига «Мингрелия» в Севастополь – арестовать мичмана Даля. Арестовали и препроводили сюда. Сегодня утром Даль предстал перед военным судом. Слушалось дело 28-го флотского экипажа... «О мичмане Дале – сочинителе пасквилей».

МАРИЯ. Известен приговор?

ЯЗЫКОВ. Его, конечно, продиктовал сам Грейг. «Лишить чина и записать в матросы на шесть месяцев».

Пауза.

МАРИЯ. Ужасно! Змейка укусила, и ядовито... не пощадила... Ведь на руках у Володи семья отца. Мать, бабушка, брат Карл и Павел, братишка маленький... Могу я встретиться с Володей на гауптвахте?

ЯЗЫКОВ. Можешь... но через четверть часа эта новость в виде доклада будет на столе у Грейга... у Юлии...

МАРИЯ. Могу я просто к гауптвахте подойти?

ЯЗЫКОВ. Зачем? Его судьба решаться будет там, в Главном штабе, в Петербурге.

МАРИЯ (*подошла к окну*). Папа! Иди сюда... скорей, скорей!

ЯЗЫКОВ. Я плохо вижу...

МАРИЯ. Наш Сильва тут как тут – целует руку нашей маме. О, сколько выпренности, неги, такта... Ну, Казанова! А это что такое? Она ему передает какой-то свиток... показывает на балкон. Жеманится... и оба скалят зубы. Он свиток прячет за обшлаг мундира. Обмен любезностями... Поцелуй руки... Он в дом идет... К тебе?

ЯЗЫКОВ. Меня нет дома! Я как уехал во дворец, так еще и не воротился. (*исчезает*)

Короткий стук и голос Сильвы

СИЛЬВА. Мария, позвольте видеть вас?..

МАРИЯ. Да, да... войдите...

СИЛЬВА (*входя*). Поклон вам от Владимира.

МАРИЯ. Спасибо. Как он чувствует себя в тюрьме?

Адмирал А.С. Грейг

СИЛЬВА. Соответственно. Был суд.

МАРИЯ. Я знаю... Садитесь. Чаю выпьете?

СИЛЬВА. Нет, благодарю. Я только на минуту. Как чувствует себя Николай Львович?

МАРИЯ. По-стариковски. Могу я через вас послать письмо Володе?

СИЛЬВА. Ну, разумеется. Он помнит вас, он любит вас. Он будет рад письму.

МАРИЯ. Сейчас я позову отца... Николай Львович?

ЯЗЫКОВ (*его голос*). Я же сказал, меня нет дома.

МАРИЯ. Но здесь особый случай. Ты только посмотри, кто в гости к нам пришел. (*сама уходит*)

ЯЗЫКОВ (*идет*). Я как уехал во дворец, так еще и не воротился. А-а, командор?! Рад видеть вас благополучным... Сегодня много говорят о праве – ни слова об обязанностях. А ведь давно ли: оставьте даму без танца, и вы будете наказаны...

СИЛЬВА. Да, так... Вы что-то сгорбились, ваше высокопревосходительство?

ЯЗЫКОВ. Поясница мне плохо служит. Скоро окочурюсь... наследникам на радость...

СИЛЬВА. Ну, что вы, что вы, что вы... Вам бы выехать на воды, подлечиться. На месяц, два... В Пятигорске, говорят, отлично лечат поясницу.

ЯЗЫКОВ. Очень может быть! Садитесь... где угодно...

СИЛЬВА. Ну, что за церемонии между людьми мыслящими!

ЯЗЫКОВ. Вы хорошо сказали – я оттолкнусь от ваших слов. Без церемоний! Вам донесение супруга передала? Там есть неточности. Дайте-ка, я там поправлю в одном столбце.

СИЛЬВА. Не понимаю... какое донесенье?

ЯЗЫКОВ. Командор! Мы оба моряки и знаем шторм. И как себя вести во время шторма – тоже знаем. Не мельтешились! На Мальте, помните, историю с цыганкой? Я спас вас от позора на весь мир. А в Гибралтаре? *(тоном приказа)* Дайте мне донесенье!

СИЛЬВА. Пожалте! *(передает свиток Языкову)* Языков идет к маленькому столику, достает лупу, разворачивает свиток.

ЯЗЫКОВ. Итак, что видим мы? Чертеж. Искусно сделан. План дома моего. Балкон... и контуры шести комнат второго этажа. И будуар моей супруги. Отмечен крестиком... понятно... Еще тут есть записка... «Я рыцаря увижу на балконе... на веслах буду я... *(поднял голову)* «На веслах буду я» – что это значит?.. *(вновь читает)* ...в мантилье... ваш любимый белый цвет. Мемоза... Прекрасная завязка новейшего романа... *(смотрит на Сильву)* Так чем же я могу помочь вам, ваше благородие? Тут под балконом растет рябина. Вот по рябине если, этак в полночь. Боятся вам не следует – я буду крепко спать. Можете стрелять из пушки – не услышу. Разве что пожар... Но вы же не допустите пожара всей усадьбы? Вы же по природе своей рыцарь?! *(смеется)*

СИЛЬВА *(конфузливо)*. Конечно, рыцарь... Могу лишь допустить дуэль... но... в вашем возрасте и в вашем чине... дуэль? Немыслимо!

ЯЗЫКОВ. Дуэль меж нами? Ну, что за глупости. К тому же, в роду у Языковых никто не дрался на дуэли. С обидчиком жены иначе поступали.

СИЛЬВА. А это как же?

Оба продолжают смеяться.

ЯЗЫКОВ. Оглоблей били... до смерти... с устатку...

Сильва пятится и быстро уходит.

Сразу же появилась Языкова – она, конечно, подслушивала.

Гликерия, иди сюда поближе... Да ты не бойся, не смотри туда – он больше не придет... Твой план хорош!.. я рассмотрел его... Задумано не дурно. По наполеоновски. Страдает только разработка плана...

ЯЗЫКОВА *(прячет стыдливо глаза в шаль)*. Один бог без греха.

ЯЗЫКОВ. Гликерия, сядь в кресло... маскарад закончен.

ЯЗЫКОВА. Какая прелесть! Но здесь я виновата и безвинна. Ты должен это знать! *(кладет свою руку на его плечо)*

Затемнение.

Городской бульвар. Слышен духовой оркестр. К Далю быстро подходит Сильва.

СИЛЬВА. Ты здесь?

ДАЛЬ. Прощаюсь. Теперь все позади. В Кронштадте встретимся.

СИЛЬВА. Ты не жалеешь. Жалеть тут не о чем.

ДАЛЬ. Как это, не о чем жалеть?! (они идут, молчат) Скажи, а что там в Венеции сейчас?

СИЛЬВА. В Венеции?

ДАЛЬ. Да. Что в Петербурге – мне известно... а что в Венеции?

СИЛЬВА. А-а... там в Венеции у власти венецианский дож. Какой-нибудь там Олух 3-й, или Казимир XV.

ДАЛЬ. Дурак?

СИЛЬВА. Возможно.

ДАЛЬ. А умным, проницательным... он может быть?

СИЛЬВА. Возможно.

Супруга адмирала Юлия Михайловна Грейг. С натуры рисовал Молдавский около 1830 г.

ДАЛЬ. Вот видишь, всё возможно. На этом свете всё возможно. И только мне, Володе Дально, невозможно остаться в городе на берегу Ингула. Я вынужден отчалить на север, в Кронштадт.

СИЛЬВА. Потому что «сова» будет сторожить тебя с высоты своей башни... если ты позволишь себе остаться на берегу Ингула.

ДАЛЬ. Он сделал из меня козла... а Петербург прислал мне эполеты лейтенанта. Это как же так, ваше высокопревосходительство? Пассаж выходит – в пику вам?

СИЛЬВА. Играем судьбами, не более того?

ДАЛЬ. И Петербург играет?

СИЛЬВА. По-столичному изящно. Там есть картежники почище Грейга...

Пауза. Они продолжают идти.

Попробуем спросить. А что мы потеряли?

ДАЛЬ. Где?

СИЛЬВА. Здесь на юге... что мы потеряли?

ДАЛЬ. Дом вице-адмирала Языкова я теряю. Пристанище души... уют, тепло... и бриллиант живой воды Марию. И сам старик... Ты как его считаешь?

СИЛЬВА. Ядрено-орехового цвета.

ДАЛЬ. Ой, не скажи, – он человек.

СИЛЬВА. Он солдафон!

ДАЛЬ. Тогда я тоже солдафон...

СИЛЬВА (*смеется*). Кто, ты?

ДАЛЬ. Люблю порядок. Точность. Соразмерность. Правду, поиск, труд. Ведь что такое собирать слова-поговорки? Ведь это труд на годы, на десятки лет... ему конца не будет. Иное слово сказано бог знает где... в Архангельске, на Клязьме... на пасеке под Костромой, иль под Воронежем... Матрос привез его оттуда, а я его услышал-записал... и думаю над ним. Мне и не снится быть зодчим, даже каменщиком – лишь подносчиком... чтоб выстроить дворец... великий – видный отовсюду в Европе. Дворец под именем «Богатство русской речи»!

СИЛЬВА. Да, мудрости тебе не занимать, Владимир Даль. Что потеряли мы еще?

ДАЛЬ. Друзей! Тебя... Ефима Зайцевского – поэта... Кнорре – астронома... Трех братьев-украинцев Рогулей... Егора Зонтага... И прапорщика Федора Петрова, с которым мы охотились на лис... на Кинбурнской косе... весельчака и балагура. Я многих здесь теряю. (*всмотрелся*) Сюда идет Мария!

Появилась Мария. Она как будто удивлена тем, что видит здесь

Даля и Сильву. Она в вечернем платье и с летним зонтиком в руках.

СИЛЬВА (*бросился к ней*). Маша! Переживаете его отъезд?

МАРИЯ (*несколько растерянно*). Да... в общем, да... Во мне бушует два человека: один смеется над собой... другой и молится и плачет...

СИЛЬВА. Могу я высказать два слова в утешенье... для того, который плачет?

МАРИЯ. Скажите.

СИЛЬВА. Вчера случайно я прочитал отчет-бумагу для Петербурга. Некий николаевский статистик, чиновник и ассессор по имени Пантыкин в графе отчета «Нравственность» ответил так: «Поелику оной нравственности в городе не оказалось, то дело отнесено к исправнику Новороссийского края – не окажется ли таковой в крае». И подпись с таким нажимом: «Семен Пантыкин»... Правда, хорошо?

МАРИЯ (*улыбнувшись*). Владимир, вы не бойтесь, если вы нас покинете... – то я женой Пантыкина вдруг стану?

ДАЛЬ. Нет, не боюсь.

СИЛЬВА. Бойтесь!..

МАРИЯ. Не бойтесь. Этого не будет.

СИЛЬВА. Послушайте, хорошие мои вы люди... Не будьте столь жестокими к себе. Любите друг друга, не теряйте времени, пользуйтесь жизнью, глупые... И виват Пантыкину! (*он быстро уходит*)

Мария и Даль остались одни.

ДАЛЬ. Так... значит, вы не выйдете замуж за Пантыкина?

МАРИЯ (*нервно смеется*). Нет... Сама мысль для меня о Пантыкине невыносима.

Пауза. Они идут.

Я хотела еще раз повидать вас, понимая, что всё рухнет... и мы больше никогда не увидимся. Мало-помалу я буду отдаляться от вас... но никогда не забуду...

Пауза. Они идут.

ДАЛЬ. В иные минуты я чувствую себя, как мальчишка, разоривший птичье гнездо... Происшествие это наделало много шума и толков. Да я сам дал им розги, чтобы меня высекли...(пауза) Мне нравилось быть в вашем доме... и видеть вас, Маша. Я счастлив, что вы есть, вот такая Мария Николаевна Языкова.

МАРИЯ. Я тоже счастлива, и сама не ведаю почему и отчего... Дело вот в чем: у нас в доме всегда были свои причуды, странности... И мама моя... она добрая, но рывками... У нее бывает семь пятниц на неделе. Сейчас она смеется над нами: «по губам стекло, а в рот не попало...»

ДАЛЬ (угрюмо). Попало! Всё попало!

МАРИЯ. Мама говорит: у Володи нет жизненного опыта, и он не сможет обеспечить семью... но опять же вопрос. А что такое жизненный опыт? Всегда ли он делает человека человеком? Ведь каждый человек создает свою мораль... Верно?

ДАЛЬ (мягко). Да, конечно...

МАРИЯ. Во время вечерней молитвы слезы душат меня... Я понимаю, сколь же не совершенна жизнь вокруг... но я верю в хороших людей, и не собираюсь жить в затворе... Впредь я буду защищать ваше имя, Владимир Даль. Вы для меня были и остаетесь открытым человеком... правдивым, сильным, добрым, мягким, благородным, милым... великим и забавным, чудесным и цельным... Я хочу любить вас всегда... и буду любить... даже если не буду вас видеть...

ДАЛЬ (он до слез взволнован). Я, право, не знаю... Мария Николаевна... Машенька... как же теперь это поправить?

МАРИЯ. А поправлять ничего не надо. (смотрит ему в глаза) Для меня любовь – это непрерывное обожание, рабское служение и готовность к любой жертве... На днях вы будете в Кронштадте... Здоровья вам... (целует его лицо) Одному богу известно... Вот так бы обняла вас и не отпускала бы из рук... никогда. (быстро уходит)

ДАЛЬ (оставшись один, клятвенно шепчет про себя, для себя). Всё бытие мое принадлежит Марии...

Отдаленно и грустно звучит духовой оркестр.

Николай Троянов, август 2001 г.

* * *

Пьесы Н.А. Троянова

1. Кассандра и Кретин: комедия из античных времен в двух частях // Троянов, Н.А. Три пьесы / Н.А. Троянов, худ. Я. Иванова. – Николаев: Изд-во НФ НаУКМА, 2000. – С. 113-160.
2. Магда: драматическая история в двух частях // Троянов, Н.А. Три пьесы / Н.А. Троянов, худ. Я. Иванова. – Николаев: Изд-во НФ НаУКМА, 2000. – С. 7-61.
3. Макаров и Верещагин: сцены, в одном действии // Троянов, Н.А. Европейцы (четыре пьесы) / Н.А. Троянов. – Николаев: ЧП Гудым И.А., 2004. – С. 92-118; // Освітнянські вітрила: гуманітарний альманах. Вип.2. – Миколаїв: МДУ ім. В.О. Сухомлинського, 2004. – С.198-228.

4. Мичман Даль: трагикомедия в одном действии с прологом // Троянов Н.А. Исторические силуэты (три пьесы) / Н.А. Троянов. – Николаев: Возможности Киммерии, 2001. – С.47-67; // Освітнянські вітрила: гуманітарн-ий альманах. Вип. 3-4. – Миколаїв: МДУ ім. В.О. Сухомлинського, 2005-2006. – С. 246-262.
5. Ольвия: драма из античных времен, в двух частях // Троянов, Н.А. Исторические силуэты (три пьесы) / Н.А. Троянов. – Николаев: Возможности Киммерии, 2001. – С. 10-38.
6. Рафаэль: драма-представление в двух частях // Троянов, Н.А. Три пьесы /Н.А. Троянов, худ. Я. Иванова. – Николаев: Изд-во НФ НаУКМА, 2000. – С. 63-112.
7. Сковорода: драма из жизни философа, в двух частях // Троянов Н.А. Европейцы (четыре пьесы) / Н.А. Троянов. – Николаев: ЧП Гудым И.А., 2004. – С.57-91.
8. Сны Кати Панны: современная драма в двух частях // Троянов, Н. Люди, которых я встретил / Н. Троянов. – Николаев: ЧП Гудым И.А., 2008. – С. 124-155.
9. Триумф старого города: пьеса в одном действии // Троянов, Н.А. Европейцы (четыре пьесы) / Н.А. Троянов. – Николаев: ЧП Гудым И.А., 2004. – С. 119-135.
10. Шутка Вольтера: комедия в одном акте // Троянов, Н.А. Исторические силуэты (три пьесы) / Н.А. Троянов. – Николаев: Возможности Киммерии, 2001. – С. 39-46.
11. Эразм из Роттердама: трагикомедия в трех действиях // Троянов Н.А. Европейцы (четыре пьесы) / Н.А. Троянов. – Николаев: ЧП Гудым И.А., 2004. – С. 24-56.

Детская литература

РАТИЧ Лариса Анатольевна. Родилась 9 сентября 1960 года в г. Порхов Псковской области (Россия). До ноября 2011 года жила на Украине в г. Николаеве. Преподавала русский язык и литературу. В настоящее время проживает в Санкт-Петербурге. Член Союза писателей России, Конгресса литераторов Украины. Поэт, прозаик, драматург. Автор четырёх изданных книг.

Лауреат шестого международного Пушкинского конкурса стран СНГ и Балтии (Москва, 2006 г.), Призёр Международного конкурса детско-юношеской литературы "Десятая планета" в

номинации "Школьные годы чудесные" (2012 год). Периодически публикуется в различных периодических изданиях России и Украины таких как: альманах "Гармония", (№ 8, С. – Петербург), "Невский альманах" (№ 3, 2012 год, С. – Петербург) и др.

Антипедагогические этюды Рассказы для детей и юношества

Спать пора

...А вчера написались стихи: первые, робкие. Зиночке показалось, что очень хорошие, ведь она сидела над ними чуть ли не до утра. О любви, конечно, сами понимаете.

Два раза вставала мама, заглядывала к ней в комнату. Пришлось отговариваться: завтра вроде как зачёт по геометрии, надо подготовиться. Мамины шаги девочка успевала услышать заранее, и оба раза взору родительницы благополучно являлись учебники и чертежи.

Ну что ж, дело обычное: Зина – отличница; такие посиделки над уроками для неё не редкость. В свои четырнадцать лет она уже точно знает, чего хочет; волевая и усидчивая. Гордость семьи.

Родители Зиночки понимали: контроль, контроль и ещё раз контроль! Вот залог успеха их единственной дочери. С самых ранних лет девочка чётко усвоила все «можно» и «нельзя», «прилично» и «неприлично». Строгий режим и чёткое дозирование! Учёба – отдых, учёба – отдых.

В основном это была, конечно, заслуга папы, мама только беспрекословно подчинялась его железной воле. Она понимала: лишь вместе, выдвинув единые требования, родители могут сделать из ребёнка то, что нужно. И до сих пор – никогда и никаких сбоев не было.

На любом родительском собрании мама и папа Зиночки Маевской (а они ходили туда всегда вместе; ведь образцовая семья!) чувствовали себя хозяевами положения: уж к кому-кому, а к их дочери претензий и быть не могло. А наоборот, звучали только похвалы. Другие мамы сердито супили брови, натянуто улыбаясь, а чета Маевских снова была на высоте. Их поздравляли, фальшиво радуясь:

– Ой, конечно! С вашей системой воспитания это не удивительно! Можно только позавидовать...

«Только позавидовать» – это было самой настоящей правдой.

И вот – стихи... Зиночка, конечно, много читала, прекрасно писала сочинения, но, если честно, литература её никогда «не грела». А тут вдруг – как второе зрение открылось: «Я вас любил. Любовь ещё, быть может...»

Что это?! Даже заплакала. Пушкин – это, оказывается, чудо... Бросилась к другим: Фет, Тютчев, Кольцов. Боже мой, какая красота!!!

«Когда повеет вдруг весною и что-то встрепенётся в нас...» Да-да, именно встрепенётся, Зиночка знала.

Ах, этот Алик! Как больно и как радостно смотреть на него... Очень жаль, что учатся они в параллельных классах, а не в одном. У Зиночки есть только перемены, чтобы увидеть юношу. Да и то не всегда удаётся.

А ещё есть балкон. Если на него выйти, то можно, повернув голову, увидеть кусочек окна Алькиной квартиры в соседнем доме. Это тоже радость.

Только ничего этого Алику не нужно, он и в упор девушку не видит. Конечно, Алька красивый; картинка, а не парень. Все девчонки школы за ним бегают.

Это ж глаз невозможно отвести, когда он, стройный, высокий, смуглолицый и удивительно гордый шагает куда-нибудь по своим делам, лишь снисходительно улыбаясь встречному поклонению... А кто такая Маевская? – ну хоть бы хорошенькая была! Её-то и по имени почти никто не зовёт.

– Маевская, дай списать! – это всё, с чем к Зиночке обращаются одноклассники. Но она не жадная, отзывчивая, и её тетрадки так и ходят по рукам весь день: и по физике, и по химии, и по алгебре. Да пусть, ей разве жалко?

Хорошо учиться – это единственное, чем Зиночка может выделиться. Она девочка самокритичная, и в зеркало смотрит без иллюзий. Обыкновенная, более чем... Худая нескладёха с торчащими ушами. Не всегда гадкие утята превращаются в лебедей, это Зиночка уже поняла.

Одноклассницы её все как-то вдруг начали меняться, расцветать; а Маевская – всё та же Маевская. Зиночка плюнула бы на это давно (подумаешь, проблема!!!), если б не Алька. Хоть бы уехал куда-нибудь, что ли!.. Говорят, с глаз долой – из сердца вон.

Никому в мире Зина не призналась бы, что значит для неё этот мальчик. Да и кому? – подруг у девушки нет, одни только «дай списать». Засмеют, разболтают, – стыда не оберёшься.

Правда, вот новенькая (месяц как пришла в их класс) смотрит всегда дружелюбно, с интересом. И не просит списать, сама – не дура, и симпатичная, ничего не скажешь. Вот с ней Зиночка более-менее сдружилась. Но не до такой степени, чтоб про Альку... Хотя Иринка – ох и внимательная, сама спросила:

– Он что, нравится тебе?

Как она догадалась?! Зиночка рассердилась, нагубила. Потом – жалела. Помирились, и Ира больше этой темы не касалась.

В одном лишь Иринка упряма и настойчива:

– Зинка, раскройся!!! Что ты из себя чучело делаешь?!

Добилась-таки однажды, затащила Маевскую к себе. Сначала попили чаю с тортом, а

потом Ира объявила:

– Сейчас буду из тебя делать настоящую!

Зина немножко посопротивлялась, но больше для проформы; самой было интересно: что получится?.. Хотя вряд ли...

Иринка усадила её спиной к зеркалу («Не вертись! Потом оценишь!») и принялась «колдовать». Она что-то невыносимо долго делала с волосами и с лицом подруги, выставив перед ней на табуретке целый арсенал красоты, от набора загадочных кисточек, теней и помад до большого фена с насадками.

Но наконец-то Ира закончила, гордо выдохнула: «Всё!!!»

Зиночка развернулась и... На неё из зеркала поражённо пялилась худенькая, но довольно смазливая девчоночка с аккуратно подведёнными глазками (они даже стали заметно больше! Оптический обман?..), очень хорошенькими губками... А причёска!! Ушей – не видно...

– Ну?! Как тебе этот тональный крем? – торжествовала Иринка.

– Это... Это как же?.. – Зина то подходила, то вновь отходила от зеркала, пытаясь понять, в чём же здесь фокус?

– Говорила ж я тебе, что ты – симпатичная, а? Говорила? – смеялась Иринка. – Эх ты, лягушка-царевна! Хватит, сбрасывай, наконец, старую кожу! Скоро Иваны-царевичи стаями повалят, увидишь.

Она хохотала, тормошила подругу, довольная своей работой. Наконец заставила ещё и примерить одно из своих платьев, и, когда Зина переделалась, заскакала даже на одной ножке:

– Зинка! Блеск! Нет-нет, не снимай! Иди, дома покажись! Завтра отдашь.

Зиночка услышала слово «дома» и похолодела. Она и забыла совсем... Кстати, который час? О ужас, опоздала!!! Ну и попадёт ей от родителей! Папа в обед с работы уже наверняка звонил – а её ведь нету... Скорее, скорее!

– Зина лихорадочно собиралась.

– Подожди, – пыталась остановить её Иринка. – Да ты дрожишь вся. Ничего ведь не случилось, а наоборот, всё хорошо. Ну, позвонит ещё раз!

Зиночка, почти не слушая, нервно искала туфли в коридоре.

По дороге домой она, однако, немного успокоилась. Да, в самом деле, Иринка права: ничего такого не случилось. «Если что – скажу, в школе задержали». Эта мысль была, несомненно, удачной, и остаток пути Зина проделала не так торопливо. Она даже успела заметить, как какой-то незнакомый парень с явным интересом посмотрел ей вслед.

Дома Зина пришла в себя окончательно, и в ожидании вечера (и родителей – с работы) тщательно, как всегда, сделала уроки и кое-какие домашние дела, которые ей были поручены на сегодня. Даже осталось полчаса, чтобы спокойно, не торопясь, наедине с собой насмотреться влечь в огромное коридорное зеркало.

Да, Зиночка Маевская очень нравилась себе сейчас, что и говорить. А это Иринкино платье – прелесть, да и только! Как будто по ней сшито! Платье удачно подчёркивало стройность девушки, щедро открывало её красивую шею и очаровательные плечики.

«И ничего я не худая», – даже подумала Зиночка. – А очень даже с фигуркой. Не хуже чем у Белкиной!

Таня Белкина была признанной красавицей, и Зина сама немного смутилась от такой наглости, но, взглянув ещё раз, гордо добавила вслух:

– Да, да!!! Как у Белкиной!

Сейчас придут родители, удивятся и восхитятся. Особенно обрадуется мама, ведь она иногда (редко, но бывает), вздохнув, говорит:

– И в кого ты такая серая мышка?

А вот и не серая! А вот и не мышка! Зиночка легко представила, как теперь мама согласится, что надо немедленно закупить модной одежды, и всё изменится. Деньги дома есть, и немалые, – значит, две-три юбочки (одну – как у Белкиной!!!), джинсики, ну, и платьице наподобие этого. Это ведь Иришкино; спасибо ей, но надо завтра вернуть.

...Ну наконец-то, пришли!!! Зиночка услышала родные голоса на лестничной клетке, заглянула в глазок: они! И сразу – оба, вот как удачно!

Она мгновенно прошмыгнула в комнату. Сейчас сделает сюрприз, пусть только войдут!

– Зина, мы дома! – привычно окликнул отец.

– Ну и заходите! – крикнула она весело. – И давайте скорее в комнату. У меня хорошая новость.

– Идём, идём, – родители снимали обувь. – Что, снова где-то победила?

– Почти! – Зиночка успела ещё и надеть мамины праздничные босоножки на каблучке, и стояла сейчас радостная, сияющая.

– Это что такое?.. – прищурился отец. Он повернулся к жене. – Ты могла подобное ожидать?

И зло добавил:

– Пять минут на умывание, гейша местная. Жду!!!

Мама попыталась было что-то возразить, но так и осталась с открытым ртом. В её глазах возникло смятение. Ничего не понимая, послушная Зина прошла в ванную и тщательно умылась. Чего он?! Так было красиво...

Потом вернулась в комнату.

– Садись! – процедил отец. – Ну, Марина, – повернулся он к жене. – И что будем делать теперь?

Мама молчала, испуганно наклонив голову.

– Не знаешь, – вздохнул папа. – Ничего, зато я знаю, к счастью. Кто, Зина, тебя размалевал и откуда этот наряд публичной девки? Ну?!

– Папа, подожди! – взмолилась Зиночка. – Ты не понял! Это Ира, ну помнишь, я тебе говорила? Новенькая наша! И платье – её, и...

– Значит так, эту девицу к нам на порог не пускать, – повернулся он к маме. – И ты, доченька, к ней больше не пойдёшь. Тебе четырнадцать лет, ты понимаешь?? Четырнадцать! Ты школьница, девочка, и должна учиться! И во всём быть скромной. Скромной, ясно?! Да меня чуть удар сейчас не хватил; в таком виде, как мы тебя застали – самое место на панели!!!

Зина заплакала.

– Что, стыдно? – вскинулся отец. – Ничего, поплачь, это полезно! Ну-ка, Марина, – кивнул он решительно, – а принеси-ка мне портфель нашей дочери!

Мама бросилась исполнять. Зиночка смотрела потрясённо: уж чего-чего, а обысков родители никогда не устраивали... Что он думает найти?.. И вдруг похолодела: стихи! Там, в кармашке. Те самые, ночные!.. Ой!

Но отец уже нашёл.

– Так, а это что?

Его глаза бесцеремонно шарили по строчкам. Прочитал вслух, нехорошо улыбнулся:

– А вот и причина. Про кого написала? – он впился взглядом в лицо дочери. – Молчишь, шлюшка дешёвая? Ну ничего, я это поправлю моментально, в течение часа!

Он яростно разорвал листок на мелкие клочки и сунул обрывки жене:

– Иди, выбрось в ведро.

Мама покорно пошла на кухню. Отец молчал, играя желваками. Ждал.

Потом он долго, много и правильно говорил, усадив дочь напротив себя. Мама, как китайский болванчик, кивала на каждом его слове.

По ходу речи отец постепенно успокаивался, и уже потекли слова «доченька», «родная» и «девочка моя». Папа желал ей добра, это было ясно. Наверное, он, как всегда, прав, ему виднее.

– И ты, Зиночка, когда будешь в моём возрасте, станешь думать так же, дорогая. Пойми! Я хочу защитить тебя от неправильной судьбы, доченька!

И лишь в девять часов вечера беседа была окончена: режим есть режим, Зиночке пора отправляться в постель.

– Ну, всё, – сказал, наконец, папа, бросив взгляд на часы. – Не сомневаюсь, что ты всё поняла. Ты же у нас большая умница, доченька. Иди, готовься ко сну.

Он примирительно поцеловал её и ласково потрепал по плечу:

– Ладно, забудем. Я простил тебя. Ты ведь глупенькая ещё...

Большие настенные часы пробили, как положено, когда Зиночка была уже в постели. Она долго ворочалась, потихоньку плакала; но, наконец, сон сморил её.

...А утром она поднялась совсем прежней: аккуратной, подтянутой и дисциплинированной.

– Доброе утро, доченька! Как спалось? – засиял ей навстречу свежей улыбкой отец.

– Спасибо, папа, хорошо.

Она спокойно посмотрела в глаза родителю открытым взглядом и отчётливо подумала: «Как я тебя ненавижу!»

Лариса Ратич

Свой в доску

Пошёл уже третий месяц, как Геннадий Геннадиевич (он же – «Ген Геныч») работает в этой школе, будь оно всё неладно...

Говорила же ему мама:

– Геночка, зачем тебе это надо?

Говорила! Нет, не дошло: возомнил себя педагогом!

Ген Генычу сейчас едва только перевалило за двадцать, но он изо всех сил старается казаться старше. Должность обязывает. Историк всё-таки!

...Вот остался бы на кафедре – и всё. Ведь предлагали... А теперь – поздно, изволь сеять разумное, доброе и вечное. Пожизненно?..

Но ничего, он найдёт выход. Мужчина он, в конце концов, или нет?! И на Сашку Ломова найдёт управу, дайте срок! Все уроки срывает, мерзавец!

Ген Геныч вскочил и нервно забегал по комнате. Ну что он им сделал, что?! Детки клетке какие-то!

...А неприятности у молодого историка начались сразу, буквально второго сентября. Директриса представила его классу:

– Вот, дети, наш новый учитель истории, Геннадий Геннадиевич Кочетков! Он окончил университет с красным дипломом, много знает. Так что вам, ребята, будет с ним интересно; прошу любить и жаловать!

И ушла, шепнув напоследок: «Ну, ни пуха, ни пера». Надо было её послать к чёрту, может, по-другому бы всё вышло. А он – «спасибо, Ирина Петровна»!

Ушла – а он остался торчать у доски, как болван. Стоял, смотрел и молчал.

– Садитесь, Геннадий Геннадиевич! – хмыкнул долговязый тип со второй парты. Ненавистный Ломов, как потом выяснилось.

Это был не урок, а комедия какая-то!.. Сначала Гена прочитал список вслух, стараясь хоть кого-нибудь запомнить (а их – почти три десятка!), потом начал что-то объяснять, робко и тускло, не отрывая глаз от конспекта...

– Геннадий Геннадиевич, – влез Ломов, – а давайте-ка, лучше о себе расскажите. Ну, для большего понимания!

Юный учитель растерялся:

– О себе?.. Хорошо, давайте...

Но о себе – ничего особенного не сообщалось: родился, учился, ещё не женился...

– И что, это всё? – не отставал Ломов. – Ну а что-нибудь «крутое» у вас было?

И тут неожиданно для себя Гена брякнул:

– Было. Я служил в десантных войсках.

Соврал – и обомлел. Зачем?! Но класс уже загудел одобрительно:

– О-о-о!!

– И что, приёмчики какие-нибудь знаете?

– А покажете?!

– А скажите, вы...

– Стоп-стоп, ребята! Всё покажу и расскажу на перемене, если сейчас дадите хорошо урок провести. Всё зависит от вашей дисциплины.

Веско сказал, внушительно. Молодец! На секундочку вдруг представил, что он и в самом деле – всё испытавший боец, с таким опытом за плечами, что ой-ой-ой!

Остаток урока прошёл довольно благополучно: слушали, записывали, почти не шумели, и Гена успокоился, почувствовал себя уверенней.

Но как только прозвенел звонок, молодого педагога тут же окружили мальчишки, во главе с Ломовым.

– Покажите что-нибудь, Геннадий Геннадиевич, пожалуйста!

Историк пытался отговориться, что, мол, его приёмы – это секретное оружие. Нельзя разглашать. Он даже подписку такую давал, понимаете?..

– Ну что-нибудь простенькое, обычное!

...Не выпускают. Что ты будешь делать?..

– Ладно, – к счастью, Гена действительно знал один интересный захват. Брат научил.

– Вот ты... как тебя? Саша Ломов, кажется? Иди-ка сюда. Становись! Нападай на меня

сбоку!

И как это вышло, историк даже сообразить не успел. Ломов действительно напал и в три секунды заломил «десантнику» обе руки назад.

– Стой, Ломов, подожди, так нечестно! – брыкался педагог.

– Против Ломова нет приёма! – захохотал толстый «рыжик».

Геннадий Геннадиевич, красный и потный, наконец, высвободился и попытался всё же объясниться:

– Да ты неправильно напал, Ломов!

Но после первого «нападения» лучше не стало: пришлось уже подниматься с пола. И костюм выпачкал...

Возвращался историк в учительскую с мерзкими ощущениями, да надо было ещё и отговариваться: «Упал!..»

Учительницы дружно бросились хлопотать вокруг его измызанного рукава, но настроение было всё равно испорчено. К тому же Ломов быстро всё растрепал по школе, не жалея красок:

– Да я его только чуть задел, а он аж до батареи доехал; еле успел очки поймать!

Так что третьего сентября к кличке «Ген Геныч», которая возникла сразу, тут же добавилась вторая: «Десантник». Но это было только начало Генкиных бед. Как он ни бился, как ни старался – ни в одном из классов (а ему дали все восьмые и девятые) он не мог добиться хотя бы тишины на уроке, не говоря уже ни о чём другом.

Он злился, кричал, бегал за завучем: всё напрасно, Стоило завучу выйти – и всё начиналось сначала, и ко всему прочему один остряк из восьмого «А» благополучно перекрестил его ещё и в «Гингемыча». Кличка тут же понравилась: действительно, нервный историк чем-то напоминал злую волшебницу Гингему из знаменитой сказки.

Проблемы нового учителя секретом не являлись (как, впрочем, и в любой другой школе), и директриса дружески посоветовала молодому коллеге:

– Геннадий Геннадиевич, походили бы вы на уроки наших опытных учителей. К Тепловой, например. У неё – дисциплина! Присмотритесь, что да как...

Историк совет принял. Он и сам уже хотел. Надо же искать какой-то выход!

Урок Тамары Константиновны Тепловой его поразил. Потряс! А ведь посмотреть на неё – сразу и не скажешь, какая в ней... силища, что ли? Маленькая, сухонькая, совсем седая; голос – тихий. По-старомодному вежливая, незаметная.

А оказалось!.. Гена смотрел и поражался: все слушают, пишут... Ломов – Ломов! – руку тянет... Да и интересно было, что тут говорить. Шёл на урок – думал: физика, скука смертная. Хотел просто глянуть, как она с этими лоботрясами уживается? А просидел с открытым ртом, как пацанёнок. Тамара Константиновна и с повторением справилась быстро, и новый материал втолковала умело и доходчиво (Гена – тут же понял!), и пошутить нашла минутку... И всё как-то к месту, здорово и ловко. Оценок поставила много (и справедливо!).

Двоек – две штуки влепила, но совершенно не обидно. И тут же назначила лентяям дополнительное домашнее задание, чему они даже обрадовались (дала шанс «закрыть» последнюю оценку!).

«...Значит, надо... полегче, что ли, – сделал вывод историк. – Пошутить вовремя, факты какие-то интересные ввернуть...»

Весь вечер он вдохновенно готовился, даже мама с надеждой спросила:

– Ну что, Геночка, втянулся, наконец?

Но следующий день снова показал, что Геннадий Геннадиевич не сдвинулся с места ни на йоту. Мука, да и только!.. День получился суетной, нервный, и особенно «достал» всё тот

же класс, в котором учился Ломов. Да, в общем, и не в Ломове дело, – все они хороши. Что, что, что им надо? Ведь такой материал подготовил!.. И анекдот рассказал...

...Вечером историк решил куда-нибудь сходить, расслабиться. И заодно подумать: куда уходить. А что уходить надо – сомнений больше не осталось. Права мама, права... К себе в музей поможет устроиться, и забудется эта чёртова школа как страшный сон.

В кафе, куда, в конце концов, зашёл Гена, было пусто, и это даже понравилось. Не хотелось ни с кем сегодня общаться, и Геннадий Геннадиевич сел за дальний столик в углу, заказав себе пиво с любимыми орешками. Только устроился – как на пороге возник Ломов, а с ним – «знакомые всё лица».

«О!!!» – внутренне простонал Кочетков. Ему тут же захотелось сморщиться, испариться, исчезнуть; но не успел.

– Геннадий Геннадиевич!! – завопил Ломов, и вся компания немедленно заняла стулья рядом с учителем. – Отдыхаем? И можно с вами?

– Пожалуйста, – вяло предложил историк, думая только о том, как бы ему сейчас уйти, не теряя собственного достоинства. Начал было даже подниматься, но вдруг его осенило:

– Слушай, Ломов! – взмолился он. – Давай, наконец, поговорим в неофициальной обстановке. Ну что я тебе плохого сделал, а? И вам, ребята, тоже?

Он говорил долго и задушевно. И про то, что он учился-учился, а теперь не знает, зачем; и про нервы свои испорченные; и про то, что он – молодой ещё. Получалось жалобно.

– Мы ж ровесники почти, ребята! – ныл историк. – А вы мне все уроки срываете... Не товарищески это!..

– Да? Ну давай дружить, Гена, – примирительно протянул Ломов.

Геннадий Геннадиевич растерялся: «Гена» и «ты» не входило в его планы. Однако радостно согласился:

– Давай, Сашка, давай! Но только при всех, в школе, – на «Вы». Ладно?..

– Ладно, Гингемыш. Наливай, запьем дружбу! Да, пацаны?

Историк на радостях щедро угостил всю компанию, а домой вернулся совсем уже ошарашенный.

...Скоро все знали, что историк – парень что надо, свой в доску, и его авторитет среди учеников вырос.

Только вот с уроками – проблем почему-то прибавилось, а не наоборот. Гена и сам не заметил, как постепенно подчинился воле старшеклассников, которые требовали только хороших оценок («Гингемыш, ты друг или нет??»); а уроки всё больше напоминали развлекательные посиделки. Историк надо было буквально из кожи вон лезть, чтобы втолковать хоть какой-то учебный материал: новые «друзья» просили бесконечно «чего-нибудь интересенького», а вели себя тихо лишь тогда, когда учитель начинал пересказывать какой-нибудь боевик.

Гена всё ещё утешал себя, что боевики и детективы – это для «разбавления» скучных сведений и дат, но и сам не заметил, как на уроках истории от самой истории почти ничего уже не осталось...

Зато на переменках старшеклассники (и даже те, которых Геннадий Геннадиевич не учил) от души хлопали его по плечу и вели разговоры на равных. И девочки из одиннадцатого класса спокойно и непринуждённо называли его в лицо «Геночка», стремясь понравиться учителю.

В конце января Кочеткова вызвала директриса:

– Ну, как успехи, Геннадий Геннадиевич? Хорошо? Вот и прекрасно. Я, знаете ли, пока не контролировала вашу работу; давала втянуться. Но со следующей недели – ждите в гости и меня, и завуча.

Генка расстроился. Поделился с Ломовым, и тот успокоил:

– Гингемиш, не парься. Готовь свои конспекты – а мы не подкачаем. Не дрейфь, дружба, я своих в беде не бросаю!

Первый визит завуча прошёл на «ура»: историк заранее раздал друзьям вопросы и ответы, и урок прошёл гладко. Гену похвалили, но, однако, сделали замечание:

– Уж очень, очень заученно дети отвечают, дорогой Геннадий Геннадиевич! Зачем вы заставляете их зубрить учебник? Надо, чтобы ученики умели говорить и от себя, понимаете?

Потом были ещё четыре-пять уроков с директрисой на задней парте, и все остались довольны: замечания старших молодой педагог, кажется, учитывал.

...Вот всё и уладилось, к общему счастью. Скоро экзамены, но Кочетков спокоен: дружба есть дружба. Все ученики знают, кто какой билет вытащит (уже обо всём договорились и отрепетировали до мелочей; на каждом уроке тренируются «билеты тянуть» – это чтоб потом сбоев не было). В результате – ожидаются прекрасные оценки.

Разве Гингемишу что-нибудь жалко для друзей, а?..

Размазня

– Нет-нет, это невозможно! До свидания! – отец кладёт трубку на рычаг и иронически смотрит на Люсю. У девочки в глазах стоят слёзы.

– Что, опять сопли распустила? – злится отец. – Можно подумать, что я неправду сказал! Завтра опять весь класс над ней потешаться будет, – думает Люся. – И первая – Инка... А ещё – Инкина мамочка, которая явится ни свет ни заря: завтра ведь канун 8 Марта, и родительский комитет купил для классной что-то дорогое (как всегда, в общем); а Инкина родительница – Лидия Антоновна – самый активный член комитета.

Это как раз она сейчас звонила: где, мол, Люсенька? Почему не пришла? Все девочки собрались, только её ждём. А папа ответил: невозможно...

...Ещё в понедельник тётя Лида приходила в школу, таинственным голосом попросила остаться после уроков всех девочек. И предложила:

– Девчонки, а давайте-ка вашей любимой классной руководительнице сюрприз устроим, а?

– Так ведь сдавали уже, Лидия Антоновна! – возмутилась вечно чем-то недовольная Анечка Осипенко.

– Не про «сдавали» разговор, Анюта! – приосанилась мамаша. – Давайте вечером, перед праздником, наведём в классе такой порядок, чтоб Марина Григорьевна ахнула! Мысль, а?

Мысль-то, может быть, действительно неплохая, но кому хочется переться в школу вечером, да ещё и на уборку?..

– Да ну-у-у! – без всякого энтузиазма протянула Света. – Всё равно ведь не все придут, а я что – крайняя?!

– Вот и давайте договоримся, чтоб пришли все, абсолютно все! – не сдавалась тётя Лида. – В классе десять девочек, причём довольно взрослых! К тому же, вместе со своей дочерью приду и я, – это уже одиннадцать. Девчонки, работы всего на каких-то два часа, а Марине Григорьевне будет приятно!

– А что тут делать? – не сдавалась Анечка. – И зачем? И так каждый день в классе дежури.

Но Лидия Антоновна убеждать умела. Да и как это «ничего делать»?! – парты все размалёванные, занавески давно несвежие; и, кстати, неплохо было бы и под доской подбелить (ну, это Лидия Антоновна однозначно берёт на себя).

– Так что захватите вёдра, тряпки и метёлки, девочки. Порошок и известь я принесу сама. Жду вас в классе в 18.00, в четверг!

Идти, конечно, никому не хотелось. Тоже мне, нашла добровольцев на принудительных началах! Хочет – вот пусть сама и «пашет» вместе со своей Инночкой, ябедой и сплетницей! Но Лидия Антоновна непослушания не простит, в этом уже многие убедились. Вечно она что-нибудь выдумает или навяжет!.. Да не просто так, а с лозунгами. Вот и сейчас:

– Отказаться – это просто преступление, девочки! Ведь Марина Григорьевна для вас времени не жалеет; настоящий фанатик своего дела!

...Что фанатик – так это точно; нет от неё покоя никому. Мало того, что сама в школе торчит чуть не сутками, так и других «грузит» по самое некуда. Уж на что Вовка Великанов – любитель английского, а и тот злится. Ни меры, ни степени, одним словом. Поговаривают, что от неё и муж поэтому ушёл... А теперь она одна осталась – так вообще из школы не выгнать; хоть бы в день этой пресловутой уборки до ночи не засиделась, а то

ведь придётся ждать, пока уйдёт. Тётя Лида так просто не уймётся; тоже – фанатик не из последних.

И Люся, конечно, не может не пойти. Она сказала про «сюрприз» маме, и та недовольно буркнула: «Иди». Но папа, когда услышал новость, категорически восстал:

– Это ещё что за беспредел?! Не пойдёшь.

Люся похолодела. Бог с ней, с Лидией Антоновной; девочки её и без «активистки» заклюют! Сказано же было: все – значит, все.

– А я сказал: нет! – отрезал отец. – Нечего ходить позориться! Дома всё у тебя тяп-ляп, лишь бы отстали! А туда пойдёшь лоск наводить?? Это, милая моя, тоже заслужить надо!

А Люся, значит, опять не заслужила. Она вообще редко «заслуживала»: что бы девочка ни делала, по мнению отца, это называлось «из рук вон плохо». Люсе исполнилось уже шестнадцать, и она отлично знала, что такое готовка, стирка, глажка и так далее. Родители этим непомерно гордились:

– Вот выйдет замуж – поймёт, что должна нас благодарить. Уж кто-кто, а мы свою девочку превосходно к жизни подготовили. Всему научили!

«Маме надо помогать!» – эту истину Люся услышала так давно, что и забыла, когда. Вот с тех пор и помогала. Отец, который в доме руководил всем, назначил ей два постоянных дня для «большой уборки»: вторник и пятницу. В эти дни в Люсины обязанности входило «вылизывание» всей огромной квартиры (полы, ковры, шкафы, окна), а также – «лёгкая постирушка» (того, что накопилось к этому дню в большой корзине для белья). Остальное время считалось «выходным», если не учитывать того, что посуда – всегда и после всех – мылась только Люсей, и никем иным.

Другое дело, если в «уборочный» день Люся отнеслась к своим обязанностям недостаточно хорошо; тогда отец назначал наказание: следующий день – становится уборочным уже автоматически, из принципа. Или если очень плохо – то два дня. А там, глядишь, снова пятница... Короче говоря, редкий день оказывался свободным.

Придираться папа умел («На пользу!!»): то полировка плохо блестит, ло люстру забыла протереть... Девочка еле-еле вытягивала на хорошистку, ведь времени на уроки оставалось всего ничего; поэтому считалась и дома, и в школе – «так себе», среднего ума. Если б не её изумительная память – в отстающих, наверное, ходила бы.

Люся всё время жалела, что нет у неё ни сестрёнки, ни братика. Было бы с кем разделить тогда ненавистный домашний труд...

– Мы тебя кормим, поим, одеваем, родная, – ворковала мама, поручив Люсе очередное дело. – Ты должна это понимать и по мере сил привносить свою лепту.

Самой маме «привносить» было ужасно некогда, как, впрочем, и папе. «Да ладно, пусть так, – думала часто Люся. – В принципе они, наверное, правы. Но хоть бы «спасибо» разок сказали, а то всё плохо да плохо...»

Да, Люсины кухонные изыски оставляли желать лучшего, но, что ни говорите, а первое – второе – третье (да ещё и пирожки, если успеет!) девочка всегда готовила, стараясь.

Мама с папой, пропадая на работе до самого вечера (отсюда – и заработки приличные!), еле-еле находили время, чтоб слегка осведомиться у дочери:

– Ну, как дела в школе?

Услышав неизменное «хорошо», папа быстро и привычно, пробежав по комнатам, делал свои замечания по уборке (может быть, завтра – удастся отдохнуть?.. Вряд ли...), и семья дружно ужинала.

Затем – родители шли к телевизору и к свежей прессе, а Люся отбывала последнюю вахту – мытьё вечерней посуды, – размазывая по щекам тихие слёзы из-за «снова отвратительного ужина».

А её так и звали в классе – «Размазня». Очень подходяще, ведь она всё везде

«размазывала»: и слёзы свои непонятные, и ответы у доски... И даже толком не общалась ни с кем и не дружила; а так, тоже размазывала. Кличка настолько девочке подходила, что даже мама – и та всё чаще и чаще говорила о ней: «Наша размазня».

Родители Люси были люди интеллигентные, много читающие. Люся тоже с удовольствием читала бы побольше, если б время появилось, а так – только урывками, и всё.

– Наша размазня в вуз не поступит! – была уверена мама. – Хорошо, хоть всё умеет; пристроить её куда-нибудь поваром, что ли?

Иногда в дом приходили гости: тоже все сплошь интеллигентные, интересные люди. Они много спорили о музыке и живописи, о свежих литературных новостях. Люсиной обязанностью в такие вечера было подавать гостям кофе и бутерброды, и она еле поспевала заправлять кофеварку новыми зёрнами.

– Люся!!! – то и дело слышалось из комнаты. Проклятый кофе, как назло, постоянно заканчивался то у Алексея Петровича, то у Сергея Ивановича.

Когда наступала весна, перед своим Днём рождения мама всегда затевала генеральную уборку, подключая сюда и папу. Отец должен был вынести два тяжелых ковра на улицу и выбить их. Причём мама каждый год патетически восклицала:

– Слава Богу, что у нас в доме есть мужчина! Нам с дочерью такие тяжести поднимать нельзя!!

Отец благополучно выносил и заносил «такие тяжести», сам развишивал их на большой «ковровой» перекладине во дворе и торжественно вручал выбивалку Люсе:

– Ну-ка, покажи, понимаешь ли ты толк в чистоте!

Примерно по полчаса на каждый ковёр – и отец оставался доволен. Это был тот самый редкий случай, когда похвала всё-таки срывалась с его скупых уст:

– Молодец, дочурка! Хозяйка!

Тогда же, по весне, наступал и «период преферанса», как называла это мама. Но относилась к явлению в общем-то беззлобно; даже наоборот, с оттенком некоторой гордости:

– Мой Семён никогда «налево» не ходил и не пойдёт, потому что я его понимаю! Хочет с друзьями за картами посидеть – да пожалуйста, хоть целую ночь! И мне спокойнее...

Они действительно засиживались до утра, и поэтому Люся так не любила весну: кофе и бутерброды нужны были всю ночь. Летом преферансники благополучно «рассасывались» по курортам, значительно облегчая жизнь девочке.

Вот и сегодня – Люся в душе подозревала, что папа не пустил её в школу именно из-за преферанса: вот-вот подойдут друзья-приятели. Вчера ещё хотели, да сорвалось.

Поэтому он объяснил нетерпеливой Лидии Антоновне, зло вопя в трубку:

– Нет, уважаемая, не ждите. Люся наказана. Она сегодня дома не всё выполнила, что мама просила. Вы уж там обойдитесь как-нибудь без неё... Что? Да бросьте, Лидия Антоновна, от неё толку – ноль. Руки как из задницы, по три раза за ней переделываем.

Вот так. («И слюни подбери!»).

... – Ну вот!! – торжествовала Осипенко. – Я так и знала, что не все придут!!

– Брось, Анька, – вмешалась добрая Курочкина. – У Люськи папаша – не дай Бог. Ей и так – дыхнуть секундочки нет. Справимся и без неё.

– Ага, – психовала Осипенко. – Я ей выскажу всё равно! Тоже мне!..

Лидия Антоновна, тоже немного повозмущавшись, всё же сказала:

– Ладно, что языками зря чесать? Давайте работать.

Она чётко и толково распределила участки деятельности.

– А занавески? – прищурилась Аня. – С ними не успеем. Если я, например, сегодня возьму постирнуть – это только утром повесить можно. Не впишемся!

– Ничего! – у Лидии Антоновны был план. – В моей автостиралке их можно провертеть и сразу высушить. Инночка! – окликнула она дочь. – Снимай этот тюлевый кошмар, беги домой и сделай. Да!! Не забудь утюг прихватить, тут сразу отгладим и повесим.

Занавески быстро сняли, и Инночка действительно умчалась.

– Ишь, самая хитросделанная нашлась, – яростно шепнула Осипенко Курочкиной. – В машинку сейчас забросит – и всё! И руки чистенькие, и дело готово! А мы тут...

Курочкина сразу кивнула: да, это тебе не парты изгаженные порошком отдраивать.

Работали почти до девяти. Лидия Антоновна попевала и командовать, и белить. Но зато класс сиял, как новый пятак. Тут подоспели и занавески, и когда они, отбеленные и отутюженные, вернулись на место, девочки ахнули:

– Ух ты-ы-ы!!

– Ну вот видите, девочки, и самим приятно! – чуть ли чуть ли не раскланивалась Лидия Антоновна.

Хорошо, короче говоря, получилось. И настроение назавтра у всех было отличное. У Марины Григорьевны – так вообще эйфория. Даже расплакалась:

– Девчонки, дорогие мои!.. Спасибо!!

И бросилась каждую целовать-обнимать: «С праздником женским вас, хорошие мои!»

И Люсю тоже поцеловала. Не знала же она, что та вчера не явилась!

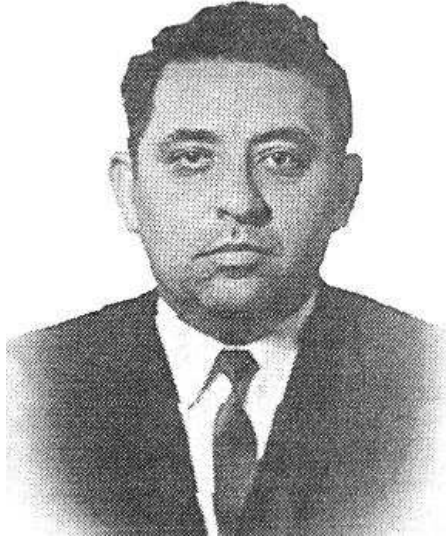
Это ей потом Лидия Антоновна поведала. И, между прочим, без всякой злобы. Просто сказала:

– Ну до чего же размазня эта Люся Орлова! Подумайте только, Лидия Антоновна: девушке – шестнадцать лет, а своего мнения совершенно нет! Попробовал бы меня такой папочка остановить в своё время! – ух, не знаю, что и было бы! Тем более, если надо для всего класса! А эта?.. Так размазнёй по жизни и протащится, тряпка.

...Марина Григорьевна считала точно так же.

* * *

Юмор и Сатира

Михаил Владимирович Владимов, русский поэт, писатель, сценарист. Родился 7 ноября 1924 года. В возрасте 18 лет ушёл на фронт, воевал на Северном Кавказе. Принимал участие в Керченском десанте, в боях за освобождение Болгарии. Первые стихи опубликованы во фронтовой прессе. С 1945 года жил в Николаеве, работал на областном радио, в газете "Південна правда" и многотиражке "Коммунаронец". Лирические и сатирические стихи печатались в журналах "Октябрь", "Смена", "Советский воин", и других. Руководил николаевским областным литературным объединением. Создал поэму о подвиге моряков-десантников К.Ф.Ольшанского (коллективный сборник "На страже", Одесса, 1949).

С 1959 года живёт в Москве, работает в "Агитплакате" и в журнале "Крокодил", публикуется во многих газетах и журналах. Первая книга Владимова "Совершеннолетие" вышла в издательстве "Молодая гвардия" в 1964 году. Владимов – автор книг "Рай в шалаше", "Незамужняя дуга", "Поцелуй в диафрагму", "Как по нотам", "Атака", "Лирика" и др. С военной юностью автора связана повесть "Солёный дождь". Владимовым написаны тексты многих популярных песен: "Старый марш", "Победа живёт" и др. Он также является автором сценариев к некоторым сатирическим мультфильмам.

Собирают корабль на постели стальной,
Он ещё не обласкан ни разу волной.
Лишь пневматика хлещет в крутые бока,
Да колючие брызги из-под резака.
Но курки отдадут и разрубят канат
И скользнёт он к реке под оркестров раскат.
Попрощается суша с ним. Примет вода
И взволнованно скажет: "Ты мой! Навсегда!"

М. Владимов

Литературные пародии

Почему не пишется в апреле?
Или рано? Или не весна?..

...Я болен Пушкиным. Тоска меня снедает,
А роща лист октябрьский отряхает.

Александр Богучаров. Из книги «Эшелон»

Загадочная история

Месяца, в котором сочинялось,
Я не нахожу в календаре,
Отряхалось, но не начиналось,
Елось, но не пелось в январе.

В феврале ни строчки я не создал,
Потому что короток февраль.
В марте думал: «Рано или поздно?»
А в апреле-мае: «Не пора ль?»

Весь июнь я рифмы ждал упрямо.
Весь июль ждал клева на заре.
В августе болел я за «Динамо»,
Цыбиным болел я в сентябре.

В октябре писать мешали мысли:
Почему не Блок я, ни Жорж Санд?
В ноябре... смотрю, лежит в «Совписе»
Книжка «Богучаров Александр»!

И загадкой для меня осталось
(Это же похоже на скандал!),
Если ничего мне не писалось,
Как я эту книжку написал?

* * *

...Дорвалась до телефона,
Словно Разин до княжны.

...Все сижу я, в думы погруженный,
Как Ермак на склонах Иртыша.

Леонид Каратеев

Как в набежавшую волну

На телефоне ты висела,
И я тебя упорно ждал,
Кок Пенелопа Одиссея,
Как парохода камчадал.
А ты кидала в прорезь деньги,
Как в набежавшую волну
Бросал когда-то Разин Стенька
Одну персидскую княжну.
Шестая двушечка упала,
Но ни полслова нет в ответ.
Точнее говоря, пропала
Она, как под Полтавой швед.
А ты бросала снова, снова,
Не ведая, что телефон
Разбит был, как при Ватерлоо –
Наполеон!

* * *

Михаил Владимов и Эмиль Январёв на встрече с читателями. 1971 г.

Мне так захотелось назвать ее Машей,
Любя, приколоть незабудку на грудь,
Потрогать на ситцевой блузке кармашек
И пуговку возле плеча застегнуть.

Александр Филатов

Машин кармашек

Есть много нарядов у девушек наших,
Идущих в быту и в труде впереди.
Но больше всего по душе мне кармашек,
Который у Маши всегда на груди.

Однажды стихи написал я для Маши.
Она намекнула: ответа не жди.
И все же стихи положила в кармашек,
Который у Маши всегда на груди.

На пуговку тайна застегнута Машей,
А я вам свою приоткрою чуть-чуть:
Взирая на Машин заветный кармашек,
Я быть не поэтом – стихами хочу!

* * *

...И все про гречку да про гречку
Ты мне, волнуясь, говоришь.

...А Надя про посевы вновь,
А мне так хочется услышать
Хотя бы слово про любовь.

Юрий Мельников

Овёс да любовь

Писал я про проценты и задания,
Про гречку, сено и ремонт столбов.
Но ты скучала: – Где же про свиданья,
Луну, скамейку – в общем, про любовь?

Пришлось мне перестраиваться, чтобы
Моменты поинтимней отражать.
Расставшись с темой агроветучебы,
Я начал про любовь соображать.

Посеял вздохи на сердечной грядке,
А выросли сурепка да морковь!
И все смешалось в комплексной тетрадке:
Где сельское хозяйство, где любовь?!

Компост. Луна. Признание. Корова.
Овца. Овес. Твой нежный взгляд сквозь тьму.
Запчасти. Редька. Поцелуй. Полова.
И мой вопрос: «Не любишь поче-му-у-у?»

* * *

В колоду, в пень и в мать бога
Ее, родимую, несли.
Но как ни поверни – дорога.
И люди шли по ней и шли.

Светлана Мекшен

Уроки языка

Влияла сызмальства дорога
На стихотворчество мое:
В бензин, в мазут и в мать бога
Несли водители ее.

А лесорубы – в елки-палки,
А грибники – в валуй, в сморчок.
А рыбаки, что шли с рыбалки, –
В блесну, в мормышку и в крючок!

С годами креп багаж словесный,
Который с детства был мне дан:
За словом терпким, полновесным
В словарь не лезу... и в карман!

* * *

Человек – анкета

Считал завкадрами Чумак,
Что мир – скопление бумаг.
Вокруг заводов ухал гром,
Цвели сады, и песни пелись,
Но слух его везде, во всем
Ловил один бумажный шелест.
Считал завкадрами Чумак,
Что жизнь – движение бумаг.
И говорил, итогам рад,
Придя к начальству на доклад:
– Анкета номер двадцать пять
Пошла заводом управлять.
Взысканье дали двадцать третьей
Недобросовестной анкете,
А сто тридцатая снята
С номенклатурного поста.
И вызывал он на беседу
Не человека, а анкету.
И задавал, меняя позы,
Одни анкетные вопросы.
Вперивши взгляд бездумный в стол,
Угрюмо спрашивал он: – Пол?
И расстановку вел без толку:
Сдал инженера в здравотдел,
Ветеринар на счетах шелкал,
Бухгалтер в химиках сидел.
Когда ж тревогу били где-то:
Мол, что за кадры! Брак! Провал! –
Он торопливо брал анкеты
И, словно карты, тасовал...
Как он в завкадры угодил?
Кто подобрал, кто утвердил?
Отвечу просто, не подробно:
И сам Чумак – все дело в том –
Лишь по анкете был подобран
Вышестоящим Чумаком.

Николаевская старина

Иван Михайлович Долгоруков (Долгорукий). Описание Богоявленского 1810 г. Одно из первых исторических описаний селения Богоявленского (ныне – Корабельный район города Николаева), которое написал и опубликовал в форме путевых заметок известный русский поэт, драматург и путешественник Иван Михайлович Долгоруков (Долгорукий) (1764–1823). Он получил хорошее домашнее образование. Учился в Московском университете (1777–1780). Служил вице-губернатором Пензенской губернии (1791–1796), губернатором Владимирской губернии (1802–1812). В 1810 году совершил поездку на юг России в том числе и на территорию нынешней Николаевской области, где вёл путевые записки, которые позднее опубликовал их под названием «Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда, 1810 года»

Николаевский хронограф. Этот день в истории Николаева. Месяц – сентябрь

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
РУССКИХ АВТОРОВ.

СОЧИНЕНИЯ
ДОЛГОРУКАГО.

Том II.

Издание Александра Смирдина.

1849.

СОЧИНЕНИЯ
ДОЛГОРУКАГО
(*Князя Ивана Михайловича.*)

Угоден – пусть меня читают,
Противен – пусть в огонь бросают:
Трубы похвальной не ищу.

ТОМ ВТОРОЙ.

Издание Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГ.

В типографии Императорской Академии Наук.

1849.

ИВЛЕЧЕНИЕ ИЗ РУКОПИСЕЙ,
ПОД НАЗВАНИЕМ:
СЛАВНЫ БУБНЫ ЗА ГОРАМИ.
1810 года.

I. ОПИСАНИЕ БОГОЯВЛЕНСКАГО.

Поживи Потемкин, – и Николаев стал бы шире Москвы: от города до Богоявленскаго считается 12 верст, – а все это пространство было уже разбито на кварталы. Дорога лежит по берегам Буга. Подобно петергофской, на ней розданы были места под загородные домики многим приближенным. Иной строился для своего, иной для его удовольствия. Места безлесныя, но быстрый ток воды утешает зрение. Вельможа умер – и все исчезло!

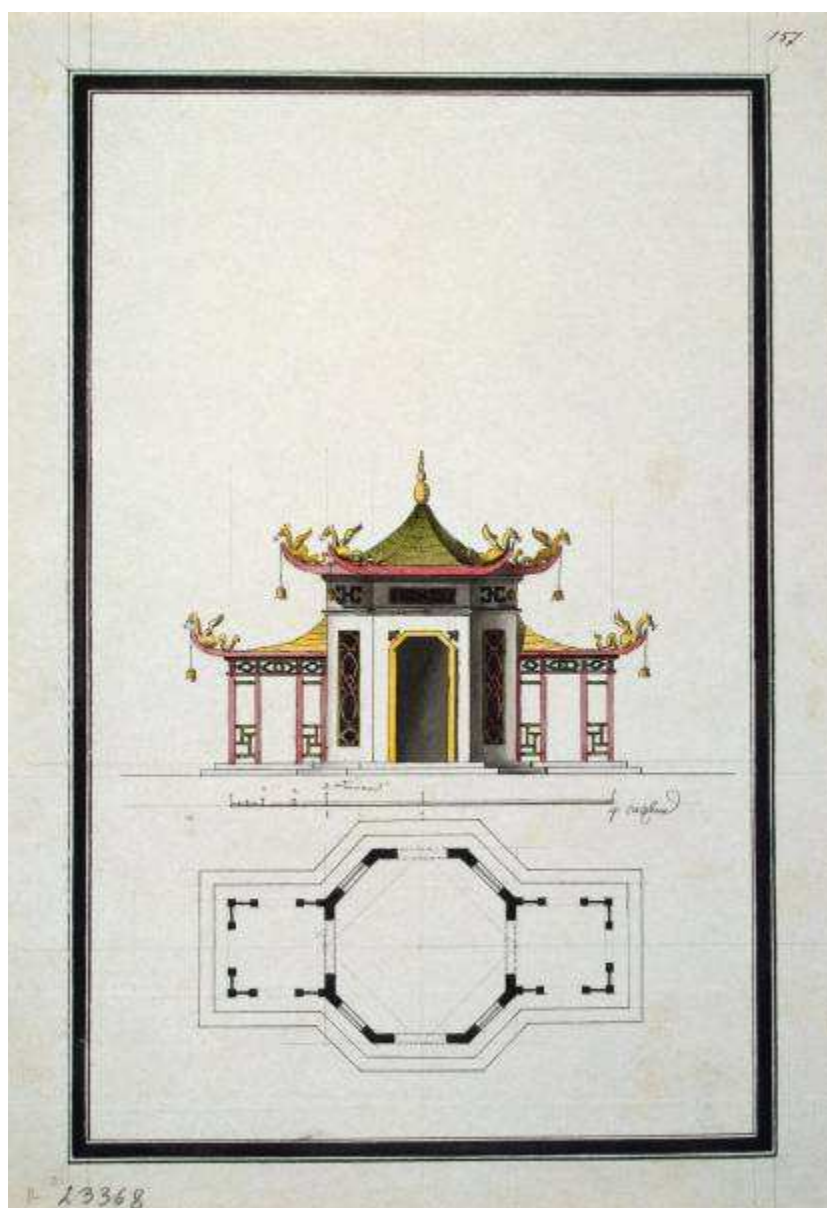

город Николаев. Конец 18 века

В самом Богоявленском – прелесть! Я туда ездил, и не мог довольно налюбоваться этим местом. Я нигде не видал такого соединения вдруг богатства природы, роскоши искусственной и нищеты. Потемкин любил это место, и разводил тут сады. Всякое растение и дерево, какое только в том климате достать можно около Крыма, – все сюда привезено было на подводах и посажено без пощады человеческого поту; все принялось и пустилось, а после – все поросло тростником и облеклось в пустыню. Тут уже не сад теперь пышный и пространный, а дичь одна необработанной природы.

Посреди сада видна еще купальня. Она из дикаго камня на 8-ми столбах. Несколько ступеней сводит вас в чистую и прохладную воду; под сводом гранитным вас солнце не печет. Тут орошался некогда исполин, и никто, кроме Нимф, приблизиться к нему не смел. Дабы сохранить и ныне, сколь возможно, сей

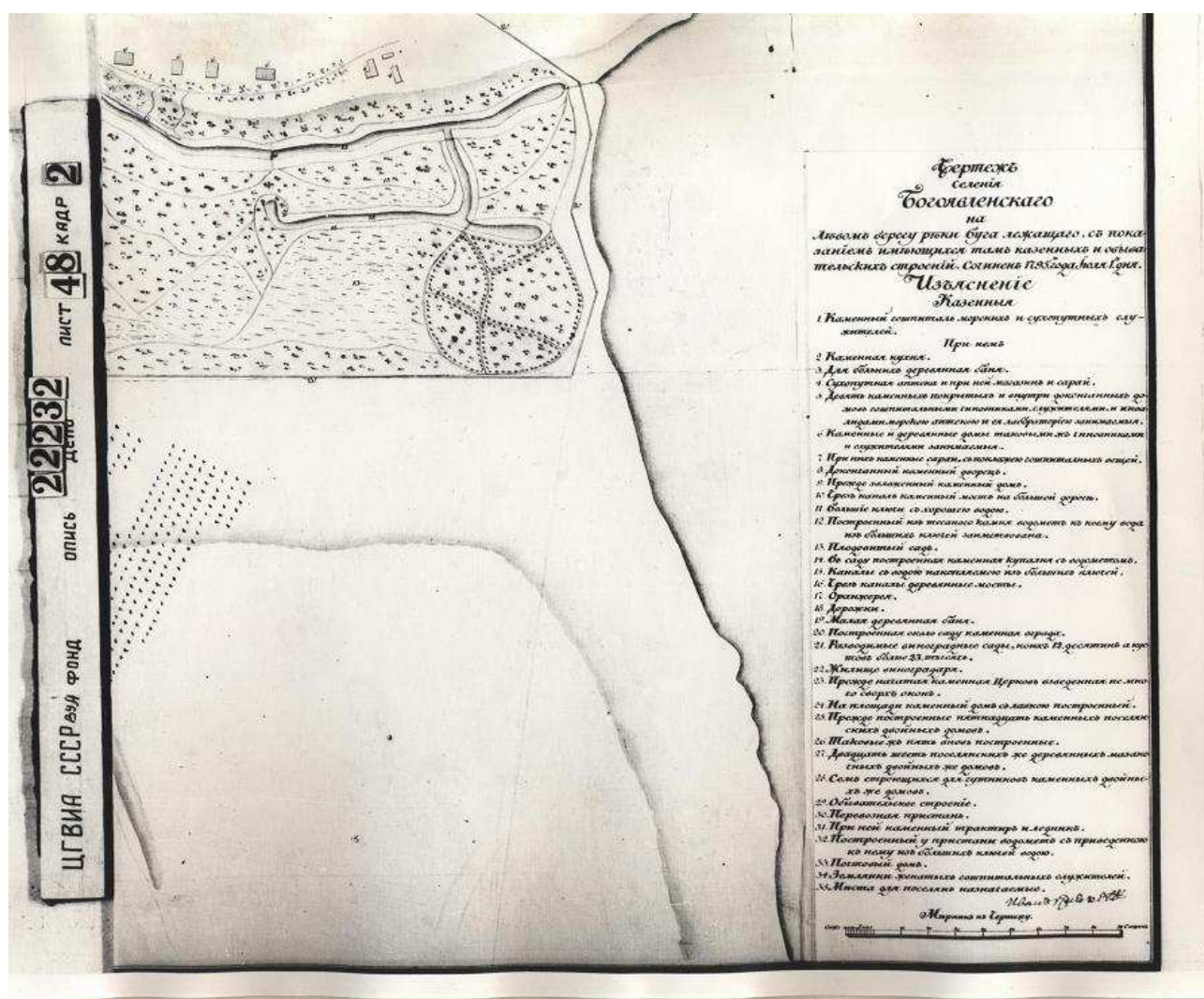
памятник роскоши от суровости погоды, а паче соблюсти источник в чистоте, поставлена бедная избушка, нестоющая ничего, из хворосту и тростника. – Один широкий шаг поставит вас на ея кровлю; но взгляните вокруг этого убогаго шалаша, в котором старичок-сторож плетет лапти и курит табак, – взгляните: около его разраслись не рябина или черемуха, нет! тут ветви, отягченные абрикосами, бергамотами, осеняют верх его и обвивают столпы его ограды. Высокий куст грецких орехов царствует над прочими плодами; с ним сблизила природа и каштановое дерево. Старик глядел на нас с изумлением; он не помимал, от чего мы так дивимся, – столь для него сие зрелище было обыкновенно! Где ж вы найдете так тесно вместе редкия прозябения лучших стран света, нищету хижины, вросшей в землю, и великолепную купальню? – О деревьях обыкновенных, как то: груши и яблони говорить уж нечего: – пропасть!

И.В. Неелов Проект китайского павильона в Богоявленском. Конец 18 века.

Сердце ноет, когда видишь в таком все запущении. Сад этот отдан одному фабриканту, который тут содержит суконную фабрику, и все место получил из казны в аренду. Он печется о своем промысле и, конечно, мало думает о саде. Я весь его исходил с конца до другого, неоднократно возвращался к бане, близ которой обрывал бергамоты, запивал хорошим вином и задумывался о скором течении случаев и всей жизни нашей.

Я сидел на самой той скамейке, на которой П... сматривал рано поутру, как возят в сад щебень, песок, деревья, как все шевелится для прихоти его и ищет его благосклонного взора. Натура, думал я, все та же, но снят с нея наряд; душа сих мест удалилась в другия селения; – все мертво было около меня. Сад при нем назывался Витовской. В то время, как он убирал его, г-жа Вит кружила ему голову. – О! я в том стою, умру с тем, что в жизни нашей то только время и можно счесть блаженным, в которое любовь сводит нас с ума!...

Чертеж селения Богоявленского

Меня водил по дорожкам, кои трудно отыскать уже в густой траве, один современник П .. а, и тех самых дней, когда Богоявленское во всей красе своей сияло. Один морской офицер был в нашем обществе, который видел здешния места в 89 году. Он нам казал там сухие рвы и болотистыя тинныя места, где я никак не

поверил бы, что были когда-либо токи свежей воды, если б он не засвидетельствовал нам, что тут прорыты были везде каналы, и столько наполнены водою, что князь плавал на них в раззолоченных лодках. – Гребцы пели, кричали; весла отражали лучи яркаго дневнаго светила; вода сливала с них крупные свои перлы, а князь не вмещал своих восторгов. Везде тут ныне ил, камыш, и на каждом шагу увязнешь. Вместо торжественных песен и кликов народных, один слышен крик неугомонных лягушек. Ах! что печальней сей картины!

Фонтан в Богоявленском

Дом княжеский сломан; но он был так велик, что из материалов его вышел прекраснейший лазарет для морских сил; – он тут же расположен. Ничто не заслуживает такого прилежного внимания; его построил маркиз де-Траверсе, и к зимней огромной больнице присоединил лагерный госпиталь, какого я еще нигде не видывал. Самое спасительное изобретение для недужных, истинный, а не тщеславный только опыт человеколюбия! – Сказывали мне, что и во всех портах настроены такие же. – Вот его расположение:

Все строение состоит из стены деревянной, не выше полуаршина, и с самой крутой и высокой крышкой, которая уподобляется полотняному намету. Эта кровля не доходит до земли, следовательно, воздух не стеснен и проходит между нею и стенами чрез всю галерею. Кровать больного поставлена головою к стене, и в крышке над каждой слуховое окошко, которое занавесом защищает больного от солнца. Пол земляной, но крепко убит, усыпан зеленью и всегда свеж, чист и сух; больному покойно, прохладно и просторно: выгодная замена зимним лазаретам, в коих летом так сгущается воздух, а между тем двоякая польза; ибо когда хворые

переносятся сюда, тогда зимняя казарма больничная проветривается и делается в них необходимая починка; самая перемена места столь часто для больного служит отрадой. При нас было их здесь до 100 человек, а иногда накапливается до 400. При больнице 6 лекарей, доктор один и, сверх того, инспектор. Все содержание этого лазарета, относительно пищи, белья, опрятства и чистоты около постелей, отменную честь делает надзирателям. Редко немощное человечество видит подобный о себе попечения.

Итак, кроме сада, есть в Богоявленском и полезные заведения. Я упомянул о больнице; скажу нечто о фабрике. Арендатор на многих станах точет здесь сукно из тонкой испанской шерсти в свою пользу. Чтоб доказать, приехавши домой, что можно уже обходиться и без иностранных сукон, я здесь купил на фраке по 6 руб. аршин сукно, которое выткано было из шерсти не совсем испанской, но снятой с пароды от смеси крымских наших овец с мериносами, т. е. Отмётис происшедшей. Оно несколько сурово, но носить можно; за то, какая же разница в цене с иноземными сукнами! – Перед нашими щеголями тем-то оно и виновато, что дешево. Хозяин фабрики работает с усердием и успехом; станов много; заведение обширное; строение казенное; работники вольные. Есть тут машина, посредством которой один ткач очень легко отделяет сукно в 3 аршина слишком ширины; но он не ломается, как тот, о котором я говорил, бывши в Полтаве. – Этот просто одной кистью руки шевеля рукоятку, посылает челнок с удивительною скоростью чрез всю основу с края стана на другой. Главный предмет этой фабрики – выделка солдатских сукон. Быв в Богоявленском, надобно зайти и ее посмотреть, как заведение, достойное примечания.

Но я, не будучи смышлен в этой промышленности, все обращал глаза мои на сады, источники и купальню. Сколько раз я обошел ее вокруг, сколько раз пил тут воду, подставлял голову под фонтан, – и в тени пожилого орешника оплакивал мысленно разрушение таких драгоценных прелестей! – Из сада пошедши к коляске, я еще наполнен был теми идеями, которыми местоположение и история его наполняли мое воображение, как наступил на что-то мягкое. – Ай! закричала жена. – Что такое? – Убитая змея. Оне часто, говорят, из густых трав вытягиваются и шипят. Согласимся, сказал я своим товарищам, что везде есть добро и зло: прекрасен сад, но змея не хороша.

Где чиж поет вверху, там змей шипит в траве;
Не все то хорошо, что взор прельщенный хвалит.
Червь точит алый цвет на мягкой мураве,
И прежде чем есть мед, пчела тебя ужалит.

Правда, правда! закричали мои товарищи, сели в коляску и поскакали в Николаев. Отъехав с версту, я кинул еще взор на ветвистый орешник и на купол великолепной ванны. Витовка! место безподобных очарований! – если ты и ныне дивишь любопытных, что ж была ты тогда, как вельможа сыпал в тебя все свои сокровища? – конечно, рай земной!

* * *

Долгоруков И.М. Славны бубны за горами. 1810 года // Долгоруков И.М. Сочинения. – Т. 2. – Спб.: А. Смирдин, 1849.

Николаевский хронограф. Сентябрь

1 сентября 1827 года в Николаеве состоялось торжественное открытие Училища для дочерей нижних чинов Черноморского флота, учреждённого по ходатайству Главного командира Черноморского флота и портов, военного губернатора Алексея Самуиловича Грейга.

1 сентября 1932 года бывший завод братьев Донских в Николаеве, переименованный в "Плуг и молот" (ныне – завод "Дормашина"), выпустил первую при Советской власти продукцию – двухрядные свеклоуборочные комбайны.

1 сентября 1954 года в Николаеве открылся техникум по подготовке культурно-образовательных работников (ныне – Николаевское государственное высшее училище культуры).

3 сентября 1898 года в Николаеве родился известный советский футболист и тренер Ассир Маркович Гальперин (1898–1974). Заслуженный мастер спорта СССР, организатор в 1927 г. футбольного клуба "Динамо" (Тбилиси), автор книги «Обучение юных футболистов тактике» (М., 1958).

3 сентября 1995 года – 29 февраля 1996 состоялся первый полёт в космос на МКС нашего земляка, Героя России лётчика-космонавта Юрия Павловича Гидзенко.

4 сентября 1880 года в Николаеве родился видный советский военачальник, военный историк, генерал-лейтенант Коленковский Александр Константинович (1880–1942) – профессор, доктор военных наук.

5 сентября 1745 года родился прославленный русский полководец, князь Михаил Илларионович Кутузов. Как командир Бугского егерского корпуса участвовал в Кинбурнской баталии 1787 г.

5 сентября 1839 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 18-пушечный бриг "Паламед", который 13 января 1848 г. на Новороссийском рейде был застигнут борой, сорван с якоря, выброшен на берег и разбился. Строитель Кириллов.

6 сентября 1775 года родился выдающийся адмирал, командующий Черноморским флотом Алексей Самуилович Грейг. С марта 1816 года главный командир Черноморского флота и военный губернатор Севастополя и Николаева.

6 сентября 1830 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 24-пушечный корвет "Сизополь". Строитель – подполковник корпуса корабельных инженеров Иван Яковлевич Осминин (?– 1838).

6 сентября 1831 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 24-пушечный корвет "Пендераклия". Строитель – подполковник корпуса корабельных инженеров Иван Яковлевич Осминин (?–1838).

6 сентября 1833 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 18-пушечный бриг "Фемистокл", Строитель – капитан Корпуса корабельных инженеров Акимов Алексей Семенович (ок. 1799–1858). в составе эскадры вице-адмирала М. П. Лазарева участвовал в высадке десанта в устье р. Туапсе.

6 сентября 1886 года в Николаеве родился известный советский актёр театра и кино, народный артист СССР Александр Иванович Зражевский (1886–1950). Известен по фильмам: «Повесть о настоящем человеке», «Возвращение Максима», «Крейсер "Варяг"» и пр.

7 сентября 1829 года в Спасском адмиралтействе г. Николаева спущен на воду 84-пушечный корабль "Анапа". Строитель – инженер, генерал-майор корабельных инженеров Михаил Ильич Суровцов. Участвовал в экспедиции Черноморского флота на Босфор в составе эскадры контр-адмирала М. П. Лазарева. Разобран в 1850 г.

7 сентября 1934 года родился выдающийся кораблестроитель, директор Черноморского судостроительного завода Юрий Иванович Макаров (1934–2002). Под его руководством было построено более 500 гражданских судов, военных кораблей, авианосцы «Адмирал Горшков», «Адмирал Кузнецов».

8 сентября 1778 года родился выдающийся русский адмирал Фаддей Фаддеевич (Фабиан Готтлиб Таддеус фон) Беллинсгаузен (1778–1852). В 1803–1808 совершил кругосветное плавание, в 1819–1821 начальник русской кругосветной экспедиции, открывшей Антарктиду. Его бюст установлен на Адмиральской улице в Николаеве у входа в Музей судостроения и флота.

8 сентября 1907 года прошла первая в истории России автомобильная и мотоциклетная гонка по маршруту Одесса–Николаев–Одесса.

9 сентября 1845 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 18-пушечный бриг "Птолемей", участвовал в Крымской войне 1853–1856 г. и затонул при бомбардировке в Севастополе. Строитель Г. В. Афанасьев.

9 сентября 1845 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 18-пушечный бриг "Тезей", участвовал в Крымской войне 1853–1856 г. и был затоплен в Севастополе. Строитель Г. В. Афанасьев.

9 сентября 1845 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 18-пушечный корвет "Калипсо", участвовал в Крымской войне 1853–1856 г. и был затоплен в Севастополе. Строитель И.В. Машкин.

9 сентября 1902 года Николаевским градоначальником и по совместительству командиром Николаевского порта был назначен вице-адмирал, участник Цусимского сражения Оскар Адольфович Энквист (1849–1912).

9 сентября 1920 года в Николаеве родилась Герой Советского Союза Галина Константиновна Петрова (1920–1943). Погибла в 1943 году в боях с немецкими захватчиками при освобождении Крыма. Её именем названа улица в Николаеве.

9 сентября 1934 года в Николаеве на судостроительном заводе № 198 (ныне – Черноморский судостроительный завод) спущен на воду лидер эскадренных миноносцев "Харьков" водоизмещением 2597 т.

9 сентября 1987 года отправилась в кругосветное плавание яхта Николаевского кораблестроительного института "Икар" под руководством преподавателя НКИ Бориса Степановича Немирова.

11 сентября 1830 года в Николаевском Спасском адмиралтействе спущен на воду 84-пушечный корабль "Адрианополь". Участвовал в экспедиции ЧФ на Босфор в 1833 г. во главе эскадры под флагом контр-адмирала М. П. Лазарева. Строитель – полковник Корпуса корабельных инженеров Александр Кириллович Каверзнев (1774–1867).

12 сентября 1926 года родился пионер-герой Витя Хоменко (1926–1942), участник партизанского подполья в Николаеве. 5 декабря 1942 года казнен фашистами.

13 сентября 1890 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду эскадренный броненосец "Двенадцать Апостолов" водоизмещением 8433 т.

13 сентября 1900 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду эскадренный броненосец "Князь Потемкин-Таврический" водоизмещением 12 900 т. Руководство строительством осуществлял корабельный инженер А. Э. Шотт.

14 сентября 1909 года в Николаеве родился международный шахматный гроссмейстер Владимир Акимович Брон (1909–1985), доктор технических наук, крупный учёный в области огнеупорных материалов.

14 сентября 1938 года в Николаеве открылся Дворец пионеров и школьников им. В.И. Ленина.

14 сентября 1973 года в Николаеве на заводе имени 61-го коммунара спущен на воду Большой противолодочный корабль "Азов" водоизмещением 8565 т.

15 сентября 1882 года в Николаеве на хуторе Водопой по инициативе Николаевского губернатора адмирала Н.А. Аркаса открыта городская народная школа (ныне СШ №27).

15 сентября 1989 года в Николаеве к 200-летию основания Николаева на улице Советской и проспекте Ленина открыт памятник корабелам и флотоводцам.

17 сентября 1843 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 60-пушечный фрегат "Мидия", участвовал в Крымской войне 1853–1856 г. и был затоплен в Севастополе. Строитель В. Апостоли.

17 сентября 1843 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 44-пушечный фрегат "Кагул", участвовал в Крымской войне 1853–1856 г. и был затоплен в Севастополе. Строитель – капитан Корпуса корабельных инженеров Акимов Алексей Семенович (ок. 1799–1858).

17 сентября 1843 года в Николаевском Спасском адмиралтействе спущен на воду 84-пушечный корабль "Ягудиил", участвовал в Крымской войне 1853–56 г. и был затоплен в Севастополе. Строитель И. С. Дмитриев.

17 сентября 1873 года в Николаеве родился контр-адмирал Николай Эммануилович Викорст (1873–1944), участник китайской кампании 1900–1901 гг., во время Гражданской войны — в белых войсках Северного фронта.

18 сентября 1843 года в Николаеве родился известный в 19 веке писатель, литературный критик Василий Павлович Бефани (1843–1895). Автор исторического романа "Аракчеевец", а также ряда повестей, рассказов и сборника стихов "Портфель сатирических куплетов, написанных на современные мотивы общественной жизни".

18 сентября 1890 года в Николаеве на Глазенаповской улице (ныне Декабристов) был заложен костёл Римско-католической церкви, который сохранился до наших дней.

18 сентября 1920 года был основан Николаевский кораблестроительный институт (НКИ), ныне Николаевский морской технический университет.

20 сентября 1827 года в Николаеве на Спасском холме по инициативе адмирала А.С. Грейга была открыта Морская астрономическая обсерватория, в которой в этот день были

сделаны первые астрономические наблюдения. Первым её директором стал астроном Карл Христофорович Кнорре (1801–1883).

20 сентября 1870 года в Николаеве на базе четырехклассного женского училища 1-го разряда, открыта Первая Мариинская женская гимназия (то есть принятого учреждением императрицы Марии под свое Августейшее покровительство).

20 сентября 1873 года родившийся в Николаеве генерал-адъютант С.А.Грейг сын адмирала А.С. Грейга, впоследствии министр финансов России, стал первым официально утверждённым в звании "Почётный гражданин города Николаева".

20 сентября 1881 года родился инженер-кораблестроитель, один из организаторов судостроения в СССР Владимир Полиевктович Костенко (1881–1956). С 1 мая 1912 года — главный инженер Общества Николаевских заводов и верфей «Наваль» (ныне ЧСЗ). Николаевский городской Голова (август 1917–январь 1918).

20 сентября 1982 года советским астрономом Николаем Степановичем Черных был открыт астероид главного астероидного пояса 8141 Nikolaev, названный в честь города Николаева.

20 сентября 1909 года в городе Новый Буг Николаевской области родился выдающийся учёный Доктор сельскохозяйственных наук, профессор; заместитель директора Агрофизического НИИ ВАСХНИЛ Иссаак Борисович Ревут (1909–1978) – один из создателей науки агрофизики.

21 сентября 1833 года в Николаеве на Никольской улице открыто уездное училище – первое светское казенное учебное заведение в г. Николаеве.

21 сентября 1839 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 44-пушечный фрегат "Флора", участвовал в Крымской войне 1853–1856 г. и был затоплен в Севастополе. Строитель – капитан Корпуса корабельных инженеров Акимов Алексей Семенович (ок. 1799 - 1858).

21 сентября 1847 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 44-пушечный фрегат "Кулевчи", участвовал в Крымской войне 1853–1856 г. и был затоплен в Севастополе. Строитель – капитан Корпуса корабельных инженеров Акимов Алексей Семенович (ок. 1799 - 1858).

21 сентября 1918 года в деревне Марьяновка Баштанского района Николаевской области родился Герой Советского Союза Гребенюк Никита Андреевич (1918–1995) – участник освобождения города Николаева от немецко-фашистских захватчиков в составе десанта ст. лейтенанта К. Ольшанского, почётный гражданин Николаева.

22 сентября 1937 года постановлением ЦИК СССР из 28 районов и городов Одесской и 9 районов тогдашней Днепропетровской области была образована новая территориальная единица – Николаевская область.

23 сентября 1826 года в Николаеве спущен на воду линейный корабль "Париж", участвовавший в войне с Турцией 1828–1829 г. под флагом вице-адмирала А.С. Грейга. Строитель корабля С.И. Разумов.

24 сентября 1739 года родился выдающийся деятель Российской империи, основатель города Николаева светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин (1739–1791).

24 сентября 1900 года в Николаевском Адмиралтействе спущен на воду броненосец "Князь Потемкин Таврический", на котором 14 июня 1905 года вспыхнуло первое восстание революционных матросов.

24 сентября 1913 года в Николаеве был основан Учительский институт. В настоящее время Николаевский национальный государственный университет имени В.А. Сухомлинского.

25 сентября 1875 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду броненосец береговой обороны "Киев" (с 09.10.1873 г. – переименован в "Вице-адмирал Попов").

25 сентября 1895 года в Николаеве бельгийскими промышленниками Эмилем Делуа Орбан и Франсуа, а также банкиром Робертом Сюрмондом был основан судостроительный завод "Анонимного общества корабельных верфей, мастерских и плавилен в городе Николаеве" (ныне – Черноморский судостроительный завод). Его первым Председателем правления стал барон Макар де Подеста.

26 сентября 1855 года Николаевским военным губернатором назначен вице-адмирал Николай Фёдорович Метлин (1804–1884), осуществлявший руководство сооружением всех оборонительных объектов города Николаева в годы Крымской войны 1853–56 гг. На него же была возложена оборона города на случай оккупации англо-французскими войсками.

26 сентября 1858 года в Николаевском адмиралтействе спущен на воду 131-пушечный корабль "Синоп", который по условиям Крымской войны вошёл в состав Балтийского флота. Строитель – капитан Корпуса корабельных инженеров Акимов Алексей Семенович (ок. 1799–1858).

26 сентября 1938 года в Николаеве на базе Николаевской школы морских лётчиков Главсевморпути состоялось открытие Военно-морского авиационного училища им. С. Леваневского.

26 сентября 1965 торжественно открыт Николаевский Центральный городской стадион «Судостроитель».

28 сентября 1882 года Николаевская Городская Дума постановила Молдаванскую улицу переименовать в Глазенаповскую в честь адмирала Богдана Александровича фон Глазенапа (1811–1892) – Главного командира Черноморского флота и портов и военного губернатора Николаева в 1860–1869 гг.

29 сентября 1850 года в Спасском адмиралтействе г. Николаева спущен на воду 120-пушечный корабль "Великий Князь Константин" – строитель С. И. Чернявский. Участвовал в Синопском сражении и Крымской войне 1853–1856 гг. 28 августа 1855 г. затоплен на Севастопольском рейде при оставлении города гарнизоном.

29 сентября 1890 года в Николаеве родился выдающийся советский химик, член-корреспондент АН СССР, Исаак Абрамович Казарновский (1890–1981), открыл ряд окислов и разработал промышленные методы производства безводного хлористого алюминия из глин, а также метод регенерации воздуха.

29 сентября 1919 года в Николаеве родилась известная советская шахматистка Кира Алексеевна Зворыкина (род. 1919 г.), заслуженный мастер спорта (1957), международный гроссмейстер (1978), чемпионка СССР (1951, 1953, 1956), победитель Всемирных олимпиад (1957 и 1963).

29 сентября 1939 года в Николаеве образованы авиаремонтные мастерские при училище пилотов "Главсевморпути" (впоследствии им. Леваневского). Ныне – "Николаевский авиаремонтный завод "НАРП" Министерства обороны Украины.

30 сентября 1845 года скончался адмирал Алексей Самуилович Грейг (1775–1845) – Главный командир Черноморского флота и военный губернатор Николаева и Севастополя (1816–1833).

30 сентября 1794 года в Николаеве закончена постройка и начала функционировать соборная церковь во имя Святого Григория Великия Армении – главный собор Черноморского флота.

30 сентября 1886 года в Николаеве родился один из основателей советской школы электротехники Константин Петрович Григорович (1886–1943).

Книгоиздательство

Издательство Ирины Гудым на книжном рынке существует более 10 лет. Книги издательства – это летопись истории города Николаева, Северного Причерноморья, Украины, России. Настоящая художественная проза, поэзия, детские книги, исторические эссе, православная литература. Библиотеку издательства составляют книги лауреатов Национальной премии Украины им. Т.Шевченко, Всеукраинской премии им. Н. Ушакова, Николаевской областной премии им. Н.Аркаса, книги историков-исследователей,

краеведов.

Все эти издания можно увидеть и приобрести на демонстрационных стендах издательства или заказать на сайте www.gudim.mk.ua. Издательство ежегодно принимает участие в международных, республиканских и городских книжных выставках.

Адрес издательства:

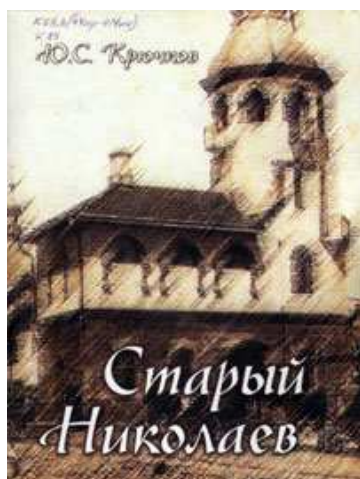
Украина, 54030, г. Николаев, ул. Адмиральская, 20

E-mail: publish@mk.ukrtelecom.ua

тел: 8 (0512) 37-37-18, типография: 8 (0512) 37-27-00

моб. 8 (097) 301-86-92, 8 (098) 424-73-04

Крупнейший николаевский книгоиздатель Ирина Гудым представляет книги издательства:

Ю. Крючков. Старый Николаев. Топонимический словарь – справочник. – Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2008. – 128с., ил. Твердый переплет.

В книге известного николаевского краеведа, профессора Юрия Семёновича Крючкова представлены история развития и особенности топонимики старого Николаева. Представлено около 580 топонимов города, его ближних и дальних окрестностей, исторически тесно связанных с Николаевом. Книга представляет историю Николаева и его окрестностей через названия населенных пунктов, улиц, площадей, скверов,

рек, озер и т. д. Приложен план города 1908 года. В книге 40 карт и 180 фотографий. Раскрывается происхождение названий, указаны год их появления и документы, фиксирующие эти названия; приведены также все переименования – вплоть до нашего времени.

Предназначена для всех, кто интересуется историей города Николаева, происхождением наименований его улиц и площадей, архитектурой исторической части города.

* * *

Всем, кому небезразлична история нашего города, будет интересна книга известного ученого, исследователя и настоящего патриота Ю.С. Крючкова «Старый Николаев». Юрий Семенович издал уже изрядное количество уникальных книг и по основной профессии, а он доктор технических наук, профессор, корабел, и ряд блестящих исследований о нашем Николаеве и знаменитых земляках – Самуиле и Алексее Грейгах. Ему воистину заслужено присвоено звание заслуженного работника культуры Украины, земляки по достоинству оценили его самоотверженный труд: он – Почетный гражданин Николаева, «Горожанин года» в номинации «Летописец Николаева».

Топонимический словарь «Старый Николаев» был переиздан в 2008 году в издательстве Ирины Гудым (до этого он увидел свет 15 лет ранее, став по-настоящему библиографической редкостью). Он и сегодня не потерял своей актуальности, поскольку понятия «патриотизм», «любовь к Отчизне», «любовь к малой родине» – вне времени, вне социальных строев и политических потрясений.

В издании вы найдете названия и изменения всех николаевских улиц, вплоть до сегодняшних дней. Автор расширил и пополнил информационное поле, оно включает солидное количество планов и окрестностей старого и вечно молодого Николаева. Вас удивят и поразят фотографии неповторимых зданий и улиц родного города. Здесь представлено 580 топонимов города, раскрыто происхождение названий, всего 200 иллюстраций.

Надеемся, что «Старый Николаев» Ю. Крючкова будет интересен и полезен широкому кругу горожан и гостей нашего города.

Татьяна Даниленко, журналист.

* * *

Б. Аров. Чуткие струны Марка Лисянского. Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2011. - 256с.: илл. Твёрдый переплёт.

Выпуск книги приурочен к предстоящему 100-летию со дня рождения выдающегося поэта Марка Самойловича Лисянского (1913–1993). В книге старейшего николаевского журналиста Бориса Арова представлены многочисленные воспоминания автора и современников о Марке Лисянском, впервые публикуются уникальные фотографии и документы из личного архива поэта, его коллег и друзей.

* * *

Библиотечное дело

Научно-педагогическая библиотека города Николаева в событиях и фактах

Вместо предисловия

Научно-педагогическая библиотека города Николаева – современный центр поддержки профессиональных информационных потребностей научно-педагогических, педагогических и управленческих кадров, студентов, ученической молодежи, а также содействия повышению их профессионального, духовного и культурного уровня.

Историческая справка

Первые архивные данные об организации Николаевской научно-педагогической библиотеки относятся к тяжелому послевоенному 1946 году.

11 декабря 1946 года Николаевский городской Совет депутатов трудящихся, рассмотрев письмо работников школ от 22 октября 1946 года № 368 о возобновлении в правах на помещение бывшей учительской библиотеки по улице Черниговской, принял решение № 948 о передаче дома по ул. Черниговской, 17 Николаевскому областному комитету Союза работников начальных и средних школ УССР для "возобновления в нем деятельности бывшей учительской библиотеки".

Этот документ дает право признать факт существования библиотеки до 1946 года, но свидетельств довоенного времени пока что не найдено, их поиск продолжается.

Следующая историческая веха – 1949 год. Библиотека переезжает на улицу Московскую, 45 и размещается в пяти комнатах.

1969 год библиотека отметила переездом в Дом учителя по ул. Плехановской, 50, где заняла весь первый этаж.

Решение президиума Николаевского областного совета профсоюзов от 30 марта 1977 года постановило объединить 33 профсоюзные библиотеки г. Николаева и до 1 июля 1980 года создать Межсоюзную централизованную библиотечную систему (МЦБС) с единым книжным фондом, справочным аппаратом, штатами, комплектованием и обработкой литературы. Имея высокий образовательно-профессиональный потенциал, учительская библиотека становится базовой Центральной городской библиотекой Межсоюзной ЦБС г. Николаева, тем самым становясь для своих 33 филиалов методическим центром.

В 1988 году библиотека в связи с капитальным ремонтом помещения Дома учителя переезжает на ул. Школьная, 2.

Решением Николаевского областного совета профессиональных союзов № 11-91/747 от 26.11.90 в связи с реорганизацией структуры профсоюзных органов и заведений культуры межсоюзная ЦБС г. Николаева с 1 января 1991 года закрывается. Решением Николаевского городского совета народных депутатов от 27.11.1990 г. № 5/2 п. 11 "Решить вопрос о передаче на баланс городского отдела народного образования библиотеки для учителей" и приказом горисполкома № 6 от 21 января в 1991 г. межсоюзная ЦБС г.

Николаева переименована в библиотеку работников народного образования г. Николаева.

1997 год можно назвать началом новой эры в жизни библиотеки в связи с переездом в центральную часть города – на улицу Адмиральскую,31.

Распоряжением городского председателя № 358 от 25 сентября в 1997 г. и приказом управления образования Николаевского горисполкома № 468 от 9 декабря в 1997г. библиотека работников народного образования г. Николаева реорганизована в городскую просветительскую библиотеку.

Решением Николаевского городского совета от 12.02.2000 года городская просветительская библиотека реорганизована путем превращения ее в "Научно-педагогическую библиотеку г. Николаева".

Внедрение ИКТ в работу библиотеки

Осенью 1999 года в библиотеке появился первый компьютер, сразу же была установлена связь с Интернетом, доступ к мировой информационной сети стал возможным для каждого читателя библиотеки. В 2000 году библиотека создала собственный сайт - www.library.mk.ua.

В 2001 году при содействии IREX/IATP, руководства управления образования и городской власти г. Николаева в библиотеке открылся Интернет-центр. С 2002 года в библиотеке внедрено программное обеспечение АБИС "ИРБИС", на базе которого в 2008 году создан "Сводный электронный каталог библиотек города", - www.e-catalog.mk.ua.

Сегодня в библиотеке работают Интернет-места для пользователей, Wi-Fi, осуществляется электронная доставка документов, создаются полнотекстовые базы данных, автоматизированы библиотечные процессы, в том числе и книговыдача.

Информационные ресурсы

Фонд библиотеки насчитывает свыше 100 тысяч единиц хранения. Основную часть составляет литература исторического, теоретического и практического характера по педагогике, психологии, дефектологии и смежным наукам на русском и украинском языках.

В фонде широко представлены монографии, энциклопедии, справочники, словари, научные труды и ученые записки университетов Украины, учебники для всех типов высших учебных заведений гуманитарного профиля, в том числе и на электронных носителях

информации. Информация о фонде библиотеки представлена в электронном каталоге.

Издательская деятельность

С апреля 1999 года библиотека начала выпуск информационного бюллетеня "Освитель".

Библиографические издания готовятся согласно запросам пользователей и предназначены педагогическим кадрам с целью усовершенствования организации учебно-воспитательного процесса. В библиографических изданиях представлена литература баз данных научно-педагогической библиотеки г. Николаева. Некоторые пособия создаются с привлечением документов из фондов НПБ Украины им. В. Сухомлинского.

Ежегодно выдаются методические пособия и рекомендации для школьных библиотек.

Полные тексты изданий библиотеки размещены на библиотечном сайте.

Социокультурная деятельность

В течение всего своего существования библиотека является и культурно-досуговым центром, ставя целью повышение социально-культурной активности населения. В разные времена в библиотеке происходили дискуссии, встречи, презентации книг, читательские конференции. В библиотеке работает дискуссионный клуб "Позиция", молодежно-литературный клуб "Альтернатива", киноклуб "Filini", Народный университет украиноведения имени Г.С.Сковороды, Университет третьего возраста, студия "Подиум".

Школьные библиотеки – это наша миссия и обязанность

Согласно Положению о сети библиотек учреждений образования МОП Украины и АПН Украины (Приказ № 334/31 от 30.05.2003) наша библиотека является научно-методическим центром для просветительских библиотек всех типов и видов соответствующего региона.

Совместно с научно-методическим центром управления образования библиотека осуществляет повышение квалификации школьных библиотекарей, обобщает опыт работы, готовит материалы на коллегию городского управления образования, способствует внедрению ИКТ в работу школьных библиотек.

Советуем почитать :

Крючков Ю.С. Адмирал Иосиф Михайлович Дерибас / Ю.С. Крючков. – Николаев: Издатель Торубара Е.С. ; Издательство Гудым И.А., 2011. – 44 с. : Ил. – (Легендарные имена).

В книге рассказывается о легендарной личности Иосифа Михайловича Дерибаса, испанца, российского адмирала. Авантюрист по натуре своей, он был участником похищения самозванки «княжны Таракановой», сражался под стенами Очакова на Лимане, участвовал вместе с А. Суворовым в штурме Измаила. Он прожил в Николаеве несколько лет и здесь разработал план основания и строительства Одессы.

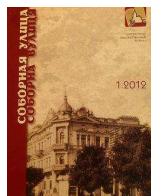
* * *

Бугаенко Б. А. Он мечтал об университете кораблестроителей.: К 80-летию со дня рождения профессора М.Н.Александрова (1932–1993 гг.) / Б. А. Бугаенко, А. Ф. Галь. – Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2012. – 30 с. : Фот. – (Легендарные имена).

Среди плеяды личностей, сыгравших исключительную роль в становлении, развитии и подъеме инженерно-кораблестроительной образования на юге Украины, особое положение занимает профессор Михаил Николаевич Александров. Именно с его приходом на должность ректора НКИ началось энергичное строительство современных учебных и лабораторных корпусов, освоение новой территории и создание учебного заведения международного уровня – Национальный университет кораблестроения им. Адмирала Макарова.

* * *

Вышел в свет второй номер николаевского литературно-художественного журнала «Соборная улица» В конце сентября в николаевском издательстве "Илион" вышел в свет второй номер литературного журнала "Соборная улица". На страницах этого журнала можно познакомиться с произведениями наших земляков: украинских прозаиков Геннадия Молчанова и Александра Сизоненко, с рассказами Анатолия Малярова, с поэзией известных поэтов-земляков Дмитра Креминя, Екатерины Голубковой и Олега Духовного... В журнале также представлены и молодые николаевские авторы: Надежда Агафонова и Сергей Войналович. Журнал красочно и со вкусом иллюстрирован. Библиотеки города Николаева получили новое и интересное издание, которое с интересом прочтут любители художественной литературы.